
АНДРЕЙ СНЕГОВ
2
КОДЕКС АГЕНТА

#Бояръ-Аниме. Кодекс Агента. Том 2

Андрей Снегов

Аннотация
#Бояръ-Аниме. Кодекс Агента. Том 2
Глава 1. Встреча со Светлым
Глава 2. Первое задание
Глава 3. В посольстве Темных
Глава 4. Бойтесь волхвов, дары приносящих
Глава 5. Свет знаний сгущает Тьму сомнений
Глава 6. Рандеву с Наследницей Престола
Глава 7. В темнице сырой
Глава 8. Пятая жертва
Глава 9. Прощание с прошлым
Глава 10. Неожиданный визит
Глава 11. Наставления Великого Князя
Глава 12. Везение в карты и невезение в любви
Глава 13. Прибытие в Царское Село
Глава 14. Князь Бестужев гневается
Глава 15. Бой с Цесаревичем
Глава 16. Темный Кристалл
Глава 17. Оргия праведников
Глава 18. Земля уходит из-под ног
Глава 19. Кто я?!

Глава 20. В лапах эскулапов
Глава 21. Спонтанный побег
Глава 22. Путешествие из Петербурга в Москву
Глава 23. Прощальное напутствие
Глава 24. Возвращение в родные пенаты
Глава 25. Аристо — те еще ублюдки!
Глава 26. Дорога к Храму
Nota bene

Аннотация

Я – будущий киллер. А еще я – сирота, бесцветный бездарь и бастард какого-то аристо в придачу. Я ненавижу этих ублюдков – высших цветных аристо: все семь Великих Родов Российской Империи и Его Величество Императора лично.

В сокрытом от всех Приюте из нас создают агентов, которые должны положить конец тирании одаренных аристократов, и я просто обязан сделать все, чтобы этого добиться!

Постойте-ка! Я – не бездарь?! Да еще и чистокровный аристократ?! И, возможно, единственный наследник сильнейшего Великого Рода?!

Это чья-то злая шутка: я же их всех ненавижу и должен уничтожить?!

Первый том цикла:
https://author.today/work/323729

#Бояръ-Аниме. Кодекс Агента. Том 2

Глава 1
Встреча со Светлым

Время застыло, как и незнакомец, стоящий передо мной. Я смотрю в его прозрачные, пыла-

ющие ослепительно-белым светом радужки уже целую вечность и боюсь отвести от них взгляд. Боюсь, потому что, сделав это, начну жадно разглядывать его лицо во всех подробностях. Лицо, которое я вижу в зеркале каждое утро.

Белый свет, бьющий из глаз незнакомца, завораживает и пугает. Неужели передо мной легендарный Светлый, которых якобы уже не существует? Светлый, да еще и единокровный родственник?

— Долго будешь в гляделки играть?! — неожиданно спрашивает мужчина и без предупреждения срывается в атаку.

Он мгновенно оказывается передо мной, начисто проигнорировав замедленное время. Быстрый росчерк возникшего в его руке светящегося клинка заставляет отшатнуться назад, я упираюсь спиной в стену, пытаюсь отразить удар меча бронзовым подсвечником, но белое лезвие режет его, словно нож — масло.

Уклоняюсь, бросаюсь на незнакомца, используя острый обрубок в качестве оружия, но моя рука встречает пустоту. Подчиняясь интуиции, резко приседаю и слышу свист лезвия над головой. Делаю оборот вокруг своей оси, но острый срез подсвечника снова пронзает воздух — незна-

комец перемещается в сторону одним слитным движением и запрыгивает на кровать.

Клинок обрушивается на меня сверху. Уклоняясь, я распластываюсь на полу и ломаю ножку тяжелой кровати. Она кренится, противник теряет равновесие, и в попытке удержаться на ногах отсекает мечом часть дубового изножья.

Хватаю матрац, дергаю его на себя, и фигура в черном плаще падает на пол по другую сторону кровати. Вскакиваю на ноги и совершаю немыслимый для любого высшего аристо поступок — позорно бегу с поля боя. Бегу, потому что против незнакомца у меня нет шансов.

Сильные руки хватают меня за плечи перед дверью и дергают на себя. Мужчина сжимает меня в стальной хватке, разворачивается спиной к выходу, и нас окружает светящаяся белая сфера.

Пространство содрогается, уши закладывает от приглушенного рокота, и мир заливает ослепительное пламя. Оно беснуется вокруг защитной сферы, наполняет комнату ярко-красным сиянием, и я понимаю, что моя магия больше не действует — черно-белая картинка стала цветной.

Оранжево-красная буря стихает мгновенно, и я удивленно рассматриваю собственную спаль-

ню сквозь мерцающее полупрозрачное марево. Помещение не пострадало, если не считать последствий нашей драки. Видимо, взорвался напитанный Силой амулет.

— Кое-чему тебя научили! — раздается мягкий насмешливый баритон из-за спины, и я осознаю, что все еще зажат в железных объятиях незнакомца. — Глупить не будешь?

— Не буду! — сдавленно отвечаю я и оказываюсь на свободе.

Мячиком отскакиваю от мужчины, резко разворачиваюсь и вижу радужки, все еще полыхающие белым светом. Меч из руки незнакомца исчез, а ладони спрятаны в полах длинного черного плаща.

— Поблагодарить за чудесное спасение не желаешь? — равнодушно интересуется незнакомец, и на его надменном лице появляется лукавая улыбка.

— Благодарю! — нехотя выдавливаю из себя я. — Кто вы?

— Твой родственник, — с усмешкой отвечает мужчина. — Назовем меня так!

Белый свет, струящийся из его радужек, уже не столь ярок и не маскирует мимические морщины в уголках губ и глаз. Только теперь я понимаю,

что незнакомец намного старше меня.

— Воспитанные юные отпрыски аристократических семейств обычно представляются первыми! — губы мужчины кривятся в саркастической усмешке.

— Александр Игоревич Шувалов, — с достоинством произношу я и склоняю голову. — Вы тоже — Шувалов?

Я задаю очевидный вопрос и перебираю в мыслях портреты представителей Великого Рода, украшающие помещения Родовой Высотки. Незнакомец похож на всех сразу, но ни одним из них не является.

— Ты узнал ответ, едва меня увидев — так зачем спрашиваешь?

Улыбка незнакомца становится шире, он щурит глаза, и в них появляется откровенная насмешка.

— Одеться можно?! — спрашиваю я и указываю взглядом на шкаф.

— Валяй, если тебя смущает собственная нагота! — мужчина пожимает плечами.

Медленно прохожу между незнакомцем и кроватью, открываю створку шкафа так, чтобы видеть его отражение в зеркале на дверце, и начинаю перебирать вешалки с одеждой. Тяну

время, лихорадочно обдумывая план дальнейших действий и украдкой наблюдая за Светлым.

Он наверняка ждал меня здесь. Знал, что я обязательно приду. Быть может, и Приют взорвал, чтобы выманить меня из Родовой Высотки. Нет, вряд ли это сделано ради моей скромной персоны, да и зачем тогда он меня спас? Хотел расположить к себе с помощью столь сложной комбинации?

— Покушение на тебя — не моих рук дело, я не собираюсь тебя убивать! — бархатный голос незнакомца звучит у самого уха, и на плечо ложится его тяжелая рука.

Я выскальзываю из-под широкой ладони, рыбкой бросаюсь на кровать, делаю перекат и оказываюсь за спиной незнакомца. Точнее, позади того места, где мужчина стоял мгновение назад.

— Повернись, — мягко приказывает мне он, и я выполняю распоряжение, понимая, что силы не равны и сопротивление лишь навредит мне. — Я пришел, чтобы спасти тебя!

— И для этого взорвали Приют?!

— Нет, я лишь пользуюсь сложившейся ситуацией! — заверяет меня он.

— Приютские живы? — спрашиваю я, не особо надеясь на честный ответ.

— Не знаю! — незнакомец пожимает плечами. — Мне нет дела до их судьбы!

— И кто же хотел меня убить, если не вы? — спрашиваю, подозрительно щурясь, хотя ответ очевиден, особенно при взгляде на записку Мины.

— Поинтересуйся у своих друзей! — советует мужчина и кивком указывает на валяющийся на полу листок с изображенным на нем сердцем.

Сердце, которое бьется в моей груди, не нарисовано красной помадой на бумаге и потому сжимается от боли. Я отвожу взгляд от картинки и с трудом удерживаю на лице невозмутимое выражение.

— Мне кажется, что настало время представиться в ответ, — предлагаю я, постепенно восстанавливая самообладание.

— Извините, Ваша Светлость, но это мне решать! — на губах незнакомца снова возникает ироничная улыбка, а в голосе проявляются озорные нотки.

— Вы — Светлый?! — задаю очевидный вопрос я.

— Ты узнал ответ, едва меня увидев — так зачем спрашиваешь? — мы произносим эту фразу одновременно, я даже темп и интонации копирую

весьма точно.

Незнакомец запрокидывает голову и заливисто смеется. Он эмоционален и склонен к театральным эффектам, как и я.

— Вы — мой отец? — задаю еще один вопрос и сталкиваюсь с изумленным взглядом белесых светящихся глаз.

— Такая вероятность не исключена, и, возможно, я смогу ответить на этот вопрос, если покажешь фото твоей матери! — произносит Светлый уже мягче и без издевки, видимо, не желая меня оскорблять.

— Ладно! — я поднимаю руки и перевожу разговор в более практичное русло. — Вы — супер-аристо и работаете на Мосфильм или спасли меня с какой-то целью?

— Я спас тебя с целью спасти от гибели во время Инициации, уж извини за каламбур! — незнакомец улыбается еще шире и картинно разводит руками. — Нас, Светлых, слишком мало в этом бренном мире, чтобы позволить тебе умереть столь бездарно!

— Я — Светлый?! — меня захлестывает истерическое веселье, и я начинаю загибать пальцы. — Я кровь от крови Великого Рода Шуваловых, бездарь, фиолетовый маг и Темный по совмести-

тельству, а теперь еще и Светлый?! Не много ли для безродного сироты?!

— Ты даже не представляешь, на что способен, мой юный друг!

Радужки незнакомца разгораются красными углями, потом становятся оранжевыми, желтеют, зеленеют, наливаются небесной синью, вспыхивают фиолетовыми сапфирами, а затем… Затем они превращаются в два обсидиановых круга!

Я наблюдаю за цветовыми метаморфозами с отвисшей челюстью, и от удивления не могу произнести ни слова. Привычная картина мира рушится в очередной раз, погребая под обломками неоспоримые истины, постулаты и табу.

— Так я больше похож на супер-аристо?! — спрашивает незнакомец, вскинув брови, и вокруг его зрачков вспыхивают радужные водовороты. — Демонстрирую, чтобы ты не сомневался: на мне нет контактных линз, которые ты обычно использовал, выполняя задания Приюта!

Какое-то время он пристально смотрит на меня, наклонив голову, и явно наслаждается произведенным эффектом. От усмешки на красивом породистом лице уже не веет иронией: она несет в себе неприкрытое торжество безудержной силы.

— Светлые способны управлять не только всем спектром магии, но и темной ее составляющей, — сообщает мне мужчина менторским тоном.

— Если я обладаю Даром и могу управлять любым цветом, то почему должен погибнуть во время завтрашней инициации? — задаю я вполне логичный вопрос.

— Главы Великих Родов уничтожат тебя, едва ты явишь им свою природу! — свечение в глазах незнакомца гаснет, и я вижу такие же фиолетовые, как и мои. — Уж поверь мне, Светлых они боятся еще больше, чем Темных!

— Темные — их враги, с ними все ясно, но почему Высшие Цветные боятся Светлых?

— Потому что любой высший Светлый сильнее не только каждого из них, но и всей Семерки Глав Великих Родов, вместе взятых! — сообщает мне мужчина и подмигивает. — Ты тоже силен — но лишь в потенциале! Пока тебя любой аристо может как муху прихлопнуть, и даже не поморщится!

— Почему вы решили, что я — Светлый?!

— Это очень длинная история, и когда-нибудь я обязательно ее поведаю, но пока просто поверь мне!

— Если вы предлагаете мне вступить в ряды

Светлого воинства и бороться с недругами или друзьями Российской Империи, то спешу вас расстроить: ваше предложение четвертое по счету!

— И кто же озвучил первые три? — на лице незнакомца появляется заинтересованность.

— Шеф Приюта, Великий Князь Шувалов и безымянный Темный, который не представился так же, как и вы!

— Пестрая компания! — заинтересованность сменяется откровенным равнодушием. — Я не предлагаю тебе сомнительный союз, а даю возможность пройти Инициацию и не погибнуть от рук твоих нынешних друзей. Если ты оправдаешь мои ожидания, мы обязательно встретимся и обсудим пути, которые перед тобой откроются.

— Приют — это ваш проект?

— Нет, я не люблю детей! — незнакомец отрицательно качает головой и кривит губы. — Но я внимательно слежу за всеми значимыми событиями, которые происходят в Империи!

— Какова истинная цель существования Приюта? Зачем растить нас десять лет, для того чтобы затем бездарно уничтожить в одно мгновение?

— Вопрос задан не по адресу, но я выскажу предположение, — незнакомец хмыкает. — Ты слишком узко мыслишь, и это простительно

— издержки юности. Приют — это не школа мифических агентов, какой ты воспринимал ее всю жизнь, и даже не университет по подготовке ассасинов. Приют — это полигон, кузница, неподконтрольная Великим Родам, в горниле которой куются клинки. Какому-то суждено остаться серым, какому-то — стать цветным, какому-то — темным, а какому-то обрести сияние чистого света. Кто-то из вас гибнет по собственной глупости, кого-то убивают высшие аристо, но некоторые выживают и могут составить конкуренцию цветным или влиться в их ряды. Всем управляет естественный отбор!

— Но какова цель?! — настойчиво продолжаю допытываться я.

— Полагаю, что власть над Империей! — серьезно отвечает незнакомец и снова пожимает плечами. — Но об этом лучше спросить у создателей Приюта, а я в их число не вхожу.

— Почему Светлый Дар не проявлялся во мне все эти годы?

— Над вами Храм с семью Кристаллами и все одаренные дети, постоянно находящиеся под его воздействием, должны демонстрировать зачатки Дар еще в раннем возрасте, но этому мешают мощные амулеты. Они нейтрализуют

разлитую в пространстве магию и ограждают от ее воздействия всех, кто находится под землей — в Приюте.

— Но я часто выходил в город и поднимался в Храм…

— Ты — Светлый, заруби это себе на носу! — раздраженно прерывает меня незнакомец. — Твой Дар может проявиться либо под воздействием Светлого Кристалла, либо в момент инициации — в Храме, когда Главы Великих Родов направят на тебя мощь всех семи!

— Светлый Кристалл установлен в Центральном нефе Храма…

— Это просто кусок хрусталя, — прерывает меня незнакомец.

— Значит, Приют взорвали, чтобы отложить завтрашнюю Инициацию? — я высказываю очевидную догадку, одновременно ощущая, что от меня ускользает нечто важное, кроющееся за частоколом слов Светлого.

— С некоторой вероятностью — да, — незнакомец кивает. — Хотя проще было бы взорвать Храм в момент, когда в нем находятся и Главы Великих Родов, и Первые наследники, и Император собственной персоной.

— Значит, цель — не в уничтожении элиты

Империи?

— Это не цель, а возможное средство заговорщиков! — незнакомец снова демонстрирует раздражение. — В первую очередь тебя должна волновать собственная судьба! Ты счастливчик, потому что перед тобой открыто несколько дорог. Ты можешь выбрать Свет, можешь примкнуть к Цветным, можешь стать Темным и даже совместить эти ипостаси! Но имей в виду: как только примкнешь к какой-то группе, на тебя начнут охотиться все остальные!

— На меня уже охотятся, но описанная вами перспектива завораживает еще больше! — говорю я с усмешкой. — Вы тоже готовы поучаствовать в этом сафари?

— Даже не сомневайся! — улыбка на лице незнакомца становится угрожающей.

— Вы предлагаете выбрать самую сильную сторону?

— Я предлагаю тебе занять сторону, которая поможет стать самым сильным тебе! — мужчина на мгновение закрывает глаза. — Мы с тобой заболтались, а время уже на исходе!

Светлый делает шаг вперед и протягивает руку. На раскрытой ладони лежит прозрачный Осколок и контейнер с контактными линзами.

— У меня уже есть такой Осколок, он со мной много лет, столько, сколько я себя помню, — сообщаю я незнакомцу, совершая очередную глупость.

— Я знаю, — он кивает. — Это футляр, амулет, который поможет тебе обмануть Семерку Глав Великих Родов. Вложи в него свой Осколок и надень перед Инициацией. Он станет фиолетовым, об этом я позаботился, а затем ты будешь прятать Осколок в футляре до тех пор, пока не научишься контролировать цвет используемого источника Силы.

— А линзы для чего?

— Как и футляр, они будут преобразовывать свет, струящийся из твоих радужек в фиолетовый, чтобы почетные гости не узрели в твоих глазах все семь цветов Великих Родов! Линзы будут гореть двумя ослепительными сапфирами, как и должно для чистокровного фиолетового аристо!

Делаю шаг навстречу и беру в руки сомнительные дары. Я еще не решил — буду их использовать или нет, но отказываться от предложения Светлого по меньшей мере глупо.

— И когда карета превратится в тыкву? — спрашиваю я, указывая взглядом на лежащие в ладони артефакты.

— Они прослужат примерно месяц, за это время мы встретимся несколько раз, и я научу тебя выбирать и контролировать Цвет используемой Силы!

— Зачем я вам? — спрашиваю я, не особо надеясь на правдивый ответ, и зачарованно смотрю в наливающиеся белым свечением глаза незнакомца.

— Наше время вышло! — деловито сообщает он.

Словно в подтверждение произнесенных слов в глубине коридоров Приюта раздается приглушенный взрыв и звук падения бетонной плиты. Я непроизвольно вздрагиваю, но Светлый успокаивает меня.

— Спасатели во главе с Великим Князем Шуваловым уже спешат тебе на помощь! — с усмешкой говорит незнакомец, и его силуэт окутывает белое свечение. — Оденься, чтобы тебя не заподозрили в извращенных наклонностях! Хотя это единственная правдоподобная и безопасная версия твоего нахождения в Приюте!

Я бросаюсь к шкафу, впопыхах натягиваю черные спортивные штаны и серую футболку, прячу подарки в карман и оборачиваюсь. Незнакомец исчез, не оставив ни следа своего присутствия.

В следующее мгновение дверь слетает с петель, и в комнату врывается Игорь Всеволодович Шувалов со светящимся фиолетовым двуручным мечом наперевес.

Глава 2
Первое задание

Великий Князь Игорь Всеволодович Шувалов хмур и раздражен. Он мерит кабинет широкими шагами, а фиолетовые радужки пылают двумя яркими сапфирами. Его фигуру окружает светящийся Покров и заставляют мерцать все предметы в кабинете.

Наблюдая краем глаза за стариком, я вновь и вновь мысленно прокручиваю встречу со Светлым, о которой не рассказал ни Шувалову, ни Трубецкой.

Его слова о моем поразительном Даре — способности выбора цвета магии звучат фантастично и не выходят из головы. Я могу стать Цветным, Светлым или Темным?! Могу сделать осознанный выбор, а не следовать капризу судьбы, обусловленному наследственным линиям родителей?

Похоже на древнюю детскую сказку про Ивана-дурачка, который обрел Силу по щучьему велению, сокрушил и Темных, и Светлых, а вишенкой на торте получил в жены царевну и полцарства в придачу. Вот только я не сказочный

герой, а самый что ни на есть обычный человек.

Обычный да необычный. Сильные мира сего слетаются на меня, словно мухи на мед, и это меня вовсе не радует. Почему они предлагают помощь именно мне и обещают золотые горы? Где они были восемнадцать лет? Откуда они вообще знают о моем существовании и невероятных способностях, которыми я, по их словам, обладаю?

Мои размышления прерывает рык Великого Князя.

— Какого рожна тебя понесло в Приют? — уже в который раз спрашивает он и сжимает челюсти до зубовного хруста. — Парню с твоей подготовкой нужно объяснять, что несогласованное проникновение в район проведения спецоперации несет колоссальный риск для жизни?! Ты понимаешь, что не появись я в Приюте, тебя бы попросту прихлопнули при зачистке, приняв за террориста?!

Очень хочется язвить и сыпать ироничными комментариями, но я благоразумно помалкиваю, прикинувшись ветошью. Это самая безопасная в данный момент тактика. Я не боюсь снова испытать мощь высшего аристо на собственной шкуре, даже готов к этому, но Шувалов прав — я вел себя, как мальчишка.

— А ты куда смотрела? — на этот раз праведный гнев старика направлен на Трубецкую.

Она не отвечает и припечатывает меня к креслу злым и быстрым, похожим на выстрел, взглядом. В темно-синих глазах кружатся водовороты ярости, и я понимаю, что секс мне сегодня не обломится. Разве что в компании себя любимого.

Старик опирается ладонями на столешницу, несколько раз переводит укоризненный взгляд с Трубецкой на меня и обратно, а затем, выругавшись, грузно садится в кресло.

Откинувшись на высокую спинку, он наливает в хрустальный бокал коньяк и, глядя в тягучий янтарь, задумчиво покачивает его в огромной лапище.

— Тебя извиняет лишь то, что Приют для тебя — не просто место проведения спецоперации, а в некотором роде дом, — нарочито спокойно изрекает Великий Князь и бросает на меня сочувственный взгляд.

Я открываю рот, чтобы ответить в свойственной мне язвительной манере, но Шувалов останавливает меня решительным и властным жестом.

— Всегда думай, прежде чем открыть рот! Горячность и импульсивность рано или поздно приведут тебя к смерти, — предупреждает меня

старик, сменив милость на гнев. — А ты — моя инвестиция, и очень рискованная, как показывает твое безрассудное поведение!

Я молчу. Любые оправдания и объяснения излишни. Мой разум пухнет от множества по-настоящему важных вопросов, но все затмевает белый листок с нарисованным на нем сердцем. Признание в любви, совмещенное с прощанием. Оно лежит в кармане спортивных штанов и ждет часа, чтобы оказаться в камине.

Я бросаю тоскливый и красноречивый взгляд на початую бутылку коньяка, стоящую на столе, и Его Светлость понимает меня без слов. Он наполняет бокал и двигает его ко мне по блестящей лакированной столешнице. Вдыхаю терпкий аромат и выпиваю волшебный напиток залпом.

Краем глаза замечаю осуждающий взгляд Шувалова, но старик сносит мое неуважение к коллекционным напиткам стойко, и, видимо, списывает его на отсутствие аристократического воспитания.

— Я вряд ли изменюсь, — решительно заявляю я и поднимаю взгляд от лакированной поверхности стола.

В фиолетовых глазах Великого Князя нет злости, только раздражение и досада.

— Придется, мой мальчик, придется! — Шувалов снова наполняет опустевший бокал. — Если, конечно, не желаешь занять отведенное тебе место в фамильном склепе уже сейчас!

Снова выпиваю, и снова — залпом. По венам бежит расслабляющее тепло, проблемы не кажутся фатальными, а тягостные раздумья медленно отступают на второй план.

— Кто взорвал Приют?! — тихо спрашиваю я, чтобы предотвратить очередной поток справедливых, но уже набивших оскомину упреков в свой адрес.

— Судя по тому, что мы не нашли ни одного тела, это сделали твои бывшие наставники и друзья, предварительно покинув подземную крепость…

— Зачем?! — спрашиваю я, чтобы замаскировать вздох облегчения.

— Я хочу знать это не меньше, чем ты, но пока нет ни одной зацепки! — старик вздыхает, делает маленький глоток и какое-то время смакует божественный вкус на языке, в который раз демонстрируя, как нужно употреблять высококлассные спиртные напитки. — Возможно, они решили уйти в еще более глубокое подполье и заметают следы…

— В Приюте уничтожили все? — интересуюсь я только для того, чтобы поддержать разговор.

— Подчистую! — подтверждает старик. — Осталось лишь немного одежды в спальнях, остальное выгорело дотла.

Я отворачиваюсь к панорамному окну и смотрю на Москву с высоты птичьего полета. Разговор с Князем начинает меня тяготить, и даже завораживающий еще недавно вид на центр столицы кажется плоским и невзрачным, как экранная имитация в кабинете Шефа.

— Дай слово, что больше не будешь играть в супер-аристо?! — устало просит Шувалов, и я слышу в его голосе искреннюю заботу.

Какое-то время молчу, раздумывая над ответом. Я, конечно, могу пообещать что угодно, а затем нарушить данное слово, но со стариком так поступать не хочу.

— Даю слово, что буду соотносить риск с возможными последствиями, — твердо заявляю я, глядя Великому Князю в глаза.

— И думать, прежде чем действовать! — добавляет он и бьет широкой ладонью по столу.

— И думать, прежде чем действовать! — послушно соглашаюсь я.

— Договорились! — с удовлетворением заклю-

чает Шувалов. — Возможность продемонстрировать новый подход представится уже завтра.

— Завтра же Инициация?! — недоуменно спрашиваю я.

— Перенесли! — отмахивается старик. — Кристаллы и оборудование Храма Разделенного не пострадало, его уже готовят к церемонии, но нужно время, чтобы отмыть все от копоти, проверить старые системы безопасности и дополнить их новыми. — Теперь доступ в Храм будет ограничен. Это нужно было сделать уже давно, но, чтобы переломить сложившиеся традиции, иногда недостаточно даже монаршей воли!

Он замолкает, выдерживая театральную паузу, и начинает говорить лишь в момент, когда мы с Трубецкой обращаемся в слух.

— Ты приглашен в посольство Османской Сатрапии на бал в честь прибытия в Москву дочери Великого Визиря османов. Она — твоя цель!

— Я должен ее убить?

— Всегда полагал, что в твоем возрасте гораздо интереснее спать с девушками, нежели их убивать, — произносит Шувалов с усмешкой.

Лицо Трубецкой кривится, в синих глазах вспыхивают яркие искры, а обращенный на меня взгляд выражает неприкрытую угрозу.

— Твоя задача — выяснить реальные намерения, с которыми турчанка пожаловала в Москву, — продолжает Шувалов. — История про любовь к русскому языку и русской культуре, которой она потчует всех без исключения — не более, чем прикрытие!

— И кем я буду в этом квесте? — спрашиваю, не особо скрывая сарказм.

— Самим собой, конечно! — отвечает Князь, проигнорировав мои вызывающие интонации. — Привычный тебе маскарад — удел актеров Мосфильма! Учись играть, оставаясь собой, это много сложнее!

Хочу поспорить, но сдерживаюсь, ибо не время и не место. Да и мысли заняты другим.

— На подстраховке — Ольга! — Князь кладет вишенку на торт и с интересом смотрит на Трубецкую, ожидая ее реакции.

— Явиться на прием с дамой, чтобы кадрить другую? — Ольга снова кривится, ее взгляд мечет гром и молнии. — У бездарей это называется «Ехать в Тулу со своим самоваром»!

— Не вижу проблем, вас ждет светский прием, а не рандеву в номерах, — Шувалов пожимает плечами и отворачивается к окну, пряча усмешку.

— А если дело до номера дойдет? — с показным

равнодушием спрашиваю я, демонстрируя Ольге, что турецкая посланница не интересует меня от слова совсем.

— Вряд ли, но подумай трижды, прежде чем членом размахивать — дипломатический скандал нам не нужен! — старик подмигивает и снова разливает коньяк по бокалам.

— Ну что вы! — успокаивает его Трубецкая. — Наш юный княжич — романтик и апологет платонических отношений, а не узник животной похоти!

Посылаю Ольге воздушный поцелуй и дарю белозубую мосфильмовскую улыбку.

— А язык? — я высказываю первую за вечер дельную мысль. — Как я буду с ней общаться?

— Язык тебе понадобится для другого… — продолжает язвить Трубецкая, но Шувалов останавливает льющуюся из нее желчь, твердо сжав губы и прищурив глаза.

— Она неплохо знает русский, как и вся элита османов еще со времен Византия, — отвечает он, не отводя суровый взгляд от недовольного лица Ольги.

— Турчанка — Темная?

— Да, и по нашим данным девушка не инициирована, поэтому мысли читать еще не умеет…

— А если и умеет, то в отличие от наследников Великих Родов прочитать в моей голове особо нечего! — заканчиваю я очевидную мысль старика.

— Я не сомневался в твоей прозорливости! — Шувалов улыбается, подносит бокал к лицу и вдыхает аромат коньяка. — Выказывая почтение уважаемому Мехмед Саид-Паше, Российская Империя присылает на прием аристо из Великого Рода, соответствующего по статусу принцессе, но не владеющего важной информацией.

— И тонко намекает, что наши Империи — неровня, ведь я не наследник Великого Рода, и происхождение мое сомнительно!

— Все верно, восточное коварство нам тоже не чуждо, — на лице Шувалова возникает лукавая усмешка, и он закатывает глаза к портрету Императора, висящему над его головой. — У меня есть личная просьба: постарайся не думать о девушке, как о сексуальном объекте! Знаю, как это сложно в твои восемнадцать, но попробуй — вдруг она все же читает мысли!

Хочу возмутиться картинно, поиздеваться над стариком, объяснить, что его просьба невыполнима, но глядя на серьезное, изрезанное морщинами лицо, замолкаю на полуслове.

— На прием пожалуют наследники Великих Родов третьего и четвертого колена, все не инициированы и умом не блещут! — сообщает Шувалов.

— Красивых парней отсеяли? — деловито интересуется Трубецкая, и я замечаю мелькнувшее в глаза старика одобрение.

— Перестраховались, но, учитывая внешность Александра, это явно лишнее, ведь так, Ольга?!

— На их фоне наш посланник будет смотреться как бриллиант среди фианитов! — Трубецкая демонстративно фыркает и начинает внимательно изучать собственный маникюр.

— Информация об угрозах есть? — спрашиваю я.

— Нет! — старик отрицательно качает головой. — Службы безопасности будут смотреть в оба, после происшествия на императорском балу к туркам даже мышь без проверки не проскочит.

— Значит, защитный костюм можно не надевать? — с надеждой спрашиваю я.

— Его не стоит надевать по другой причине: вдруг принцесса запустит руку в твою ширинку и наткнется на кевларовую защиту? — ехидничает Трубецкая.

— Я ее предварительно расстегну…

— Хватит! — Шувалов бьет кулаком по столу и гневно смотрит на нас обоих. — Ведете себя как несмышленые дети! Пока не пройдешь Инициацию, защитный костюм будет твоей второй кожей! Даже на светских раутах, охрану которых обеспечивает Императорская Гвардия!

Я послушно киваю с самым что ни на есть серьезным выражением лица.

— Фото турчанки есть? — задаю вопрос, не глядя на Трубецкую и невинно хлопая ресницами.

— Думаю, что хозяйку званого вечера ты не перепутаешь ни с кем! — отвечает Шувалов и берет в руки сигару. — Цели и задачи ясны?

— Вполне, — коротко отвечаю я.

Старик подносит сигару к носу, вдыхает аромат заморского табака, а затем аккуратно вставляет ее в отверстие специального ножа. Раздается щелчок и ровно отрезанный кончик падает на стол. Он сосредоточенно прикуривает от длинной сигарной спички и откидывается на высокую спинку кресла.

— Цели и задачи понятны, и это прекрасно! — резюмирует Князь после затяжки. — А теперь дайте старику немного расслабиться и отдохнуть!

Выйдя из кабинета Шувалова, мы с Трубецкой

не сговариваясь направляемся в разные стороны: я в свои апартаменты, а она — к лифту. Медленно шагая по коридору, в очередной раз внимательно рассматриваю парадные портреты представителей династии Шувалова и убеждаюсь, что встреченный в Приюте Светлый ни одним из них не является. Нужно будет уточнить у Хранителя, нет ли в числе моих предков тех, кто по тем или иным причинам избежал мирской славы и канул в вечность, не оставив прижизненного портрета.

Вваливаюсь в гостиную и с удовольствием снимаю одежду, позаимствованную в Приюте. Так змеи сбрасывают старую кожу, когда она становится слишком тесна, чтобы вновь обрести свободу. Сажусь в кресло у камина и беру в руки уже порядком измятый листок с изображенным на нем пронзенным сердцем.

Возможно, именно он являлся спусковым крючком для активации взрывного устройства, которое должно было уничтожить меня в приюте. Но откуда они знали, что я там появлюсь? Неужели я настолько предсказуем, что меня можно читать словно открытую книгу? Или того хуже: мое поведение можно программировать и заставлять совершать те или иные действия, манипулируя событиями, происходящими во-

круг меня?

Какое-то время разглядываю надпись «Мина» под нарисованным красной помадой сердцем, а затем кладу записку на закопченные камни и поджигаю ее. Дым прощания ощутимо горчит и на глаза наворачиваются слезы. Когда от бумаги остается лишь пепел, я осознаю, что окончательно отпустил Мину. А она отпустила меня. Прощание произошло без передачи моего ответного послания, ибо на нем я бы нарисовал отнюдь не сердце…

Трубецкая заходит без стука — я снова забыл запереть дверь. Встаю с кресла и понимаю, что наступает вечер — в комнате царит полутьма. Иду навстречу девушке и нежно ее обнимаю. Ольга прижимается ко мне всем телом и касается своим лбом моего. Глаза в глаза, и губы в губы. Ее горячее дыхание щекочет кожу, и я чувствую накатывающее возбуждение.

— Меня посылают к туркам, потому что лучше пожертвовать бастардом, чем чистокровным наследником Великого Рода, — я озвучиваю очевидное предположение, которую не высказал в кабинете Шувалова.

— Не думаю, что ты безразличен Великому Князю! — возражает Ольга.

— Не думаю, что выбор моей кандидатуры — его рук дело! — парирую я.

— Предстоящая операция мне не нравится по иной причине, — шепчет Ольга, нежно касаясь своей щекой моей.

— Мы же договаривались?! — напоминаю я. — Секс по дружбе, и ничего больше!

В памяти всплывает примерно такой же уговор с Миной, и на мгновение воображение рисует ее беззаботную улыбку. Ее озорные глаза. Ровные белые зубы и розовый язычок, скользящий по верхней губе.

Трубецкая возвращает меня к реальности. Девушка отстраняется, берет в ладони мое лицо, пристально смотрит в глаза, а затем целует. Целует горячо и страстно, вновь прижимаясь всем телом. Она ласкает мою шею и спину, распаляя желание.

Я ошибся насчет секса сегодняшним вечером, он явно случится.

— Перед завтрашним приемом я выжму тебя досуха! — с приторно-сладкой угрозой в голосе сообщает Ольга и стаскивает с меня единственную оставшуюся одежду — трусы.

Глава 3
В посольстве Темных

Посольство Османской Сатрапии на Большой Никитской располагается в старинном двухэтажном особняке, фасад которого выкрашен в розовый цвет. Не в угольно-черный или темно-серый, но и не в один из цветов радуги. Показное уважение Империи Цвета от Империи Тьмы, выраженное в витиеватом восточном стиле.

Мы с Трубецкой останавливаемся у широко распахнутых кованых ворот, и к ее спортивному Руссо-Балту неспешно подходят двое турок в черных деловых костюмах. Они встречают нас полными высокомерного достоинства взглядами, синхронно открывают двери авто и вежливо приглашают пройти внутрь особняка.

Беру княжну под руку, и мы следуем к входу с широкими улыбками на лицах. Стрекот фотоаппаратов многочисленных зевак и корреспондентов заглушает негромкую музыку, доносящуюся из окон, а яркие вспышки разгоняют вечерний полумрак и заставляют щуриться, превращая дежурные улыбки в унылые неискренние оскалы.

Высоко подняв головы и выпрямив спины, мы с величавым достоинством следуем по узорчатой ковровой дорожке. Фиолетовый фрак, сидящий на мне будто влитой, идеально соответствует синему коктейльному платью Трубецкой с глубоким декольте. Я с трудом сдерживаю смех, глядя на выстроившихся вдоль парадной дорожки лакеев, которые пытаются заглянуть в него, отчаянно кося темно-карими глазами.

Посольский зал приемов встречает нас не ожидаемой восточной вычурностью, а вполне современными архитектурными и интерьерными решениями, резко контрастирующими со старинным фасадом особняка и кованой оградой.

— Даже в моем туалете золота на стенах больше, чем во всем этом зале, — тихо говорю я Трубецкой сквозь зубы, и продолжаю раздавать кивки и сдержанные улыбки направо и налево.

— Мои стереотипы разрушены, — охотно соглашается Ольга, эффектно улыбаясь присутствующим.

Она демонстрирует обтягивающий темно-синий наряд молодым представителям Великих Родов и гостям с востока, и я отмечаю, как в глазах юнцов вспыхивают искры вожделения.

Окидываю взглядом графитовые стены, паркет

черного дерева и черные же кованые люстры невообразимых геометрических форм и признаю, что интерьеры великолепны. Наверняка подобное убранство аристократических домов станет новым трендом и постепенно вытеснит привычные для наших аристо позолоченную лепнину и украшенные завитушками обои.

— Ее сиятельство Кара Саид-Паша! — зычным голосом объявляет мажордом, и все гости торопливо расступаются, образуя проход к черно-серым дверям.

Широкие створки распахиваются, и в зал стремительно врывается восточная принцесса. Походка от бедра, царственная улыбка на красивом смуглом лице и горящие карие глаза — она как будто сошла со страниц иностранного модного журнала. Локоны густых черных волос ниспадают на черный же шелк облегающего платья и развеваются за спиной, стройная ножка появляется в высоком разрезе при каждом шаге…

— Слюни подбери! — шипит Трубецкая разъяренной кошкой, сохраняя приветливую улыбку на лице, и больно щиплет меня за локоть. — Видимо, я недостаточно сильно выжала тебя прошлой ночью?!

— Выжала и выпила досуха, — шепотом успо-

каиваю девушку я. — Ты же знаешь: дочь визиря — всего лишь задание.

— Тогда прекрати пялиться на нее словно перекачанный тестостероном юнец! — снова шипит Ольга.

— Я и есть перекачанный тестостероном юнец! — не лезу за словом в карман и получаю еще один болезненный щипок.

Турчанка просто восхитительна, и я, действительно, раздеваю взглядом темноокую гурию, всячески демонстрируя восхищение ее красотой. Делаю это специально, интуиция подсказывает, что турчанке вряд ли по вкусу серые как мыши скромники.

— А что бы ты делала на моем месте при виде такой яркой особы?! — спрашиваю я у Трубецкой, не поворачивая к ней головы.

— Уже заперлась бы в мужском туалете и др…

— Мне нравится ход твоих мыслей, идем! — прерываю я девушку. — У тебя это получается прекрасно, и сие действо можно разнообразить…

— Постарайся думать головой, а не членом! — раздраженно перебивает меня Ольга и, отпустив мою руку, растворяется в тесной толпе гостей.

Останавливаю проходящего мимо официанта и беру с подноса два высоких бокала с минеральной

водой, а затем, эффектно крутанувшись на каблуке, направляюсь к принцессе. Ее облепили со всех сторон разодетые в пух и прах представительницы Великих Родов и выказывают ей восхищение с медоточивыми улыбками на устах.

Парни накачиваются шампанским поодаль, бросая мимолетные вожделенные взгляды на принцессу, но максимум внимания тратят на сопровождающих ее девушек, кажущихся им более доступной добычей.

Я появляюсь перед принцессой в отчаянный для нее момент. В окружении сладкоголосых и насквозь фальшивых аристо девушка чувствует себя загнанной в угол и лихорадочно ищет путь к спасению, бросая отчаянные взгляды в зал.

— Кара, я приветствую вас в Москве и надеюсь, что вы встретили здесь радушный прием! — вскидываю бровь и обвожу взглядом расступившихся передо мной товарок, иронично улыбаясь. — Князь Александр Игоревич Шувалов к вашим услугам!

Склоняю голову, а затем делаю шаг к принцессе и протягиваю ей бокал воды. Она хватается за него, как за спасительную соломинку, и на лице девушки расцветает улыбка.

— Я так ждала встречи с вами, князь! — неожи-

данно заявляет она и берет меня под руку.

Локоть она сжимает еще сильнее, чем Трубецкая, и я понимаю, что синяка все же не избежать.

— Я вынуждена покинуть вас, дорогие мои! — обращается Кара к аристократкам, сверлящим меня ненавистными взглядами. — Девочки, очень рада, что мы познакомились — вернусь к вам чуть позже!

Шувалов был прав, русским языком она владеет прекрасно и говорит практически без акцента. Беру инициативу в свои руки и решительно веду девушку прочь, к высоким стрельчатым окнам, где выстроились столы с закусками. Кара настойчиво корректирует траекторию нашего движения, крепко сжимая мой локоть, и мы оказываемся у подноса с шампанским.

Загораживаю нас спиной от взглядов любопытных гостей, и мы, не сговариваясь, меняем бокалы с водой на фужеры с игристым напитком. Принцесса выпивает свой одним глотком и плотоядно смотрит на мой. Молча протягиваю даме желаемое и беру с подноса следующий фужер.

— Спасибо за чудесное спасение, князь! — запоздало благодарит принцесса и делает неторопливый глоток, пристально глядя мне в глаза.

— Каждый мужчина мечтает хотя бы раз в жизни спасти очаровательную принцессу из лап дракона, — беру с подноса еще один бокал, мы соединяем их с легким хрустальным звоном и делаем по глотку. — Дракон в данном случае явился в виде многоголовой, разодетой в шелка и надушенной парфюмом гидры, но я распознал его истинное обличие!

— Я ваша должница! — сообщает обворожительно улыбающаяся Кара без тени кокетства, и мы допиваем искрящееся пузырьками вино.

Объявляют первый танец, он — белый, и хозяйка вечера приглашает меня. Ее нежные пальчики ложатся на мое плечо, моя ладонь — на ее талию, и мы начинаем размеренное кружение в вальсе. Музыка играет очень громко и разговаривать невозможно. Невозможно, да и не нужно — мне достаточно любоваться девушкой и ощущать ее близость. Я смотрю в огромные карие глаза и осознаю, что второму совету Трубецкой следовать не в состоянии: думаю уже отнюдь не головой.

— На правах хозяйки хочу ангажировать вас этим вечером на все последующие танцы! — сообщает мне красавица, когда музыка стихает. — Попрошу музыкантов убавить громкость, чтобы попрактиковаться в использовании языка!

Девушка произносит это вполне невинно, и на первый взгляд в ее словах неслышно и ноты двусмысленности. Но это лишь на первый взгляд. Все выдают глаза, точнее разгорающееся в них возбуждение.

— Думаю, что танца с вами отчаянно жаждет вся мужская аудитория в этом зале, и владея вами безраздельно, я подпишу себе смертный приговор! — отвечаю такой же двусмысленной и совершенно невинной на первый взгляд фразой и едва заметно улыбаюсь.

— Вы заботитесь об удовлетворении желаний ваших друзей в ущерб своему? — густые черные брови Кары вопросительно выгибаются, а взгляд наполняется иронией. — Или мой бесстрашный рыцарь предпочитает быть поверженным разодетой в шелка и надушенной парфюмом гидрой?

— С удовольствием предпочту ваше общество! — я едва заметно киваю и откланиваюсь, оставляя принцессу на растерзание очередной порции именитых гостей, уже взявших нас в плотное кольцо.

Нарушая все аристократические приличия, парни, собравшиеся у самого большого стола с выпивкой, активно машут руками, приглашая меня присоединиться к их тесной компании.

Юные лицемеры выказывают уважение презренному бастарду, на которого легла густая тень хозяйки вечера. Хочу отсалютовать им средним пальцем, но лишь улыбаюсь и следую в мужскую комнату. Аристократические манеры, мать их!

Наклоняюсь над раковиной и щедро поливаю лицо холодной водой. Не знаю, существует ли воспетая множеством поэтов любовь с первого взгляда, но страсть, поглощающую с первой секунды, я уже познал. Самое время воспользоваться советом Трубецкой, мысленно говорю себя я, бросая взгляд на дверь туалетной кабинки.

— Помяни дьявола, он и появится! — шепчу под нос, наблюдая за Ольгой, стремительно входящей в мужской туалет.

— Воду лей на другую часть тела, холодный лоб уже не поможет! — с порога заявляет Трубецкая.

— Мне кажется, что я попал в реалити-шоу, нас снимают скрытые камеры, и ты устраиваешь тщательно продуманную сцену ревности!

— Она — Темная, Саша, а ты уже голову потерял! — с нажимом произносит Ольга. — Видимо, я недостаточно активно поработала над тобой ночью! Думаешь, что очаровал ее с первого взгляда? Поверь мне, ей точно от тебя что-то нужно, и ты — такое же задание для нее, как она — для тебя!

— Это — один из возможных вариантов, — я согласно киваю, — но почему ты решила, что именно он — рабочий?

— Потому что, когда я смотрю на эту турчанку, вижу не разряженную куклу, а ее темную сущность! — говорит Ольга, язвительно улыбаясь. — В отличие от тебя у меня на нее не встает! Нечему!

— Ты предлагаешь вернуться в нашу Высотку от греха подальше и провалить задание?

— Я тебя предупредила! — отрезает Трубецкая и выходит из туалета.

Я возвращаюсь в Зал Приемов как раз к следующему танцу. Мы с Карой идем навстречу друг другу и останавливаемся в центре зала. В объятиях очаровательной девушки меня снова захлестывает вожделение, но я еще помню, что явился сюда не ради женских прелестей, а по заданию Тайной Канцелярии.

— Ваш русский язык столь же совершенен, сколь и вы сами, — я начинаю разговор с банального комплимента. — Кто был вашим учителем?

— Меня обучал выходец из России, довольно известный русский писатель и дипломат, он и привил мне любовь к вашей культуре и языку! У нас немало своих талантов, но признаюсь вам честно: Александра Пушкина я люблю даже боль-

ше, чем Ибрагима Фехми!

— Сейчас самое время прочесть вам стихи, но я не фанат поэзии — признаюсь вам как на духу!

— А как же девушки? Романтические знакомства, прогулки по старым улочкам Москвы и чтение виршей под луной?!

Она это серьезно говорит или отрабатывает образ? Смотрю в бездонные карие глаза и, не в силах оторваться от них, не нахожу ответа. Мы кружим среди других танцующих пар, внимание которых сосредоточено на нас, но мне наплевать.

— Честно вам сказать…

— Простите, я не подумала, что с вашей внешностью весь этот романтический флер не нужен, достаточно просто улыбнуться и подмигнуть! — шепчет Кара мне на ухо.

Я улыбаюсь во все тридцать два зуба и подмигиваю. Девушка заливисто смеется, запрокинув голову, и я понимаю, что от ее близости теряю свою.

— С вами я готов гулять по пустынным улочкам Москвы, — признаюсь я. — И кто сказал, что читать стихи должны парни? Почему не девушки? Вы мне прочтете?

— Обязательно! — турчанка с готовностью кивает. — Я приехала в Россию, чтобы увидеть

Москву. Всего на пару дней. До Инициации осталась неделя, и как вы понимаете, после нее визит будет невозможен!

— Жаль! — искренне отвечаю я. — Значит, наша сегодняшняя встреча — единственная?!

— Вас это печалит?

— У нас в России есть выражение «Жить одним днем». Обычно в него вкладывают негативный смысл, но я не согласен с такой трактовкой!

— Это калька с латинской фразы «Carpe Diam» — лови момент. Вы всегда следуете данному правилу?

— Только в такие фантастические вечера, как этот!

Музыка смолкает, но мы размыкаем объятия не сразу. Я беру девушку под руку и под пронзающими нас взглядами многочисленных гостей веду к уставленным шампанским столикам. Мы пьем холодный напиток, не отрывая друг от друга наэлектризованных взглядов, и я совершаю необдуманный поступок. Как раз таких рискованных решений я обещал избегать Великому Князю.

— Не желаете прогуляться по старинным улочкам Москвы? — предлагаю я.

— Я не могу покинуть гостей, вечер еще не закончен, но у меня есть встречное предложение

— хочу провести небольшую экскурсию по особняку нашего посольства…

И снова чистый и непорочный взгляд, снова возникает ощущение, что за словами девушки не кроется никаких завуалированных намеков. Иногда банан — это просто банан, говаривал мой бывший друг Карась, но интуиция подсказывает, что в данном случае все обстоит иначе.

Еще пара бокалов, и мы выходим из зала. Я — в мужскую комнату, а принцесса — в женскую. Через несколько минут встречаемся на втором этаже, на лестнице, у бюста какого-то героя Османской Сатрапии. Охрана, видимо, уже предупреждена, потому что здоровенные амбалы пропускают меня в зону, закрытую для гостей без возражений.

— Я хочу почитать вам стихи! — заговорщицки произносит Кара, берет меня за руку и ведет по коридору, устланному толстым, бесконечным ковром.

Убранство здесь соответствует моим ожиданиям: восточный колорит проявляется в каждой детали — от витых позолоченных люстр на потолке до чеканных картин с изречениями Пророка на стенах. Сделав несколько поворотов, мы попадаем в тупик и останавливаемся у резной двери

без номера.

— Проходите, — приглашает Кара и распахивает ее. — Это мое скромное обиталище.

— Только после вас, — галантно отвечаю я, пропускаю даму вперед.

Спальня похожа на первоклассный и абсолютно безликий гостиничный номер все в том же восточном стиле. Огромная кровать под бархатным балдахином занимает почти все свободное пространство, оставляя место лишь для небольшой кушетки и кофейного столика, заваленного книгами. Кара выбирает из стопки потрепанный томик в красном переплете и безошибочно открывает его на нужной странице.

— Вы готовы? — спрашивает она.

Я молча киваю, пришедшая на ум двусмысленная фраза «Всегда готов» застревает у меня в горле.

Да, целовала я и знала
Губ твоих сладких след,
Губы губам отдавала,
Греха тут великого нет.
От поцелуев губы
Только алей и нежней.
Зачем же они так грубы,
Мысли твои обо мне?

Выжег мою свободу
Огонь фиолетовых глаз.
Слаще вина и меда
Был нашей встречи час.
Помни меня своей тайной,
Помни как нежный цветок,
В то, что встреча случайна
Как же поверить ты смог?

— У нас не больше получаса — пока не хватятся гости, — сообщает Кара, закрывая тяжелый томик и кладя его на стол. — Вы не против, если чтение стихов мы продолжим в другой раз, а сейчас займемся более интересными вещами?

— Конечно! — ошеломленно отвечаю я и чувствую, что краснею, как подросток — перемена слишком неожиданна.

— Вы поможете расстегнуть это тесное платье? — спрашивает девушка, медленно подходит ко мне, покачивая бедрами и нежно обнимает.

Я страстно целую ее, и руки Кары проникают под тонкое сукно фрака. Они блуждают по груди, затем расстегивают ремень брюк и ныряют в трусы.

И в этом Трубецкая была права, счет три ноль в ее пользу.

— Глаза Цветных, действительно, светятся во

время оргазма? — хрипло спрашивает Кара.

— Только у инициированных, а я еще не прошел Инициацию, — говорю я, сдерживая стон. — А Темные, действительно, могут читать мысли?

— Только инициированные, а я еще не прошла Инициацию, — отвечает Кара. — Но я знаю о чем ты думаешь и без магии, она указывает взглядом на мой пах, облизывает губы и опускается на колени.

Глава 4
Бойтесь волхвов, дары приносящих

На часах — четыре утра. Лимузин Императорской Гвардии бесшумно мчит по набережной, и я разглядываю залитую ночными огнями Москву. Любуюсь столичными улицами, чтобы не провалиться в сон, похожий на беспамятство. Я измотан так, будто отработал в боевом модуле много часов без перерыва.

Несколько бокалов шампанского, десяток вальсов с хозяйкой вечера, модные ритмы танцпола, да еще и регулярные посещения спальни турчанки — укатали сивку крутые горки. Опухшие губы саднит от поцелуев, внизу живота разлилась болезненная истома, а карман фрака оттягивает подарок турецкой верноподданной, но о нем думать нельзя.

Кара вручила его мне во время прощания, после того как пригласила посетить Истамбул, если в будущем представится такая возможность. Положила в карман и шепотом попросила не доставать до тех пор, пока не покину посольство.

Сексуальное возбуждение и разбуженный им романтизм не затуманили мой разум — я ощупал подарок, как только дочь Великого Визиря покинула крыльцо и скрылась внутри особняка. Это было послание Высшего Темного, учинившего бойню в тоннеле — Темный Осколок, в чем я удостоверился позже, уже сидя в лимузине.

Трубецкая была права: я — такое же задание турчанки, как и она — мое.

Ольга покинула бал пару часов назад, и по его окончании я удостоился чести прокатиться в кортеже императорской охраны. Личное распоряжение Цесаревича. Безопасность будущего высшего аристо Фиолетового рода превыше всего.

Меня высаживают у приватного входа в высотку, и четверо гвардейцев в активированной боевой броне сопровождают меня до самых дверей.

Следую сквозь строй охраны Рода, захожу в лифт и в изнеможении прислоняюсь спиной к зеркальной стене. Едва не сползаю на пол, но в последний момент опираюсь руками на горизонтальный никелированный поручень, опоясывающий кабину.

Играю спектакль, работая на следящие камеры

и лично для Берестова, хотя мое состояние недалеко ушло от разыгрываемого.

Пьяно покачиваясь, поворачиваюсь к зеркалу и внимательно осматриваю свое отражение. Корчу немыслимые рожи, демонстрируя наблюдателям гримасы, которым позавидовали бы клиенты заведения Кащенко и приматы Московского зоопарка. Внимание операторов у экранов должно быть сосредоточенно исключительно на моем лице.

Прижимаюсь лбом к холодному зеркалу, касаюсь его языком, а тем временем мои ладони скользят по никелированной трубе поручня. Громко смеюсь, запрокинув голову, и незаметно прячу подарок Кары в выемке под креплением. Думать о нем сейчас нельзя. Ни в коем случае.

Лифт останавливается в жилой зоне, двери бесшумно разъезжаются в стороны, и молодцы Берестова принимают меня в теплые руки. Я пьяно протестую, впрочем, на рожон не лезу — парни в своем праве. Наверняка выполняют приказ безопасника или даже Главы Великого Рода.

В небольшой досмотровой комнате, уже знакомой по первому посещению небоскреба, меня просвечивают, затем заставляют раздеться и проверяют на скрытые электронные устройства

и амулеты, разве что в задницу не заглядывая. Веду я себя так, как и должно представителю золотой молодежи в подобной ситуации: пьяно улыбаюсь и отпускаю двусмысленные шуточки, на которые парни никоим образом не реагируют. Образцовые профессионалы.

Берестов встречает меня в дверях приемной Шувалова, старик явно дистанцируется от неблагодарной работы.

— Доброе утро! — приветствует он меня, внимательно глядя в глаза.

— Кому доброе, а кому и не очень, — я продолжаю играть комедию, награждая безопасника расфокусированным, но наглым взглядом.

— Мозгоправы уже здесь — хотят удостовериться, что вы не подпали под влияние Темных и лояльны Цветным как и прежде, — сообщает Берестов, внимательно отслеживая мою реакцию.

— Всегда готов сослужить службу Империи! — икнув, отвечаю я чересчур громко и торжественно.

— Идем! — коротко бросает безопасник.

Мы идем на этаж для официальных приемов. Резные дубовые панели и литую бронзу сменяют сталь, серый камень и стекло. Белые полупрозрачные двери бесшумно открываются, и мы

оказываемся в малой переговорной комнате.

За длинным серым столом восседают трое уже знакомых мне мужчин все в тех же деловых черных костюмах.

— Доброе утро, господа! — приветствует их Берестов и садится во главе стола.

— Здравия желаю! — добавляю я и растягиваю губы в пьяной улыбке.

Дознаватели с достоинством приветствуют нас в ответ, и снова растекаются в белых кожаных креслах.

— Присаживайтесь, Ваша Светлость! — предлагает руководитель группы, князь Андрей Федорович Грибоедов, и указывает на кресло, стоящее по другую сторону стола.

С облегчением падаю в мягкую кожу и, нарушая все приличия, начинаю беззастенчиво разглядывать хорошо знакомую мне троицу.

— Александр Игоревич, вы догадываетесь, по какой причине мы почтили вас своим присутствием? — спрашивает князь и откидывается на высокую спинку кресла.

— Даже гадать не хочу! — я пожимаю плечами. — Прошу вас закончить нашу встречу как можно скорее, ибо в вертикальном положении я держусь из последних сил!

— Вы в значительной степени облегчите нашу совместную работу и ускорите оную, если признаетесь, что испытали какое-то воздействие магии Темных на себе…

— Не п-п-припоминаю такого, — отвечаю я, пьяно икаю и снова глупо улыбаюсь. — Готов к любым проверкам, господа!

— Мы ограничимся периодом времени с момента вашего прибытия в посольство Османской Сатрапии до момента, когда вы покинули оное…

— Нет проблем! — отвечаю я, отправляя короткое воспоминание о смертельно опасном подарке турчанки в недосягаемые для мозгоправов глубины памяти. — Мне скрывать нечего!

— Вы еще не инициированы, и потому для вмешательства в ваш разум требуется разрешение родителей или опекуна, — заученно произносит Грибоедов. — Игорь Всеволодович его предоставил, и мы в своем праве. Прошу вас не сопротивляться ментальному воздействию, ибо оно может разрушить некоторые фрагменты вашей личности без возможности восстановления. Мы должны проверить вас на предмет незаконного воздействия Темных.

— Валяйте! — простодушно говорю я и закрываю глаза.

Разум проваливается в вязкий и влажный, похожий на туман пульсирующий сумрак. При контакте с ним белесые очертания моей инфернальной сущности плывут и искажаются.

Три черных вращающихся вихря быстро приближаются ко мне, но я не сопротивляюсь. Сознания дознавателей оказываются рядом и превращаются в чернильные, масляно поблескивающие фигуры.

Их раскрытые ладони выстреливают множеством тонких колеблющихся нитей, и они окутывают меня, словно ловчая сеть исполинского трехголового паука. Я обездвижен. Черная сущность Грибоедова приближается, перебирая поблескивающую паутину, и я снова, как и в первый раз, непроизвольно передергиваю плечами от отвращения.

Нити проникают в мою виртуальную плоть, и в глубинах разума возникает другой — враждебный и чуждый. Он погружается в мои воспоминания и скользит по ним, словно по кадрам кинофильма, прокручиваемого в ускоренном режиме.

Я выбрасываю его из собственного сознания в момент моего выхода из османского посольства, и открываю глаза. Неожиданно для себя ощущаю,

что стал сильнее и могу сопротивляться мозгоправам гораздо эффективнее, чем раньше.

Бледные лица дознавателей раскраснелись, морщины слегка разгладились, а глаза блестят, словно у моих сверстников. Еще бы — они поучаствовали в самом настоящем порно с эффектом полного погружения!

— Вам понравилось? — спрашиваю я, пряча откровенную издевку за маской доброжелательности.

— Признаюсь, юный князь, что некоторые ваши навыки производят неизгладимое впечатление! — отвечает Грибоедов и подмигивает.

— Если понадобится — обращайтесь за консультацией! — с усмешкой предлагаю я, склоняя голову.

— Мы не обнаружили деструктивного воздействия Тьмы на ваше сознание, — сообщает Грибоедов деловым тоном, пропустив мою шпильку мимо ушей.

Мне кажется, что в голосе дознавателя прозвучало легкое разочарование, и это мне не нравится. Ловлю себя на мысли, что не доверяю Темным. Ни тем, которые работают на Империю, ни тем, которые работают против нее. Разумного объяснения этому я не могу дать даже самому

себе, мои ощущения продиктованы исключительно интуицией, и остается надеяться, что она меня не подводит.

— Значит, вы снова приехали зря?! — я поднимаюсь из-за стола, опираюсь на него руками и склоняюсь к серым морщинистым лицам. — Благодарю вас за заботу о моей безопасности и сообщаю, что засим намерен откланяться!

Я выхожу из приемной, а дознаватели, взбешенные моей дерзостью, даже не прощаются. Путь в кабинет Шувалова занимает не больше минуты, и Берестов догоняет меня уже у дверей.

— Зачем вы так? — спрашивает он, укоризненно глядя в глаза. — Дознаватели — люди подневольные, на них обижаться не стоит…

— Я и не обижаюсь, — пожимаю плечами, нехотя признавая его правоту. — Пожалуйста, извинитесь перед ними за меня и сообщите, что мальчишка был пьян и неадекватен.

— Хорошо, Ваше Сиятельство! — Берестов кивает и уходит, чтобы выполнить мою просьбу.

Удивляюсь покладистости безопасника и, дождавшись приглашения Конибродского, толкаю тяжелую дубовую дверь.

Шувалов ожидает меня с неизменным бокалом коньяка в руках. На столе стоит поднос с кофей-

ником, двумя чашками и вазочкой с конфетами. Взгляд старика расслаблен, а на устах застыла ироничная усмешка.

— Восточные сладости и кофе по-восточному, — Князь кивает на вазочку и бросает в рот пару конфет. — После сегодняшней ночи ты, наверняка, стал их горячим поклонником?!

Пропускаю издевку старика мимо ушей и молча подхожу к столу. Сажусь в мягкое кожаное кресло и наливаю себе густую и ароматную черную жижу.

— Как провел время? — спрашивает Великий Князь с деланным интересом. — Чем занимались с турчанкой?

— Стихи читали, — отвечаю я и беру со стола миниатюрную чашечку.

Выпиваю кофе до дна, заедая щедро сахаренными конфетами, и тянусь к кофейнику, чтобы налить следующую порцию, но Шувалов перехватывает мою руку.

— Не стоит! — он качает головой. — С такими нагрузками даже твое молодое и здоровое сердце может не выдержать! После трех то раз!

— Трубецкая доложила? — уточняю я без тени самодовольства и поправляю старика. — Четырех: Ольга покинула бал как раз после третьего…

— Отцом ты, надеюсь, не станешь?

— Не должен, мы были аккуратны…

— Ладно, шутки — шутками, а результат есть? — тон Шувалова становится серьезным.

— Результата нет, операция провалена — я не раскусил ее, а она не раскусила меня. Трубецкая права — турчанка была моим заданием, а я — ее. Девушку направили для знакомства со мной так же, как вы меня — для знакомства с ней!

О подарке, который мне вручила Кара, я не упоминаю, но хотя бы часть правды озвучить должен, иначе старик заподозрит меня во лжи.

— Любопытно: чем продиктован этот интерес, — задумчиво произносит Шувалов, глядя куда-то поверх моей головы.

— Зачем вы послали меня к османам на самом деле?! — спрашиваю я, отвлекая старика от совершенно обоснованных сомнений.

— Во-первых, государственная необходимость, — отвечает он после небольшой паузы. — Во-вторых, личная заинтересованность: думаю, что контакты с османами будут расширяться, и этот их визит — лишь пробный шар.

Старик замолкает, делает глоток коньяка и молча смотрит на меня, перекатывая его на языке.

— А в-третьих?

— Хотел, чтобы ты на собственной шкуре испытал некоторые способности Темных…

В измученном мозгу начинает формироваться смутное подозрение, но Шувалов не дает перерасти ему в понимание и озвучивает еще не оформившуюся окончательно догадку.

— Темные девицы могут не только копаться в мозгах, но и обладают способностью вызывать неконтролируемое желание у мужчин…

Забери меня Тьма! Я вспоминаю строки стихов: «В то, что встреча случайна, как же поверить ты смог?», и все становится на свои места: турчанка явно действовала по заранее разработанному плану. Вряд ли мое совращение — часть операции османских спецслужб по вручению мне подарка, скорее всего, ее личная инициатива, проба пера юной искусительницы.

— Ты расстроен, потому с тобой переспали по расчету, а не из-за твоего неземного обаяния и сшибающей с ног харизмы?! — интересуется старик, криво улыбаясь

— Нет, подобных комплексов я не испытываю, но ощущать себя использованным немного неприятно…

— Она использовала тебя, а ты — ее. Получил бесценный опыт, свел знакомство с будущей

высшей Темной, и опыт этот был весьма приятен, насколько я могу судить по твоему довольному виду!

А еще получил подарок, который способен изменить мою судьбу, мог бы добавить я, но благоразумно помалкиваю.

— У меня есть для тебя кое-что! — загадочно произносит Шувалов.

Князь открывает верхний ящик стола, вытаскивает небольшую серебряную шкатулку и ставит ее передо мной. Я поднимаю тяжелую крышку и смотрю внутрь. На фиолетовом бархате лежит Осколок и титановая цепочка с держателем. Осколок ничем не отличается от переданного мне Карой, оба они бесцветны и похожи на куски обычного стекла.

— Наденешь его в Храме во время Инициации, здесь не рискуй — Родовой Кристалл слишком близко! — Шувалов направляет взгляд фиолетовых глаз на потолок.

— Спасибо, Игорь Всеволодович! — благодарю я старика.

— Иди отсыпайся, ловелас, — с усмешкой говорит Князь. — Коньяк на сон грядущий не предлагаю — в тебе алкоголя по самую макушку плещется…

Следую совету старика, но иду не к себе, а к Трубецкой. Сейчас точно не лучшее время для встречи, но меня мучает чувство вины. Мучает несмотря на наши договоренности о свободных отношениях.

Ольга открывает дверь после первого же тихого стука. К моему удивлению, на лишенном косметики лице нет гнева, презрения или агрессии.

— Цветы принес?! — спрашивает она.

— А должен был?

— Как и всякий мужчина, сходивший на сторону! — мягко поясняет Трубецкая без толики иронии или сарказма.

— Прости меня! — начинаю я, собираясь в качестве оправдания рассказать об успешно опробованных на мне способностях Темной, но Ольга решительно меня прерывает.

— Не стоит! — она прикладывает к моим губам указательный палец, призывая заткнуться. — Я хочу внести дополнение в наш договор — ты не обязан извиняться передо мной после каждой интрижки на стороне!

А это уже по-взрослому: деловито и продуманно, но меня почему-то корежит от такого подхода.

— Ты тоже могла найти себе симпатичного

парня, их в посольстве было достаточно несмотря на заверения Князя…

— Откуда ты знаешь, возможно, я так и поступила?! — игриво спрашивает она.

— Поздравляю! — говорю в ответ и чувствую неожиданный укол ревности: все же я тот еще собственник.

— Я шучу, Саша! — Трубецкая улыбается, берет меня за рукав и тянет в комнату. — Возможно, в будущем я последую твоему совету, а сейчас… Сейчас мне хочется быть только с тобой…

Чувство вины растет и ширится, и даже мой всепоглощающий цинизм противостоять ему не в состоянии.

— Ты была права: я был ее заданием, — признаюсь, все же пытаясь подсластить горькую пилюлю. — Видимо, первым — потому что все свелось к простому знакомству и разговорам ни о чем…

— Темные знают о тебе что-то, — задумчиво произносит Ольга и добавляет, помолчав какое-то время. — Знают что-то важное, что-то неизвестно даже тебе самому…

— Мне уже не по себе от внимания сильных мира сего!

— Тебе с ней понравилось? — спрашивает Оль-

га, неожиданно меняя тему разговора.

— Ты хочешь узнать: кто из вас лучше в постели?

— Зачем?! — она пожимает плечами. — Ты всегда будешь говорить, что лучшая — я…

— Понравилось! — честно отвечаю я, снова чувствую возбуждение и тут же корю себя за неуместную искренность. — Во многом это интригующий эффект новизны…

— Все мужчины предсказуемы…

— Можно подумать, вы, женщины, от нас отличаетесь?!

— Можем проверить прямо сейчас! — Ольга нежно проводит ладонью по моей щеке. — Ты останешься?

— Если не прогонишь…

— Тогда иди в душ! — Трубецкая разворачивает меня и легко подталкивает в спину.

Этой ночью я принимал душ четыре раза, но чего не сделаешь ради красивой девушки!

— И зубы почисти как минимум трижды! — доносится до меня, когда я захожу в ванную.

Снова намечается секс, а все мои мысли о подарке турчанки — Темном Осколке, который она вручила мне перед самым прощанием, и о возможностях, которые он сулит.

Глава 5
Свет знаний сгущает Тьму сомнений

Любой уважающий себя агент обязан иметь множество тайников — Приют набил мне эту истину на префронтальную кору головного мозга и закрепил навязанным образом жизни. Камеры там стояли повсюду: даже мастурбировать и заниматься сексом я привык под объективами, и это ничуть меня не смущало.

В Родовой Высотке условия помягче: по словам Берестова наблюдение в туалетных комнатах не ведется, хотя за несколькими огромными зеркалами можно разместить по телестудии, не говоря уже о миниатюрных камерах.

Тайник я расположил в унитазе — в этой части ванной спрятать подглядывающие устройства негде. Кроме того, в поисках тайников обычно проверяют бачок и его крышку, а вот до самой фарфоровой чаши, точнее, до небольшого пространства под ней, руки не доходят.

Сидя на белом троне, я рассматриваю три Осколка: Фиолетовый, Темный и тот, который я

храню с раннего детства. Все три бесцветные и останутся таковыми до момента Инициации. С Осколками, полученными от Темных и Шувалова все ясно, а вот мой — это загадка.

Долгое время я воспринимал его как сувенир и тонкую ниточку, ведущую к моим неизвестным родителям, но теперь не знаю, что и думать. Если этот Осколок — Светлый, то от кого я его получил в детстве? Неужели кто-то из моих родителей был Светлым?!

На моих ладонях лежат овеществленные варианты будущего, один из которых я должен выбрать уже в ближайшее время. И Темные, и Светлые, и Фиолетовые маги предлагают вступить в их ряды, и это удивительно: я первый раз слышу, что один и тот же человек может стать и Темным, и Светлым, и Цветным.

Как же просто жить, когда твой путь предопределен! И неважно, куда он ведет, имеет значение сам факт отсутствия равноценных альтернатив! А у меня их три! Почему-то вспоминаются слова из детской сказки, высеченные на Вещем камне: «Налево пойдешь — себя потеряешь, направо пойдешь — голову сложишь, прямо пойдешь — жизнь сохранишь, но себя позабудешь». Куда ни глянь — всюду задница!

Сложно вести сеанс одновременной игры с тремя гроссмейстерами сразу, будучи новичком, но я не хочу ложиться под кого-то из них. Легендарные Светлые, загадочные Темные и хорошо известные всем Цветные — все они почему-то хотят заполучить в свои ряды мальчишку, который еще никак себя не проявил ни на магическом, ни на интеллектуальном, ни на силовом поприще. Это смущает меня больше всего.

Очевидно, что я представляю собой некую ценность для всех трех групп аристо, но потенциальной ценностью дело может не ограничиться. Меня могут рассматривать в качестве оружия и использовать в дальнейшем в собственных целях. Использовать вслепую, как всегда поступал со мной Приют.

Выбирая Цвет магии и свою судьбу, я тоже действую вслепую. Нет, мне не требуются точные предсказания будущего в зависимости от сделанного выбора, но информация о моих нетривиальных способностях и их возможных проявлениях не помешала бы. Информация, которую получить не у кого.

Я предполагаю, что ни Шувалов, ни безымянные пока Темный и Светлый ею попросту не располагают. Они хотят заполучить мою скром-

ную персону в свои ряды, но вряд ли знают, как именно будут меня использовать. Так увлеченный коллекционер жаждет обладать редким алмазом, но даже не задумывается о том, в какой оправе выставит его на всеобщее обозрение.

Есть и четвертый путь — спустить Осколки в канализацию и банально сбежать. Несмотря на кажущуюся безопасность, он гораздо более рискован, чем остальные три, и при этом наименее интересен. Всю жизнь прятаться под чужой личиной и быть убитым в самый неожиданный момент на мечту никак не тянет. Уж лучше сложить голову в открытой борьбе, получив хотя бы какое-то удовольствие от схватки.

Самый очевидный выбор — Фиолетовый Осколок. Всемерная поддержка Великого Рода, защита со стороны государственной спецслужбы в лице Тайной Канцелярии и хорошее отношение Великого Князя — отличный расклад! Отличный, если не учитывать мою тотальную зависимость от Рода и лично от его Главы.

Я стану куклой, которой искусно управляют, дергая за ниточки. Тот же Приют, только в профиль. Игра с более высокими ставками, более интересная и даже интригующая, но в качестве вечного ведомого. Вечного, потому что Великий

Князь может прожить еще несколько десятков лет, и все это время я буду послушно плясать под его дудку.

Второй вариант — принять предложение Светлого, сделать ставку на один из двух цветов рулетки с неизвестной вероятностью выигрыша. Игра на два фронта, которая позволит развиваться, используя ресурсы Великого Фиолетового Рода, постепенно освоить все семь цветов Силы и в итоге обрести могущество, которое позволит существовать максимально независимо от всех Родов.

Третий вариант — выбрать черного кота в черном мешке, броситься в омут неизвестности и шагнуть в церковь Разделенного с Темным Осколком на шее. Стать скрытым Темным и попасть в полную зависимость от могущественных аристо, правящих большей частью мира. Их протеже, способный проникать в тайные и явные намерения Высших Цветных, в Российской Империи может рассчитывать на головокружительные перспективы. Цена — еще большая зависимость, чем при выборе первого и второго варианта, а вишенка на торте — мгновенная смерть в случае раскрытия.

Вывод прост и банален: за все нужно платить. В

первом варианте — свободой, во втором — отсутствием поддержки со стороны организованной группы аристократов, в третьем — постоянной опасностью быть разоблаченным и уличенным в предательстве.

В ярком искусственном свете хрустальных люстр Осколки напоминают помутневшие подвески, снятые с них же, и я ловлю себя на мысли, что хочу, чтобы это оказалось правдой. Хочу заполучить незамысловатую и относительно беззаботную жизнь простого российского гражданина, не принадлежащего к аристократическим кругам. Хочу учиться в университете, тусить с друзьями, встречаться с девушками и не загоняться проблемами мирового масштаба.

Путь от убежденного борца с аристо до конформиста и сибарита пройден неожиданно быстро, и страшно представить, как далеко я могу забрести в дальнейшем.

Криво улыбаюсь, кладу Осколки в серебряную шкатулку и прячу ее в тайник. Смываю воду и захожу в душевую кабину — мое поведение не должно вызывать подозрений у наблюдателей.

Пятиминутный контрастный душ наполняет энергией и смывает приступ малодушия вместе с хроническим недосыпом. Выскакиваю из-под

ледяных струй в приподнятом настроении и готовым к новым свершениям. Мне нужна информация, и кроме Главы Рода в Башне есть лишь один человек, способный пролить свет на множество вопросов, теснящихся в моей голове!

В Телеграфе десяток новых сообщений, и наверняка большинство из них — от Трубецкой. Соблазн прочитать их и вновь уединиться с ней велик, но я решительно гашу экран и включаю кофемашину.

Пара чашек эспрессо добавляет бодрости: их я выпиваю, глядя на огромный город, расстилающийся за окном. По широким проспектам текут шумные реки машин, тротуары заполнены спешащими по своим делам пешеходами, а Кристаллы высоток привычно бьют в небо светящимися цветными столбами.

Снова чувствую себя запертым в золотой клетке узником. До Инициации путь на улицы Москвы без сопровождения вооруженной до зубов охраны мне заказан. Да и охрана эта как фиговый листок на гениталиях: любой высший аристо — Темный, Светлый или Цветной превратит ее в кровавый фарш в мгновение ока. А затем примется за меня.

Натягиваю стандартный комплект одежды:

футболку, джинсы и кроссовки и подхожу к зеркалу. Из него на меня глядит совершенно обычный парень, обычный, если не приглядываться к фиолетовым радужкам глаз. Приглаживаю еще мокрые после душа волосы и выхожу из апартаментов.

Вихрем заскакиваю на кухню и, чмокнув в щеку мгновенно зардевшуюся Петровну, нагружаю поднос пирожками.

— Сметану забыл! — кричит она вслед, и я возвращаюсь, сделав танцевальный пируэт на потеху работницам ножа и половника.

Петровна ставит на поднос большой соусник, добавляет несколько печений, чем зарабатывает еще один поцелуй.

— Спасибо! — кричу я уже из-за двери и несусь к лифту.

Убежище Хранителя прячется на средних этажах Высотки, в небольшой каморке, примыкающей к библиотеке. Я нахожу его лишь после нескольких минут блужданий по коридору, потому что вывески и номера на дверях отсутствуют. Стучу и терпеливо жду, наслаждаясь ароматом жареных пирожков: старик нетороплив и медлителен, особенно по утрам. Наконец, дверь открывается.

— Доброе утро! — приветствую я Никифора Григорьевича, протягиваю вперед поднос и широко улыбаюсь.

— Доброе утро, Ваша Светлость! — произносит он после небольшой паузы и делает шаг в сторону. — Проходите!

Каморка Хранителя удручающе мала, лишь на пару метров больше моей спальни в Приюте. При этом в ней уместилась аккуратно застеленная двуспальная кровать, заваленный рукописями стол и многочисленные стеллажи с книгами. У небольшого окна расположился столик с возвышающимся на нем самоваром и двумя потертыми креслами рядом.

— Присаживайтесь, Александр Игоревич, — предлагает Хранитель и освобождает столик от грязной посуды.

С готовностью плюхаюсь в кресло, ставлю поднос на стол и, не церемонясь, хватаю пирожок. Вгрызаюсь в горячее тесто и, вкусив божественную картофельную начинку со специями, едва сдерживаю стон удовольствия.

— Если в скромную обитель старого Хранителя Рода явился молодой князь, да еще и собственноручно принес угощение, ему точно что-то нужно, — произносит старик, лукаво улыбаясь, и садится

напротив.

— Я бы от чая вашего знаменитого не отказался — аромат горных трав перебивает даже запах вкуснейшей стряпни Петровны!

— Решили купить старика с потрохами? — Никифор Григорьевич довольно улыбается и наливает чай из горячего самовара. — Про горные травы Игорь Всеволодович рассказал?

— Он самый! — подтверждаю я и делаю большой глоток.

Чай, действительно, хорош и прекрасно дополняет пирожки. Под смешливым взглядом старика я уничтожаю не меньше половины принесенной снеди и обессиленно откидываюсь на спинку кресла. Утро определенно удалось!

— С чем пожаловали? — настойчиво интересуется Хранитель. — Вопрос, видимо, важный, если юный князь забыл о молодых забавах и посетил мою скромную обитель?!

— Животрепещущий! — признаю я. — Я нашел важную нестыковку в ваших рассказах о прошлом нашего Великого Рода. Запоздало, конечно, что не делает мне чести, но все же…

— Какую именно?! — заинтересованно вопрошает старик, наклоняется вперед и кладет на поднос недоеденный пирожок.

— Вы говорили, что в Роду Фиолетовых были и Темные, и Светлые — но разве возможна их Инициация с Фиолетовым Осколком на груди?

Хранитель тяжко вздыхает, гладит густую седую бороду, и выражение его лица становится напряженным.

— Вы сделали ошибку в самой постановке вопроса, — нехотя сообщает мне старик и опускает глаза. — Сущность одаренного всегда неизменна, но проявляется она только с Осколком нужного цвета на груди, который пробуждается под влиянием либо семи Цветных Кристаллов, либо одного — Светлого. В Российской Империи существует единственное место, где такая Инициация возможна — Храм Разделенного!

После секундного колебания я решаю не спрашивать, сохранился ли в России хотя бы один Темный Кристалл. Согласно общепринятой версии, все они давно уничтожены.

— Предположим, что моя сущность темна как ночь, но я приду на Инициацию с Фиолетовым Осколком?

— Связь не установится, и вы будете признаны бездарем…

— Тогда как мои славные предки оказались Темными?

— Они явились на инициацию с Темными Осколками на груди…

— Значит, их сущность проявилась не случайно, и в их судьбе поучаствовал кто-то из Темных магов?

— Определенно, — старик нехотя кивает и берет в руки очередной пирожок.

Он явно не в своей тарелке, потому что озвучивает мне сведения, за которые можно угодить на пожизненную каторгу или того хуже — лишиться головы.

— Тогда почему Темные не защитили их во время Инициации, почему допустили смерть своих протеже?

— А почему вы решили, что их всех убили в момент Инициации? — Хранитель вскидывает седую бровь и оглаживает бороду. — Непосредственно в Храме уничтожили лишь последнего, до его смерти такого правила не существовало!

— Значит, как минимум два моих предка жили в Империи, уже будучи Темными?

— Именно так, Ваше Сиятельство, но это дела давно минувших дней. Сегодня инициированный Темный и минуты не проживет, хотя обсуждать это не стоит ни с кем…

— Я понял, понял! — перебиваю старика и

нетерпеливо машу руками. — А Светлые? Как пробуждались они?!

— А вот на этот счет достоверных сведений не сохранилось! Есть лишь общие слова, которые едва могут пролить свет на жизнь Светлых, уж извините за тавтологию!

— И все же?

— Принцип все тот же, но как проявляется сущность Светлого и проявляется ли в момент Инициации — я не знаю!

— Значит, если на пути потенциального Светлого не окажется собрата по Кристаллу, и он не вручит ему Осколок, Светлый останется бездарем?!

— Согласно общепринятой теории, все обстоит именно так…

— А если я войду в алтарь со Светлым Осколком на груди?

— Единичные исследователи природы Света писали об универсальности Светлых Осколков. Якобы они могут принимать любой Цвет, и якобы в седой древности всех претендентов снабжали именно ими…

— Любой? — я не могу скрыть удивления. — Даже Темный?

— Ученые древности пишут и об этом, — старик

неуверенно кивает и замолкает.

Он гипнотизирует меня несколько мгновений, а затем осторожно продолжает диалог.

— Позвольте вопрос, Ваша Светлость?

— Конечно! — даю согласие я и машинально делаю глоток уже остывшего чая.

— С чем связано ваше беспокойство? Явились ни свет ни заря, да еще и с подношением?! Допрашиваете старика, будто в подвалах Тайной Канцелярии?! Вы чувствуете в себе проявления Тьмы или Света?! Или с вами контактировали Темные или Светлые маги?!

Пару мгновений раздумываю: не рассказать ли старику все, но решительно отвергаю пришедшую некстати глупую мысль. В лучшем случае Хранитель доложит обо всем Шувалову, а в худшем — поставит в известность Тайный Сыск.

— Никаких проявлений, просто беспокоюсь за шкуру самого дорогого мне человека — себя! — пожимаю плечами и простодушно улыбаюсь. — У меня возникла еще одна мысль: а можно ли отыскать в Темный или Светлый Осколок в разрушенных Кристаллах?

Старик молчит и смотрит мне в глаза. Я расчетливо демонстрирую предельную степень легкомыслия, и беспечно напевая какую-то

прилипчивую мелодию, успеваю прикончить оставшиеся два пирожка и сметану.

— Осколки не являются осколками Кристаллов в прямом смысле слова, хотя называются именно так, — медленно произносит Хранитель. — Их не откалывают от Кристаллов, а синтезируют высшие аристо, тратя на процесс немало сил…

— Значит, если в этом мире уничтожены все Светлые аристо, новому Светлому взяться неоткуда?

— Неоткуда, — старик кивает. — Разве что кто-то найдет созданный в прошлом, но не прошедший Инициацию Осколок. Некоторые исследователи предполагают, что природа Светлых способна проявиться с любым осколком и даже без оного…

Раздери меня Тьма! Опять эти исследователи, которые ни в чем не уверены!

— Порекомендуйте, пожалуйста, пару книг, из которых я смог бы почерпнуть более подробную информацию…

— Пару?! — на лице Хранителя появляется ироничная усмешка. — К сожалению, букварь для одаренных, как и энциклопедия, либо не были написаны, либо до нас не дошли. Но вы можете восполнить лакуны в знаниях, прочитав книги на этих стеллажах.

Старик указывает на груды старинных фолиантов, которые мне не прочитать за годы бдений в библиотеке.

Из коморки Хранителя я выхожу в смятении. Я не обрел исчерпывающую информацию о магической природе нашего мира. Даже не наделся на это, но отрывочные данные о природе Света и Тьмы лишь все запутали.

Я получил взаимоисключающие предложения стать Цветным, Темным и Светлым. Учитывая цвет моих глаз и заверения Великого Князя Фиолетового Рода об аристократическом происхождении, я допускаю, что способен стать Фиолетовым магом. Но как одаренный аристо может претендовать на Тьму и Свет одновременно?! Быть может, Хранитель ошибается, и любой Осколок способен принять любой Цвет?

Придется поговорить об этом с Великим Князем…

Глава 6
Рандеву с Наследницей Престола

Приглашение на обед, полученное от юной наследницы престола, дорогого стоит. Даже потомственному наследнику Великого Рода нужно из кожи вылезти, чтобы такое заработать, а презренный бастард получил его в благодарность за спасение особы императорских кровей на балу, организованным в собственную честь.

Ирония судьбы, не иначе — скоро я буду наслаждаться великолепной кухней одного из лучших ресторанов Москвы, а мог бы гнить в подвале Тайного Сыска из-за обвинения в убийстве Ее Высочества. Приют пытался одним махом уничтожить нас обоих, и я до сих пор не могу понять — для чего.

К Дому Троекурова наша кавалькада из черных лимузинов с двуглавым орлом на корпусах подъезжает со стороны Тверской и сворачивает в Георгиевский переулок, наглухо перекрытый Императорской Гвардией. На встречу с Наследницей Престола меня везут словно важную персону королевской крови, но это слабый повод для са-

моутверждения в своих же глазах.

Я смотрю на хорошо знакомый фасад сквозь тонированное стекло, и по спине струится холодок — в голову приходят обстоятельства знакомства с юными Романовыми. Если Наталья меня узнает, случится катастрофа.

Легенду, объясняющую мое появление в одежде послушника пред ясными очами Наследников Престола, я на всякий случай подготовил, но обман вскроется при первой же беседе с княгиней Головиной, из окна апартаментов которой я выпал.

Дверь лимузина открывается, я выхожу из бронированной консервной банки и не сразу надеваю темные очки. Августовская погода великолепна: ласково пригревает солнышко, листву деревьев колышет легкий ветерок, а по голубому небу неспешно плывут белые облака.

— Добрый день, Ваша Светлость! Наталья Николаевна уже ожидает! — учтиво сообщает мне князь Бестужев, облаченный в активную боевую броню. — Следуйте за мной!

Бронированный щиток шлема поднят, взгляд командира охраны холоден и бесстрастен. Он смотрит на меня как на пустое место, и это не профессионализм, а демонстрация отношения

к безродному выскочке, за которого приходится отвечать аристократической головой.

— Здравствуйте, князь! — отвечаю я и склоняю голову, что разглядеть практически невозможно.

Бестужев кивает, молча разворачивается на сто восемьдесят градусов и идет к вычурному крыльцу особняка. Я также молча следую за ним. Мне наплевать как на его отношение ко мне, так и на него самого.

Мы идем к приветственно распахнутым дверям Дома Троекурова, а я привычно сканирую окружающее пространство. Бестужев учится на ошибках: прилегающие улицы полностью перекрыты, а небольшой пятачок перед входом в ресторан охраняет десяток бойцов. Не удивлюсь, если за окнами домов прячутся снайперы, а в здании — одаренные аристо, готовые обрушить на головы врагов всю свою магическую мощь.

Бестужев пропускает меня вперед, я поднимаюсь на крыльцо и прохожу в помещение ресторана. Вздыхаю с облегчением только внутри: держащие меня на мушках охранники остались снаружи.

Оглядываю зал ресторана и убеждаюсь, что он пуст. Из гардеробной выскакивает парень в белой рубашке, черном фраке и с темно-зеленой

бархатной бабочкой на шее. Он знаком повелевает снять темные очки, принимает их из моих рук и кладет в свободную ячейку стеллажа у бара. Затем с королевским достоинством кланяется и жестом приглашает следовать за ним.

Мы выходим во внутренний двор, я останавливаюсь на террасе и непроизвольно вздрагиваю. Вздрагиваю не от яркого света: периметр колодца двора оцеплен вооруженными бойцами, а крыши ощетинились стволами множества снайперских винтовок.

Завтрак под дулами огнестрелов — то еще удовольствие. Даже в элитном ресторане, даже в кампании красивейшей девушки, даже если она наследница Российского Престола.

Это примерно то же самое, что секс в павильоне киностудии на глазах у всей съемочной группы. С той разницей, что вместо объективов кинокамер на меня нацелены оптические прицелы.

Еще раз оглядываю периметр внутреннего дворика и заставляю себя успокоиться. Искра необъяснимого беспокойства гаснет, не успев разгореться ярким пламенем, и я уверенно шагаю вперед.

Наталья Николаевна Романова встает из-за небольшого столика, прячущегося от солнца и

вражеских снайперов в тени огромной липы, и приветственно машет рукой. Густые ветви этого дерева недавно спасли мне жизнь, когда я сорвался с троса и свалился под ноги моей визави.

Направляюсь к девушке, с удовольствием оглядывая ее стройную фигурку. Играть восхищение нет необходимости: Наталья одета в облегающее платье темно-зеленого цвета, которое подчеркивает бесспорные достоинства гуттаперчевого тела и прекрасно гармонирует с изумрудными радужками глаз.

— Доброе утро, Ваше Высочество! — приветствую я красавицу, поклонившись, и целую любезно протянутую мне изящную ручку.

— Я тоже рада тебя видеть! — отвечает Наталья, и радушная улыбка исчезает с точеного кукольного личика. — К чему этот официоз?! Помнится, на балу в твою же честь ты не стеснялся крепко обнимать меня за талию, крепко прижимать к себе и вести беседу без церемониального флера!

— Слишком много людей наблюдает за нами через оптические прицелы — я лишь подстраиваю свое поведение под их ожидания! — кисло улыбаюсь и меняю стиль общения, становясь самим собой. — На балу я слегка перебрал шампанского, поэтому прошу прощения за некоторые

вольности, допущенные по отношению к особе императорских кровей!

— Упомянутой особе эти вольности были весьма приятны, — с иронией замечает принцесса. — А легкое опьянение не помешало тебе спасти меня от ужасной смерти! О каких извинениях можно говорить?!

— Право же, я теряюсь, выслушивая комплименты от первой красавицы Империи…

— Прошу тебя, верни мне того Александра, с которым я танцевала на балу — всегда предпочитала искренность дежурному пафосу!

Наталья улыбается и, подобрав подол длинного шелкового платья, садится в кресло. Следую ее примеру, проклиная аристократический этикет — терпеть не могу костюмы, да еще и нашпигованные жесткими бронированными пластинами. Я сопротивлялся, аки лев, но Шувалов настоял — этот завтрак под открытым небом ему не понравился сразу.

— Я позволила себе заказать нам по чашечке кофе, приготовленному по рецепту моей бабушки! — Романова резко меняет тему, улыбаясь столь же мило, сколь и ненатурально.

Материализовавшийся рядом с нами официант в белых перчатках ставит на стол миниатюр-

ные чашечки с густым черным напитком, и я с удовольствием вдыхаю божественный аромат кофе, разбавленный нотками корицы, перца и гвоздики. Делаю глоток и не могу удержаться от восхищения — кофе, действительно, великолепен. Бурда, которой многие годы угощал Шеф, не идет с ним ни в какое сравнение.

— И эклеры попробуй — я приготовила их сама! — Романова наклоняется вперед и протягивает мне тарелочку с пирожными.

Я молча любуюсь прекрасным видом, открывающимся в ее декольте и, судя по румянцу, вспыхнувшему на ланитах Натальи, она это замечает.

— Ты потерял дар речи, потому что не веришь, что наследница Российского Престола знает, с какой стороны подходят к плите?

— Не верю! — я отрицательно качаю головой и пробую десерт, который оказывается сказочно вкусным. — Ты, действительно, приготовила их собственноручно?!

— Должна же я отблагодарить тебя за чудесное спасение чем-то большим, чем просто слова?

— Доброе флово и кофке приятно! — замечаю я с набитым ртом, размышляя, впрочем, о благодарности совсем иного рода. — Перед телекамерами

я произнес бы что-то о своем долге перед Российской Короной и пообещал бы служить вам верой и правдой до самой смерти…

— Но? — Наталья вопросительно вскидывает брови и иронично улыбается.

— Я спас бы тебя, будь ты даже простой кухаркой!

— Это ничуть не умаляет твоих заслуг!

Я опускаю глаза, и мои щеки начинают рдеть. Этому трюку я научился еще в тринадцать лет, осознав, что иногда надевать личину скромника просто необходимо.

— Если честно, я до сих пор не могу поверить в произошедшее и не могу понять, кому и зачем понадобилась твоя смерть, — возмущаюсь я.

— Если бы я сама знала, — Наталья пожимает плечами. — Князь Бестужев, Тайный Сыск и Тайная Канцелярия уже работают над ответом.

— Зачем ты пригласила меня сюда на самом деле? — спрашиваю я, решившись развеять скуку и повысить ставки. — Вряд ли чтобы выказать благодарность — для этого было бы достаточно написать витиеватое письмо на плотной гербовой бумаге и прислать его нарочным в Родовую Высотку вместе с коробкой этих вкуснейших эклеров!

— А если я признаюсь, что мне невыносимо скучно? — в девичьих глазах появляется оживление. — Что меня тошнит от общества придворных дам и высших аристо, которые ведут со мной великосветские беседы в духе романов столетней давности?

— А я, значит, тот самый юный пастушок, что может развеять скуку принцессы, заточенной в высокой башне?

— Очень привлекательный пастушок! — с улыбкой поправляет Наталья, облизывает верхнюю губу кончиком язычка и делает глоток кофе, не отрывая от меня полного обожания взгляда.

Она что, соблазняет меня? Я таращусь на девушку не в силах скрыть удивление. Или проверяет? Кошусь на стоящих в нескольких метрах от нас охранников и надеваю на лицо отработанную на уроках актерского мастерства улыбку опытного соблазнителя. Картинно вскидываю бровь, а затем резко сбрасываю маску Казановы и заразительно смеюсь, запрокинув голову.

Когда наши взгляды встречаются, я понимаю, что угадал — это была проверка, которую я успешно прошел.

— Тебе не идет роль роковой соблазнительницы! — произношу я с ироничной усмешкой,

продолжая повышать градус дерзости в собственных речах.

— А тебе — прожженного гуляки, который не пропускает ни одной юбки! — парирует моя собеседница.

— Один — один! — восклицаю я и протягиваю вперед чашечку с остатками кофе. — Хочу предложить тост за встречу!

— Предложение принимается! — Наталья кивает и улыбается.

Утро явно перестает быть томным — наше общение становится более оживленным. Наталья нравится мне все больше и больше. Если бы она не была особой царских кровей, я бы точно попытался свести с ней более близкое знакомство. Взгляд девушки не оставляет сомнений, что она не против такого варианта развития событий.

— На самом деле причина, по которой я тебя пригласила, не связана ни с твоим подвигом, ни с привлекательной внешностью, — неожиданно серьезно произносит Наталья, и я кладу недоеденный эклер на тарелку.

Сейчас она скажет, что узнала меня, и я вовсе не пастушок, а послушник Разделенного, которого она спасла в этом самом дворе?!

Глаза Натальи на мгновение вспыхивают, и

нас окружает темно-зеленая мерцающая сфера. Наступает абсолютная тишина — девушка включила полную блокировку. Второй раз за утро у меня возникает ощущение дискомфорта. Я молча смотрю в светящиеся зеленые глаза, держу паузу и жду.

— Тебе угрожает опасность, Саша! — тихо произносит Наталья. — И покушение было вовсе не на меня!

Я мог бы развеять ее предположения и попытаться доказать обратное, но вместо этого пялюсь на девушку потрясенно и озабоченно.

— Откуда столь важная информация у…

— … у столь легкомысленной особы?! — заканчивает за меня фразу Наталья.

— У наследницы Короны, в ведение которой не входит обеспечение безопасности легкомысленных аристо без роду и племени?! — поправляю я девушку.

— К сожалению, источник информации я раскрыть не вправе, но поверь: мое предупреждение возникло не на пустом месте!

— Могу я поинтересоваться: от кого именно исходит озвученная тобой угроза?

— Этого я не знаю, — с искренним сожалением в голосе отвечает Романова. — Просто отнесись к

моим словам максимально серьезно!

Я благодарно киваю, всем своим видом демонстрируя, что сконфужен и предельно озабочен. Рассказывать о Мине и еще одном покушении я не собираюсь, а вот источник информации Натальи очень важен, потому что может вывести на реальных владельцев Приюта и прояснить их цели.

Наталья снимает блокировку, городской шум врывается в уши, а вместе с ним — шаги приближающихся к нам официантов. Чувство опасности взвывает сиреной: они движутся практически бесшумно, сбивая четкий ритм, как это делают профессиональные агенты. Как делаю я сам и другие воспитанники Приюта.

Парни приближаются к нам с двух сторон, справа и слева, у них в руках металлические подносы, закрытые блестящими металлическими полусферами. Вряд ли под ними огнестрелы или боевые артефакты, такого прокола охрана точно не допустит, но даже простые кухонные ножи могут оказаться весьма грозным оружием.

Достаточно подать знак тревоги, и снайперы…

Стоп! Они не будут стрелять из страха навредить Наталье! Бестужева нужно не просто уволить, а отдать под суд! Теперь я понимаю,

почему меня смутили позиции снайперов на крышах, но понимаю слишком поздно!

Приютских ребят я не узнаю — в младших классах их много, а грим наложен весьма качественно и не вызывает никаких подозрений. Не прекращая расслабленно улыбаться, я собираюсь в пружину и ожидаю, когда фальшивые официанты приблизятся на расстояние вытянутой руки. Как назло, на столе нет ни одного ножа — только десертные ложечки и вилки для пирожных.

К атаке парни переходят мгновенно и почти синхронно. Тарелки стремительно летят мне в голову, а крышки остаются в руках — они будут выполнять роль щитов. Лезвия ножей я разглядеть не успеваю, но уверен, что клинки пойдут в дело мгновением позже.

Падаю на спину вместе с креслом, выхватывая скатерть из-под столовых приборов, и бросаю ее на одного из убийц словно ловчую сеть. Прокручиваюсь волчком и запускаю кресло во второго.

Вскакиваю с деревянного настила и пробиваю ногой в голову пытающегося освободиться от скатерти. Раздается приглушенный вскрик и тошнотворный хруст костей, парень заваливается набок, а я получаю удар ножом в спину. Мысленно благодарю Шувалова, настоявшего

на бронированном костюме, разворачиваюсь, хватаю убийцу за руку, дергаю на себя и бью лбом в переносицу.

Слышу возглас боли и хруст в его плечевом суставе, звучат проклятия, а в лицо хлещет чужая кровь. Я от души добавляю коленом в пах и добиваю согнувшегося пополам парня локтем в затылок. Он падает на окровавленные доски веранды, все еще сжимая нож в правой руке. Обрушиваюсь коленом на его запястье, выхватываю нож и без колебаний вонзаю длинное лезвие в основание черепа.

Замечаю движение справа — первый атакующий уже оклемался. Ухожу от его быстрого удара скорее по наитию, чем по расчету. Тонкий клинок со свистом рассекает пустоту, пацан теряет равновесие и падает вперед — окровавленным лицом на спину мертвого товарища. Поднимаю валяющийся поднос, бросаюсь к поднимающемуся на четвереньки парню и обрушиваю острую грань на его шею. Металл входит в плоть с противным чавкающим звуком, и несостоявшийся убийца снова падает навзничь. Из его горла вырывается предсмертный стон, и он умирает.

Только в этот момент я замечаю бегущих к нам со всех сторон охранников и полный ужаса

взгляд Натальи. Девушка явно в шоке, она даже Силу не применила! Бросаюсь вперед, врезаюсь в нее словно таран, и мы вместе падаем в декоративные кусты — девушка на землю, а я на нее.

За спиной последовательно раздаются два взрыва, и нас обдает брызгами крови вперемешку с мозгами — Приют активировал заряды, спрятанные в зубах мудрости уже мертвых учеников.

Нас окружают бойцы в активированной броне, и я встаю на ноги, подняв руки. В меня целится десяток стволов, но это не главное — своими телами парни закрывают нас от снайперов на крышах, среди которых, я уверен, находится Мина. Возможно, в ее руках не винтовка, а камера, фиксирующая все происходящее: наверняка расправа запланирована в качестве показательной акции для приютских.

Я получаю рукоятью пистолета по затылку и медленно оседаю на окровавленный пол веранды. Почему Наталья Романова не погрузила лже-официантов в стазис? Почему не окружила нас Покровом? Последнее, что я вижу — ее испуганные, но благодарные глаза.

Глава 7
В темнице сырой

Я прихожу в себя, сидя на полу в подсобном помещении ресторана. Меня окружают металлические стеллажи с припасами, к одному из которых я пристегнут наручниками. Напрягаю руки, проверяя прочность оков, но они лишь глубже врезаются в плоть. Запястья, стянутые за спиной, уже затекли, но я даже рад, что не вижу запекшейся на них крови. Крови ребят, которых я убил.

Под потолком тускло горит засиженная мухами лампочка, но даже ее свет жалит, словно острые иглы. Голова раскалывается от боли, которая пульсирует где-то в районе затылка и распространяется по телу тяжелыми тошнотворными волнами. Мне хочется распластаться на полу, закрыть глаза и погрузиться в спасительный сон.

В помещении без окон нет никого, кроме меня, сюда не проникает ни один звук, и о том, чем закончилось очередное покушение, можно только гадать. Я закрываю глаза, и перед мысленным взором появляются мертвые тела лже-официантов.

Их лица были загримированы, а радужки скрыты контактными линзами, но я уверен, что это были приютские. Парни всего на год моложе меня.

Список убитых мною людей пополнился двумя, а всего их четверо. Сколько еще их будет?

Я не испытываю особых страданий, не впадаю в переживания по поводу своей запятнанной совести и погружающейся в тотальную черноту кармы. Именно к этому нас готовили в Приюте, но… Неужели за последние недели я настолько очерствел, что меня не трогает даже убийство бывших приятелей?

Внутренний голос, играющий роль адвоката дьявола, нашептывает, что сегодняшнее покушение на меня было уже третьим, парни понимали, на что шли, и уж они точно не переживали бы после моего устранения.

Как приютские просочились сквозь плотное сито императорской охраны? И как узнали, что встреча с Натальей Романовой состоится именно здесь?

Я получил приглашение утром, за пару часов до его начала. Информацию о нем Приют получил заранее: двух или трех часов недостаточно для подготовки и внедрения агентов в обслугу ресторана. Налицо либо утечка из Императорской

Гвардии, либо заказ на меня от нее же.

А если на крыше дежурила Мина со снайперской винтовкой или камерой в руках?! Налицо либо предательство на нижних уровнях, либо полная некомпетентность! О том, что за организацией покушения может стоять структура, призванная беречь Императорский Род как зеницу ока, даже думать не хочется…

Прерывая мои размышления, в замке металлической двери поворачивается ключ, и в подсобку вваливаются двое гвардейцев. Один из них направляет на меня ствол, а второй с опаской подходит ближе, наклоняется и открывает наручники. Я с наслаждением расправляю затекшие, одеревеневшие руки, стараясь не смотреть на побуревшую кровь.

— Идем! — коротко приказывает гвардеец и дополняет распоряжение красноречивым жестом руки с зажатым в ней пистолетом.

Поднимаюсь на ноги, морщась от головной боли, и безмолвно повинуюсь приказу. Глупо геройствовать, когда на тебя направлены два пистолетных ствола. Если, конечно, ты не супераристо из популярных комиксов.

За дверью нас ожидают еще двое и тоже с пистолетами на изготовку. Неужто мой короткий

бой так впечатлил бравых вояк, что они явились за мной вчетвером?!

Мы поднимаемся по узкой крутой лестнице и оказываемся в полутемном коридоре, который судя по роскошным дубовым дверям в его правом конце, ведет в зал для посетителей.

Высокие створки распахиваются, и я шагаю вперед, подгоняемый толчками пистолетов в спину. Морщусь от яркого света, который провоцирует новый приступ головной боли, и останавливаюсь на пороге. Зал ресторана практически пуст, ни официантов, ни гостей в нем нет.

Единственный посетитель расположился за угловым столиком недалеко от входа. Поджарый седой мужчина в классическом черном костюме разглядывает меня, не скрывая интереса. На его породистом лице застыла смесь из любопытства и откровенной неприязни. Он явно ожидает именно меня.

Ладони гвардейцев тяжело опускаются на плечи, и они ведут меня к незнакомцу. Силой усаживают в кресло и застывают рядом, ожидая дальнейших распоряжений хозяина.

— Оставьте нас! — приказывает мужчина тихим голосом, и бойцы немедленно выполняют распоряжение.

Взгляд пронзительно-зеленых глаз вновь обращается на меня, и я узнаю в лице незнакомца фамильные черты Рода Романовых.

— Князь Иван Константинович Бестужев, — с достоинством представляется он, слегка наклонив голову, и протягивает руку над столом.

Руководитель Императорской Гвардии и отец Бестужева-младшего, командующего охраной наследников Престола, явился по мою душу лично. Мне хочется присвистнуть и отпустить привычную дерзость, но я сдерживаюсь.

— Александр Игоревич Шувалов, — без всякого пафоса произношу в ответ я и крепко жму широкую ладонь.

Рукопожатие у Бестужева крепкое, а взгляд проницательный и острый. Он долго и внимательно рассматривает мое лицо, будто ища в нем знакомые черты, а затем переводит взгляд на кровь, запекшуюся на моей руке. На лице князя не дергается ни один мускул, лишь в глазах мелькает едва заметная тень.

— Что с Романовой? — спрашиваю я, бросаясь с места в карьер.

— С Натальей Николаевной все хорошо, она уже в Императорском Дворце. Полагаю, принимает ванну, — ровным голосом информирует

Бестужев. — А мы с вами должны прояснить некоторые обстоятельства покушения на Наследницу Престола и степень вашего участия в нем!

— Моего участия в покушении?! — с недоумением переспрашиваю я, не отпуская руки Бестужева-старшего. — Так теперь выглядит благодарность рыцарю за спасение красавицы-принцессы?!

— Да вы не волнуйтесь, это не обвинение и даже не подозрение, мы просто беседуем! — успокаивает меня князь.

— Значит, я могу быть свободен?!

Князь едва заметно вздрагивает, и высокие тщательно выбритые скулы вспухают желваками. Видимо, я ломаю привычный паттерн общения с допрашиваемыми, точнее, с опрашиваемыми, как любят формулировать представители силовых структур Империи.

— Вы забываетесь, юноша! — отвечает князь, выделяя слово «юноша», и резко размыкает рукопожатие. — Вопросы здесь задаю я, а вы — отвечаете! И отвечаете лишь тогда, когда того пожелаю я!

Покорно склоняю голову, пряча усмешку, а затем смотрю Бестужеву прямо в глаза, всем своим видом выказывая готовность к сотрудничеству.

С такими «настоящими полковниками» лучше действовать в рамках их же ожиданий, не внося сумятицу в прямую, как единственная извилина, логику.

Выдержав театральную паузу, Бестужев достает из лежащего на столе кожаного портфеля белую картонную папку. Медленно расшнуровывает ее, поглядывая на меня исподлобья, и вынимает несколько скрепленных канцелярской скрепкой листов. В левом верхнем углу приклеена моя фотография, сделанная в Родовой Высотке для паспорта, а справа от нее крупным шрифтом отпечатано мое имя.

Он молча читает, быстро скользя взглядом по строчкам. На зависть египетскому сфинксу лицо Бестужева не выражает никаких эмоций. Я терпеливо жду, даже не пытаясь разглядеть написанное.

— Когда вы узнали о сегодняшней встрече? — наконец, прерывает молчание князь.

— Примерно три часа назад.

— Кто был ее инициатором?

— Меня пригласила Наталья Николаевна Романова лично, — четко отвечаю я.

— Звонок, нарочный или официальное приглашение?

— Первое, — я выбираю один вариант из трех.

— Ваш разговор кто-либо слышал?

— Нет!

— Вы сообщали кому бы то ни было о предполагаемом месте и времени предстоящей встречи?

— Главе Рода и Руководителю Тайной Канцелярии по совместительству — Великому Князю Игорю Всеволодовичу Шувалову.

— Больше никому?! — Бестужев подозрительно щурится, и его лицо становится похожим на физиономию дознавателя из третьесортного сериала.

— Никому! — уверенно подтверждаю я, не желая впутывать Трубецкую в очередные неприятности.

На меня накатывает скука. Странное сочетание с усиливающейся головной болью, если подумать. Разглядываю моложавое лицо собеседника и гадаю, почему в этот раз меня не взяли в работу мозгоклюи-дознаватели. Или они копаются в головах только после контактов с Темными?

— Значит, нападения вы не ожидали?

— Я понял, что оно произойдет за полминуты до атаки…

— И что же открыло вам глаза? — вопрошает Бестужев, откидываясь на спинку кресла.

В моем досье написано, что я бастард, который вырос в провинциальном сиротском доме. Бастард, который случайно выжил в грандиозном пожаре и был обласкан Великим Родом Шуваловых в первую очередь из соображений благотворительности. В деле наверняка упомянуты мои потенциальные магические способности, которые выявили дознаватели, но я все еще неопытный бездарь. А такой парень не должен проявлять умения, характерные лишь для одаренных аристо, прошедших специальную подготовку.

— Интуиция! — вру я и пожимаю плечами. — Официанты вели себя слишком неестественно!

— И поэтому вы, будучи без оружия, хладнокровно убили двоих вооруженных парней в течение двенадцати секунд? — Бестужев вопросительно вскидывает брови, и в его зеленых глазах вспыхивает гордость за собственную невероятную проницательность.

— Неправдоподобно затянутые драки — удел плохих книг и кинофильмов, в жизни все происходит иначе, — назидательно замечаю я. — Мне было некогда раздумывать и засекать время!

Снова раздраженный прищур и вспухшие желваки на скулах. Бестужев приглаживает ко-

роткий ежик седеющих волос, криво улыбается и, выругавшись вполголоса, наклоняется вперед.

— Приберегите иронию и сарказм для ушей таких же, как вы юнцов, князь, — цедит он сквозь зубы. — А мне отвечайте по существу!

— Пятнадцать! — повинуюсь я.

— Что значит «пятнадцать»? — спрашивает Бестужев, хмуря тонкие брови.

— Я убил их в течение пятнадцати секунд, — поясняю я.

— Вы знали этих людей?!

— Никогда не встречал их до сегодняшнего дня!

— Кто, по-вашему, был главной целью преступников: вы или Романова?! — в глазах Бестужева разгорается неподдельный интерес, а в моих — желание прекратить бестолковый допрос как можно скорее.

— Понятия не имею: они напали на меня, и я защищался…

— У вас есть соображения по поводу личностей заказчиков покушения?!

— Ни единого!

— Это ваши первые убийства?! — в голосе Бестужева сквозит откровенное сомнение и издевка.

— Я забыл дома блокнот с именами всех

жертв…

Бестужев сжимает челюсти до зубовного скрежета и вновь обращает взгляд на мое досье. Я мысленно благодарю его за предоставленную передышку — сильная головная боль отнюдь не способствует участию в словесных баталиях. Закрываю глаза и погружаюсь в спасительную темноту. В темноту и тишину.

— Итак! — произносит Глава Императорской Гвардии после внимательного чтения. — В жутком пожаре, случившемся в Выборгском сиротском доме, погибают все учащиеся, преподаватели и даже технический персонал. Выживает единственный ученик и по случайному стечению обстоятельств оказывается в поле зрения Главы Могущественнейшего Великого Рода. Благодаря красивым фиолетовым глазам, не иначе, он буквально очаровывает старика и довольно скоро вливается в ряды Рода. На балу, организованном Императорским Домом в свою честь, он столь же эффективно очаровывает наследников Престола и спасает Наталью Романову от верной смерти. Но и это еще не все! За первым покушением на нее следует второе, и простой провинциальный парень снова оказывается рядом, снова встает на защиту девушки, и снова с легкостью купирует

угрозу!

Бестужев замолкает и смотрит на меня со снисходительным превосходством, давая возможность оценить его версию и выдающиеся умственные способности заодно. Я оцениваю и добавляю князю очков. Первое впечатление было обманчивым: за искусно созданным образом ретивого служаки-дуболома прячется нетривиально мыслящий человек.

— Я могу считать ваши слова признанием собственных заслуг перед Российской Империей?! — продолжаю дерзить я.

— Вы агент какой разведки, уважаемый новоиспеченный князь? — интересуется Бестужев с сарказмом. — Какая из Темных Империй стоит за вашим внедрением в среду российских аристократов? Сколько еще талантливых инсценировок и жертв нас ждет? Каковы ваши дальнейшие планы? И какова конечная цель?

— Интересная версия! — с наигранным восторгом выношу вердикт я. — Думаю, продюсеры Мосфильма с удовольствием приобретут права на сериал! Но предупреждаю: я буду требовать свой законный процент от прибыли и упоминание в титрах моего полного имени!

— Я задал вам несколько вопросов! — Бестужев

повышает голос, он явно теряет терпение.

— Вы меня раскололи, я — супер-аристо, — произношу я заговорщицким тоном, наклонившись над столом, и подмигиваю. — Мои верные сообщники: человек-амфибия и человек-птица!

— Прекратите ерничать! — возмущенно восклицает Бестужев и его лицо идет пятнами. — Я предъявлю вам официальное обвинение, брошу в застенки и подселю в камеру парочку уголовников, которые любят ставить на место дерзких и симпатичных мальчиков! Таких, как ты! Ты будешь умолять меня забрать на допрос хотя бы на полчаса, чтобы твоя задница…

— Я не агент разведки, не имею отношения к организации упомянутых вами покушений, как, впрочем, и разработки целей, их оправдывающей! — я прерываю монолог князя, повысив голос. — А планы мои очень просты — обратиться к целителю Рода, затем смыть с себя чужую кровь, выпить пару бокалов коньяка и завалиться спать!

— На этом все?! — на суровом лице Бестужева расцветает ироничная улыбка.

— Есть еще кое-что! — тихо отвечаю я, вплетая в низкие обертоны голоса доверительные интонации. — Хочу получить от вас благодарность за

то, что выполнил вашу работу по защите Натальи Романовой от внешних угроз, а также извинения за удар по голове и эту приятную во всех отношениях беседу!

Бестужев окончательно теряет самообладание, его лицо наливается кровью, он стремительно вскакивает на ноги и склоняется над столом. В паре сантиметров от лица застывает направленный на меня указательный палец, а в зеленых глазах князя полыхает бешенство.

— Пропуск в общество высших аристо ты выиграл! Билет в компанию наследников Великих Родов — тоже! Следующая цель — ближний императорский круг?! — правая бровь Бестужева взлетает вверх, и лицо перекашивает кривая усмешка. — Ты под колпаком, бастард! Один неверный ход — и я поймаю тебя, даже не сомневайся! Кем бы ты ни был, и что бы ты ни задумал, тебя ждет лишь одно — смерть!

В этот момент двери ресторана распахиваются, и на пороге появляется Великий Князь Игорь Всеволодович Шувалов. Лучистой улыбкой, растекшейся на его лице, можно растопить океанский айсберг.

— Добрый день, Иван Константинович, я не опоздал?! — спрашивает он, направляясь к наше-

му столику.

— И вам доброго дня! — отвечает ему Бестужев, натягивая на лицо ответную дежурную улыбку, и крепко пожимает руку старику. — Мы не стали вас дожидаться и довольно продуктивно побеседовали. Александр Игоревич предоставил всю интересующую меня информацию! Засим позвольте откланяться, меня ждет множество неотложных дел!

— Не смеем вас задерживать! — подчеркнуто любезно отвечает Шувалов и переводит на меня вопросительный взгляд.

Бестужев прячет в папку мое дело, кладет ее в черный кожаный портфель и выходит из ресторана.

— Что все это значит? — спрашивает старик, разглядывая мой изорванный окровавленный костюм. — Снова в дерьме?!

— Меня макнули в него рожей! По самые яйца!

— Почему лицо Князя Бестужева похоже на выблеванную пиццу, и он вылетел отсюда, как пробка из бутылки?! — вкрадчиво произносит Шувалов и склоняется надо мной.

— Даже в душе не чаю! — отвечаю я, криво улыбаясь.

— Ты всего неделю как фиолетовый, а я уже

устал вытаскивать твою задницу из неприятностей!

Великий Князь хмурится, выражение его лица не предвещает ничего хорошего.

— Ладно, герой, поехали домой, поговорим в машине!

Шестое правило «Кодекса Агента», о котором я вспоминаю все реже и реже, гласит: «Всегда побеждай!».

Глава 8
Пятая жертва

Сигнал сообщения с незнакомого номера будит меня в десять утра. «В 10:30 в холле гостиницы в Фаберже» и вместо подписи — изображение чашечки кофе. Закрываю глаза и кляну Тьму за то, что не отключил смартфон перед сном. Я снова спал не больше трех часов, мне нужно отоспаться…

Стоп! Хватаю смарт и просматриваю сообщение еще раз. Кофе вместо подписи: значит, автор — Шеф! Меня захлестывает неконтролируемая ненависть, но я беру себя в руки: месть — блюдо, которое нужно подавать холодным. Шеф обязательно умрет, но не сегодня!

Высвобождаюсь из сонных объятий Трубецкой и несусь в ванную комнату. Стараясь не смотреть в зеркало на свою осунувшуюся физиономию, чищу зубы и захожу в душевую кабину. Контрастный душ творит чудеса: уже через пару минут я скорее жив, чем мертв. Вынимаю из тайника Осколок и надеваю на шею, я уже привык к нему и жду новых проявлений Дара.

Бужу Ольгу, обрисовываю ситуацию, и пока девушка приводит себя в порядок, облачаюсь в бронированный костюм и туфли с выкидными клинками. Из зеркала на меня смотрит широкоплечий импозантный парень в одежде стоимостью в целое состояние — типичный клиент «Фаберже».

— Я согласна составить тебе компанию и провести через охрану, но не безвозмездно! — в отражении появляется полуодетая Трубецкая.

Эффектное красное платье в обтяжку с глубоким декольте и ярко-красная же помада на губах распаляют воображение и вызывают неконтролируемое возбуждение несмотря на то, что минувшей ночью мы занимались сексом до изнеможения.

— Сегодня вечером расплачусь с тобой сполна! — обещаю я и целую ее в губы.

— Слишком мелко! — Ольга морщит точеный носик и подмигивает, входя в образ. — С тебя сережки, дорогой!

— Договорились! — я киваю, беру девушку под руку, и мы покидаем мои апартаменты.

По коридору идем молча, я старательно отвожу взгляд от портретов знаменитых предков: они вызывают отторжение, граничащее с отвраще-

нием. После вчерашнего покушения я чувствую себя марионеткой, которой пытаются управлять сразу несколько могущественных кукловодов.

— Мы спустимся на первый этаж и выпьем по чашечке кофе, — уведомляет Трубецкая охранников.

После небольшой паузы, в течение которой старший группы ожидал одобрение начальства, нас пропускают в лифт. Охранники смешно косят глазами и раздевают Трубецкую похотливыми взглядами. Наблюдая за их маслянистыми остекленевшими глазами, я с трудом сдерживаю усмешку.

Когда двери лифта закрываются, прижимаю девчонку к зеркальной стене и целую взасос. Она вяло протестует, показывая на щедро нанесенную губную помаду, но понимает, что спектакль разыгрывается для наблюдателей, которые следят за нами с помощью камер.

Парни должны думать, что молодые любовники вышли развеяться, но мечтают лишь о скором возвращении в постель. Представление необходимо: меньше всего я хочу увидеть в «Фаберже» отряд безопасников Рода и бойню, которую они развяжут с Шефом.

В отделанном мрамором, золотом и хруста-

лем холле гостиницы мы прогуливаемся вдоль анфилады дорогих бутиков, с интересом разглядывая витрины. Магазинчики похожи на ряд стеклянных аквариумов, установленных один в притирку к другому, и не скрывают происходящего внутри.

На тот случай, если мы захотим сбежать в Москву, путь нам преграждает пара вооруженных охранников Рода в гражданской одежде. Они старательно делают вид, что следят не за нашими перемещениями, а любуются мозаичными панно у выхода из отеля.

В элитный ювелирный бутик мы забредаем как будто случайно. Праздно шатающаяся парочка молодых богатых оболтусов польстилась на блеск золота и сияние драгоценных камней.

На часах 10:27, но «Фаберже» пуст, если не считать молоденькую продавщицу, скучающую за кассовым аппаратом. Трубецкая берет меня под локоть и тащит к витрине с серьгами. Я смотрю на ценники и на мгновение забываю о цели визита. Самые дешевые стоят целое состояние, но Ольга вряд ли выберет что-то недорогое…

— Будьте добры, покажите вот эти пусеты с сапфирами?! — обращается она к продавщице воркующим голоском, не отрывая вожделенного

взгляда от витрины.

Девушка с высокой прической недовольно закатывает серые глаза, нехотя поднимается с крутящегося кресла и медленно идет к нам. Сердце пропускает удар — шестым или девятым чувством я понимаю, что это Мина. Ее грим безупречен, Мария Пантелеевна выполнила свою работу великолепно, как и всегда.

Интуиция воет сиреной и требует немедленно покинуть магазин, но это не самое умное решение — проще всего атаковать в спину. Вопрос лишь в том, кто является целью — юная княгиня Трубецкая, новоиспеченный князь Шувалов или сразу оба.

— Дорогая, мне кажется, что я опасно переоценил собственные финансовые возможности! — шепчу я Ольге на ушко, предупреждая об опасности. — Идея зайти в «Фаберже» — это ошибка!

— Ты ценишь мою любовь столь низко?! — кошачье воркование уступает место змеиному шипению.

Трубецкая резко поворачивается ко мне и буквально пронзает острым, как пара клинков, взглядом. Я повторяю ее маневр — теперь мы стоим к Мине боком, в гораздо более выгодной и безопасной позиции.

Мина останавливается с противоположной стороны витрины и молча наблюдает за нашим эмоциональным диалогом. Во взгляде моей бывшей столько равнодушия, что в какой-то момент я начинаю сомневаться, что вижу перед собой именно ее.

Стеклянная дверь магазина открывается, и в помещении появляется еще один персонаж. Чтобы понять, что это Шеф, мне даже смотреть на него не нужно: аромат арабики выдает с головой.

— Козел! — бросает мне в лицо Трубецкая, резко разворачивается и покидает бутик, громко цокая высоченными каблуками.

— Действительно, козел! — с ненавистью в голосе подтверждает Мина, когда дверь за Ольгой закрывается.

— Здравствуй, Симпа! — мягко произносит Шеф.

Я слышу в его голосе фальшивые радость и теплоту, но играю достоверно, на максимуме, так как он меня учил.

— И вам не хворать! — искренне, но в то же время с привычной иронией отвечаю я, все также стоя к нему боком. — Чем обязан столь неожиданному визиту?

— Соскучился по твоему юношескому цинизму!

— Шеф подходит к витрине, поворачивается ко мне и лучезарно улыбается. — На сыновние объятия не претендую, ибо кризис доверия между нами налицо!

Я смотрю в такие знакомые, можно сказать, родные глаза, оглядываю старика и отмечаю, что за прошедшие дни он очень сдал. Меня коробит от его дешевого позерства, и я с трудом удерживаю на лице дежурную улыбку. Внутренне Шеф не изменился, впрочем, как и я сам. И наше общение — сплошная актерская игра. За каждым словом стоит тонкий расчет, полное отсутствие эмпатии и искреннее желание уязвить друг друга.

— Зачем вы явились в Родовую Высотку? — я больше не желаю поддерживать словоблудие и перехожу к сути дела. — Убить меня можно с гораздо меньшим риском и бОльшим резонансом!

— Мы пытаемся, но ты почему-то сопротивляешься и цепляешься за собственную никчемную жизнь! — все с той же улыбкой произносит Шеф. — И по поводу работы на Приют молчишь — не говоришь ни «да», ни «нет»!

— А вы что, поверите любому моему слову? — с усмешкой спрашиваю я. — Поверите после ваших же уроков актерского мастерства и моих многочисленных пятерок?

— Почему бы и нет? — вопрошает Шеф с наигранным удивлением.

Я могу пообещать ему все что угодно. А он — сделать вид, что верит. Шувалов такой договор даже одобрит, потому что в моих руках окажется ниточка, ведущая к реальным хозяевам Приюта.

Я стану слугой двух господ, хотя не хочу служить ни одному из них. Приют остановит конвейер покушений, это, конечно, плюс. Небольшая пауза, возможность передохнуть и на короткое время не ощущать себя узником Родовой Башни.

— Зачем вы взорвали Приют? — я сознательно тяну время, уводя разговор от главной темы.

— Ответ очевиден: мы заметали следы…

— Сформулирую иначе: что заставило вас его взорвать?

— Чувство надвигающейся опасности, — отвечает Шеф с саркастической ухмылкой.

— Помимо взрыва и поспешного бегства произошло что-то еще?! — продолжаю допытываться я, несмотря на очевидную бесполезность этого занятия. — Почему вы здесь?!

С лица Шефа исчезает фальшивая улыбка, он отводит ставший ледяным взгляд и становится самим собой — усталым, седеющим человеком преклонных лет.

— Ситуация развивается слишком быстро, — сообщает он, глядя куда-то поверх моей головы. — В игру вступают могущественные силы, она грозит закончиться чудовищной катастрофой!

— Вы говорите о Темных и Светлых?

— И о них — тоже, — Шеф кивает. — Иногда чтобы вызвать разрушительную лавину, достаточно запустить снежком в крутой горный склон…

— А я, по-вашему — тот самый снежок?!

— Именно, Симпа, именно! — подтверждает Шеф с горечью в голосе. — Предотвратить сход лавины можно двумя способами: либо уничтожив того, в чьих руках снежок, либо сам снаряд…

— Еще можно попытаться изменить траекторию его полета! — подсказываю я.

— Можно, но ты сводишь на нет все мои попытки! — Шеф снова улыбается, на этот раз грустно. — Ты должен сотрудничать с нами, чтобы выжить и предотвратить катастрофу!

— Я никому ничего не должен! Если хотите сотрудничать, откройте все карты!

— Я открою их тебе, если мы договоримся! — заверяет меня Шеф. — Постепенно! В данный момент у тебя отсутствуют знания, позволяющие осознать и правильно интерпретировать информацию! Ты не сможешь нарисовать целостную

картину!

— Тогда зачем все эти пафосные рассуждения про снежок и лавину?

— Чтобы ты осознал серьезность ситуации!

— Бред какой-то! — восклицаю я. — Вы пытаетесь склонить меня к сотрудничеству после нескольких покушений, пичкая древними притчами?! В чем оно должно состоять?

— На первом этапе ты будешь информировать меня обо всем, происходящем в твоей жизни…

— А на последующих этапах?

— Воздействовать на нее! Ты обладаешь всеми качествами, необходимыми…

Шеф сыплет похвальбами и посулами, это у него всегда получалось хорошо, а я судорожно размышляю. Теоретически, приняв его туманное приложение, можно хотя бы в какой-то степени контролировать планы Приюта, но я не верю старику. Он снова хочет использовать меня вслепую, как привык поступать со всеми приютскими. Воображение живо рисует собственное лицо, изуродованное встроенной в зубы взрывчаткой.

— Нет! — громко заявляю я, прерывая поток его пустого красноречия.

Шеф замолкает на полуслове и вздыхает. Густые брови сходятся к переносице, уголки губ

опускаются, и лицо приобретает рассерженное выражение.

— Что ж, я ожидал этого, Саша! — он щурит глаза, а его губы сжимаются в тонкую линию. — Прощай!

Шеф идет к выходу, а я словно загипнотизированный смотрю ему вслед. Желание убить старика становится нестерпимым и вытесняет доводы рассудка. Неожиданно он останавливается перед стеклянными дверьми и оборачивается. Я ожидаю увидеть на лице Шефа хотя бы тень сожаления, но он лишь кивает. Кивает Мине, которая стоит у меня за спиной. Я понимаю, что агента Симпу окончательно списали и убирают отыгранную фигуру в ящик, который очень похож на гроб.

Шеф выходит наружу, и стеклянные стены магазина вспыхивают неоном: нам отрезают путь наружу, заперев в магической клетке.

В руках Мины появляется пистолет, золотой, как и все в этом сверкающем роскошью бутике. Я не падаю плашмя на пол, как много раз отрабатывал на совместных тренировках, а ныряю в сторону, оттолкнувшись от ярко освещенной витрины.

Две пули пролетают за моей спиной и вре-

заются в стекло, которое разбивается на сотни осколков. Подскакиваю словно мячик, запрыгиваю на диван для посетителей, а с него — на заполненный золотыми побрякушками шкаф. Толкаю его ногами и перескакиваю на следующий.

Стекло бьется с оглушительным звоном и орошает мраморный пол хрустальными и золотыми брызгами. Летящие мне вслед пули продолжают сверкающую жатву, а я ухожу от них, прыгая в тесном пространстве магазина словно безумный заяц.

Когда девятый по счету выстрел разносит в дребезги очередное стекло, я останавливаюсь и оборачиваюсь. Криво улыбаясь, Мина стоит посередине магазина и держит в руках пистолет Геруа, такой же, как у меня. Десятизарядный пистолет.

— Стой! — кричу я и выставляю перед собой ладони. — Я тебе не враг!

— Я знаю! — спокойно отвечает девушка и жмет на курок. — Ты не враг, ты предатель, Симпа!

Пуля бьет точно в сердце, но меня спасает кевларовая вставка. Удар вышибает воздух из груди, и я отлетаю назад, охнув от боли. Врезаюсь спиной в очередную витрину, она складывается

будто карточный домик, и я молю Разделенного, чтобы острые стекла не разрезали меня надвое. Наверное, бог слышит молитву, потому что стекла складываются горизонтально. Они идут трещинами и ломаются на куски, но меня снова спасает броня костюма.

Мина взвивается в воздух, летит по дуге и падает на меня сверху, целясь ступней в голову. Делаю кувырок и чувствую, как осколки стекла и золотые украшения жалят незащищенные руки.

Из носков моих туфель выныривают острые лезвия, и я бью Мину по ногам из положения лежа. Слегка задеваю ее правую щиколотку, девушка кричит на выдохе, теряет равновесие и падает на усеянный осколками пол.

Стеклянные стены все так же светятся неоном и скрывают от меня происходящее снаружи. Я не желаю убивать девчонку и очень надеюсь, что Трубецкая уже позвала на помощь Великого Князя. Хочу, чтобы он явился сквозь магическую броню, как бог из машины, обездвижил Мину и положил конец нашему бою.

Лицо Мины перекошено от злости, глаза мечут молнии, а в руках появляется короткий кинжал. Хромая и морщась от боли, девушка делает шаг назад и выставляет позолоченный клинок перед

собой.

— Ты можешь меня выслушать? — обращаюсь я к ней, поднимая руки. — Я не предатель! Приют нас обманывал, обманывал все эти годы! Нас растили, чтобы мы стали живыми клинками и сдохли, выполняя чей-то приказ! Мы не герои, Мина, мы террористы! И боремся не за светлое будущее Империи, а убиваем по приказам неведомых нам Цветных или Темных! Убьешь ты меня или нет — не важно, рано или поздно Приют уничтожит тебя! Просто взорвет бомбу в твоей башке!

Я замолкаю, осознав, что перешел на крик. Мина тоже молчит. Ненависть в ее взгляде не гаснет, а разгорается все ярче и ярче. Некстати вспоминается старая поговорка про один шаг, который отделяет ее от любви. Правда, я уже не уверен, что любовь была.

— Ты покойник, Симпа! — холодно сообщает мне Мина и бросается в атаку.

Я отрешенно смотрю на приближающуюся фурию в облике человека и отклоняюсь назад. Ее клинок проносится в сантиметре от моего горла, и она атакует левой. Я получаю прямой в челюсть, выбиваю из рук девчонки короткий меч, бью кулаком в живот и отскакиваю назад.

На мгновение мы останавливаемся. Слишком много было тренировок, слишком хорошо знакомы все наши уловки и приемы. И ей, и мне. Я сильнее и быстрее ее, но убить все еще не готов. Не могу после всего, что между нами было.

Схватка переходит врукопашную, мы атакуем друг друга, танцуем на битом стекле, выставляем блоки, пропускаем удары и кривимся от боли. Я сражаюсь как автомат, заранее просчитываю направления и углы атак Мины, маневрирую, уклоняюсь и контратакую.

Этот смертоносный танец не может продолжаться бесконечно. Мина не остановится до тех пор, пока меня не убьет, а я… Я не могу нанести смертельный удар! И умирать не хочу!

Выход только один — отправить ее в нокаут.

Улучив момент, когда девчонка открывается, я пробиваю ей в голову, она теряет ориентацию, отступает и получает добавочный удар ногой в грудь. Взмахнув руками, Мина отлетает назад и врезается спиной в полуразбитую витрину.

Из ее глотки вырывается надрывный крик, она наклоняет голову вперед и удивленно смотрит на собственную грудь. Меня бросает в холодный пот — из груди девчонки торчит узкий окровавленный осколок стекла.

Я кидаюсь к Мине, беру ее лицо в ладони и целую сочащиеся кровью губы. Она пытается что-то сказать, но умирает через пару ударов сердца. Ее зеленые глаза стекленеют, тело обмякает, а голова падает на грудь.

Я запрокидываю голову, расставляю руки в стороны и кричу, разрывая голосовые связки. Мир теряет цвета и с моих пальцев срывается полупрозрачная серая волна. Она врезается в неоновый барьер, и я сгораю в ослепительной вспышке света.

Глава 9
Прощание с прошлым

Я стою у парапета и, вцепившись руками в гранитные плиты, смотрю в мутные воды Москвы-реки. Ветер немилосердно треплет волосы и мгновенно осушает дорожки из слез на моем лице. Так плохо, как сейчас, мне не было еще никогда. Агент Симпа не достоин быть агентом. Даже в комиксе для детей.

Настоящий профессионал должен был хладнокровно убить бывшую девушку, выпить в память о ней сто грамм коньяка в кабинете Шувалова, смахнуть скупую мужскую слезу и немедленно отправиться в ближайший бордель или ночной клуб.

За спиной раздаются крики разбегающихся постояльцев отеля, а где-то вдалеке — вой сигналов полицейских машин. В холле гостиницы Сармат не осталось ни одного целого стекла: чудовищная сила, которую пробудило мое отчаяние, снесла защиту, установленную Шефом Приюта, и превратила все стекла в сверкающие груды мелких осколков.

Подбегают первые фотографы и снимают меня со всех сторон, но я не закрываю лицо — мне все равно. Вспышки фотоаппаратов слепят глаза, а я все так же смотрю вдаль и вижу перед собой лишь улыбающуюся Мину. Мину из прошлого, Мину без дурацкого грима и контактных линз.

Я стою у реки, потеряв счет времени, и постепенно к чувству вины и невосполнимой утраты примешивается еще одно. Ощущение свободы. Точнее, ее иллюзия. Странное сочетание, если подумать, но больше всего мне хочется расправить крылья, подняться в воздух и лететь над спокойными водами реки до тех пор, пока все аристо с их интригами, разборками и смертельной враждой с Темными не останутся далеко позади.

Появление Шувалова я не слышу, а чувствую. За спиной возникает исполинская сила, не угрожающая или давящая, а скорее обволакивающая и успокаивающая. Я оборачиваюсь.

Великий Князь стоит в нескольких шагах от меня. Нас окружают вставшие полукругом безопасники и толпы любопытных зевак за их спинами с телефонами и фотоаппаратами в руках.

Игорь Всеволодович медленно подходит и останавливается в метре от меня. Взгляд фио-

летовых глаз полон сочувствия и молчаливого участия. После встречи с Шефом я тщетно пытаюсь обнаружить признаки актерской игры, но не нахожу их.

Великий Князь расставляет руки в стороны, я делаю шаг ему навстречу, обнимаю и прижимаюсь щекой к фиолетовому шелку костюма. Из груди рвутся беззвучные рыдания, и Шувалов мягко похлопывает меня по спине. Я чувствую себя маленьким мальчиком, который пришел за утешением к многоопытному отцу.

— Агент Симпа, глубоко внедрившийся в Род Шуваловых, провалил первый серьезный экзамен, — говорю я с горькой иронией, отстраняясь от Великого Князя и растерянно глядя ему в глаза.

В Кодекс Агентов забыли вписать восьмое правило: «Никогда не плачь!».

— Пойдем домой, — говорит мне старик и кладет тяжелую ладонь на плечо.

Безопасники перестраиваются и образуют коридор, ведущий к высотке. Мы шагаем по нему, сопровождаемые многочисленными вспышками фотоаппаратов и смартфонов. Наверняка телеграф уже кипит от фотографий с моим заплаканным лицом, но мне наплевать.

Заходим в полуразрушенный холл и направляемся к лифтам. Под ногами хрустит стекло и обломки мебели. Я останавливаюсь и осматриваю помещение в поиске жертв. Зал выглядит так, словно недавно произошло землетрясение: вся мебель перевернута, стеклянные коробки бутиков частично разрушены, а на полу лежат рухнувшие с потолка хрустальные люстры.

— Больше никто не пострадал, — тихо сообщает Шувалов, будто прочитав мои мысли. — Если не считать легких ранений. Почти вся энергия твоего выплеска ушла на уничтожение магического щита.

Успокоившись, я киваю и иду дальше. На место, где находился магазин Фаберже, я стараюсь не смотреть. Образ Мины, насаженной на окровавленное стекло, и без того не выходит из головы.

Наверх мы поднимаемся в молчании. Лифт бесшумно несется в небеса, и я хочу, чтобы он пробил верхние уровни небоскреба, вынырнув на крышу, будто поплавок на поверхность воды.

Гипнотизирую мраморный наборный пол, пряча взгляд от Шувалова. Старик должен топать ногами с горящими от гнева глазами, перечислять все совершенные сегодня ошибки, кричать и брызгать слюной, отчитывая как мальчишку…

Но он не произносит ни слова. Входим в кабинет, и Шувалов сразу направляется к бару. В его руках появляется уже привычный мне коньяк и пара хрустальных бокалов. Старик садится не в свое похожее на трон кресло, а напротив меня — за приставной стол для совещаний.

В бокалы льется тягучий янтарь, и я с удовольствием вдыхаю пьянящие ароматы коньячных спиртов. Впервые за много лет мне хочется напиться до беспамятства и выпилиться из окружающей реальности хотя бы на время.

— За нее! — коротко говорит Шувалов и, запрокинув голову, опрокидывает бокал в рот.

— За Мину! — я благодарно киваю и выпиваю свою порцию, не ощущая вкуса.

Игорь Всеволодович встает с кресла и подходит к окну. Некоторое время он смотрит на город с высоты птичьего полета, а затем прерывает молчание.

— Девятнадцать лет назад я потерял сына, — медленно произносит старик. — Ему было столько же лет, сколько тебе сейчас. Вы даже похожи как две капли воды. Все случилось во время инициации в Храме Разделенного. Мальчик оказался Светлым, и мы уничтожили его прямо перед алтарем…

Последние слова Шувалов произносит сдавленно, к его горлу подступает комок.

— Портрета Игоря нет на стене в коридоре…

— Почему? — спрашиваю я, прерывая затянувшуюся паузу.

— Потому что он посмел сопротивляться и чуть не убил Императора! — Великий Князь поворачивается ко мне, в его глазах стоят слезы. — Последний и решающий удар нанес я…

Сгорбившись, старик медленно направляется к столу, вытаскивает из верхнего ящика тумбочки фотографию и кладет ее на лакированную поверхность. Я беру в руки цветной прямоугольник и теряю дар речи: с цветного прямоугольника на меня смотрит мое отражение.

— Ты хочешь спросить, не твой ли это отец? — спрашивает Шувалов и тут же отвечает. — Я не знаю…

— Почему я никогда не слышал об Игоре?

— Упоминания о нем стерты из всех источников, — с горечью продолжает Князь, — но речь не об этом. Я собственноручно убил сына, но после этого не запил, не бросил службу и не сбежал в удаленное имение зализывать раны! Не думай, что это далось мне легко, я не сделан из стали, я такой же человек из плоти и крови, как ты!

— Вы хотите меня утешить? — тихо спрашиваю я.

— Нет, я пытаюсь объяснить, что ты поступил так, как того требовали обстоятельства! — восклицает старик. — А твои переживания и всепоглощающее чувство вины — совершенно нормальная реакция! Ты — не хладнокровный убийца, а если бы оказался таким, я убил бы тебя, не раздумывая, еще во время нашей первой встречи!

Шувалов забирает фото сына из моих рук и, мельком взглянув на него, прячет в ящик.

— Я должен был сообщить вам или Берестову о встрече, — каюсь я.

— Все мы совершаем ошибки, и важно не только иметь мужество их признать, но и сделать правильные выводы! — прерывает меня Шувалов. — Уж извини за банальность!

— Что произошло в салоне Фаберже? — спрашиваю я и прикрываю ладонью Осколок, спрятанный под окровавленным пиджаком.

— Ты о выплеске Силы?

— О нем, со мной такого еще не случалось…

— В тебе просыпается одаренный, — буднично сообщает Шувалов, пожимая плечами, — обычная история.

— Но это была чудовищная мощь, а я даже не инициирован?!

— Очень сильный одаренный! — добавляет Князь, делая ударение на слове «сильный». — Ты должен контролировать свои эмоции, если не хочешь разнести полквартала в Москве!

Разговор незаметно переходит в деловое русло, но я к этому еще не готов.

— Шеф Приюта ушел?

— Понимаю, что тебе тяжело это слышать, но мы не планировали его задерживать…

— А как Шеф установил магическую защиту — он же не одаренный?!

— Мощный амулет, созданный Зелеными — слишком явное доказательство связи с Императорским Родом…

— С Миной попрощаться можно? — спрашиваю я без особой надежды.

— Нет, тело уже забрали, инцидент квалифицирован как теракт, а ты даже в качестве свидетеля не проходишь…

Даже не спрашиваю взорвались ее зубы или нет — какое это имеет значение.

— Чего хотел от тебя Шеф? — спрашивает Князь.

— Чтобы я на него работал…

— И ты, конечно же, не согласился?!

— Нет, и он приказал Мине меня убить, — отвечаю я и сглатываю подступивший к горлу комок. — Зачем одной рукой предлагать сотрудничество, а другой — пытаться убить?

— Я не могу влезть ему в голову, но очевидно, что покушения — элемент давления на тебя, и он уверен, что ты уничтожишь убийц! — веско заявляет Шувалов.

— То есть, он посылает приютских на верную смерть?!

— Именно!

— А они покорно подчиняются…

— Ты тоже пытался меня убить!

— Быть может, мне стоит дать согласие на работу с ним? — обреченно спрашиваю я.

— Это ничего не изменит…

— Он хотя бы перестанет посылать приютских на убой…

— Возможно, он убирает ненужных парней и девчонок твоими руками, а если ты согласишься — уберет своими!

— Я не соглашусь!

— Твой бывший Шеф уверен в обратном, — говорит Шувалов.

— Разорви меня Разделенный!

— Давай отставим предположения и вернемся на грешную землю! — произносит Князь деловым тоном. — Целью очередного покушения был я, и ответный удар Силой тоже нанес я! Ты в это время был в холле гостиницы и пил кофе с Княжной Трубецкой! Телеграф уже зачищают и редактируют, в завтрашних газетах выйдет нужная нам версия событий!

— Я не понимаю…

— Саша, просто доверься мне! — произносит старик вкрадчивым голосом. — Я не хочу потерять еще и тебя! Если выплывет информация, что Силой ударил ты, тебя уничтожат, даже не дожидаясь Инициации!

— Вы думаете, что я — Светлый или Темный, как и ваши сыновья?

— Не знаю, — честно отвечает старик. — Очень надеюсь, что сия участь тебя миновала…

— А если Инициация покажет, что я не цветной, вы меня…

— Убью! — подтверждает Шувалов. — Даже не сомневайся!

— Звучит обнадеживающе! — я не могу удержаться от злого сарказма. — Позвольте откланяться на этой оптимистичной ноте!

— Я не буду приставлять к тебе людей, чтобы

ты не наделал глупостей?! — спрашивает напоследок Великий Князь, внимательно глядя мне в глаза.

— Это лишнее! — уверенно отвечаю я.

— Заберешь с собой? — Шувалов кивает на початую бутылку коньяка.

— Обойдусь, — отмахиваюсь я, встаю из неудобного кресла и направляюсь к двери.

Затем возвращаюсь, беру со стола бутылку «Шуваловского» и, козырнув, ухожу. На этот раз окончательно.

Плетусь привычным маршрутом по коридору и останавливаюсь перед входом в свои апартаменты. Даже не знаю, чего хочу больше: остаться в одиночестве или провести остаток дня с Ольгой. Открываю бутылку и отпиваю коньяк из горлышка.

Дверь открывается, и на пороге появляется Трубецкая. Внимательно смотрит на меня, затем переводит взгляд на бутылку. Недовольно хмурится, берет меня за руку и затаскивает внутрь. Я не сопротивляюсь и покорно плыву по течению. Наверное, сейчас мне нужно именно это.

— Еще недавно я говорила тебе, что напилась бы с кем угодно, только не с тобой, помнишь? — спрашивает Ольга, забирает у меня бутылку и

делает большой глоток. — Я передумала!

Она протягивает мне коньяк и ждет ответа. Несколько мгновений я размышляю, а затем отрицательно качаю головой.

— Напиваться не буду!

— Мне уйти?

Я снова качаю головой.

— Останься, в одиночестве мне будет совсем тоскливо…

Ольга подходит ближе, обнимает и прижимается своей щекой к моей. Через ее плечо я смотрю в панорамное окно. Внизу расстилается огромный город, в котором я прожил десять лет, и которого практически не знаю.

Еще недавно я мечтал, что наступит время, когда я смогу гулять по тихим улочкам Московского центра, посещать театры, картинные галереи и музеи, ужинать в многочисленных ресторанах и кафе — жить свободно, а не прятаться как крыса в глубоком подземелье.

Я оказался на вершине мира, но ничего не изменилось за исключением места обитания и кукловода, в руках которого нити, тянущиеся к моим конечностям. Все, что я могу — любоваться Москвой с высоты птичьего полета, а не только изучать ее карты при планировании операций. Я

такой же узник, как и прежде.

Обнимаю Ольгу за талию и веду ее к панорамному окну. Мы садимся в широком проеме друг напротив друга, Трубецкая делает несколько глотков и отдает бутылку мне. В синих глазах отражается небо, и оттого они кажутся бездонными.

— Год назад я потеряла все, — задумчиво говорит она, глядя на расстилающийся внизу город. — Все, что наполняло мою жизнь радостью. Любимого парня убили, а меня обвинили в предательстве и изгнали из Рода…

Предательство — то же клеймо, что ставят на мое чело. И также несправедливо. Мозг пронзает страшная догадка, но я даже заикнуться о ней боюсь и жду, когда Ольга все расскажет сама.

— Его звали Саша, как и тебя, — Трубецкая вздыхает, и ее глаза увлажняются. — Он был полной противоположностью своей сестры.

— Александр Воронцов? — тихо спрашиваю я, вспоминая фотографию симпатичного парня с огромными голубыми глазами.

— Да! — Ольга кивает и утирает слезы.

Я вздыхаю с облегчением: этого аристо убили не приютские.

— У нас была красивая любовь, сумасшедшая

и неправдоподобная, как в дамских романах. Мы строили планы на будущее, бродили по Москве и даже дом на Большой Никитской присмотрели. Мой брат по уши влюбился в Воронцову, она ответила ему взаимностью, и мы проводили все свободное время вчетвером. Наша жизнь была похожа на романтический сериал Мосфильма…

Ольга замолкает — к ее горлу подступает комок. Делаю пару глотков и протягиваю бутылку. Княжна принимает ее из моих рук, все так же глядя в окно.

— Все изменила Инициация, — продолжает рассказ она. — Мы проходили ее вдвоем с Сашей, и были на седьмом небе от счастья. В Храме Разделенного собрались все Главы Родов, включая Императора. Я отлично помню торжественную и даже помпезную атмосферу, разлитую под цветными куполами. Мы не волновались и не переживали, все поздравляли нас с магическим совершеннолетием — неожиданностей не ждал никто.

Ольга делает несколько глотков коньяка, морщится и отставляет бутылку в сторону.

— Первой в алтарь вошла я, и Синий Кристалл принял меня. Ты еще испытаешь это пьянящее чувство владения Силой, которая переполняет

каждую клеточку твоего тела и на миг дарит ощущение всемогущества. Я предстала перед Главами Великих Родов с восторженной улыбкой на лице и предвкушением счастливого будущего. До сих пор помню отца, сияющего от гордости за любимую дочь. Тогда я видела его таким в последний раз.

Ольга вздыхает, и ее глаза вновь наполняются слезами.

— Саша вошел в алтарь вторым. Я сразу поняла: что-то пошло не так. Кристаллы в куполах потемнели, а Главы Родов, наплевав на таинство причащения к Силе, все как один вскочили со своих мест и ринулись в алтарь. Саша оказался Темным, и они убили его прямо там. Сожгли, не колеблясь ни секунды. Когда я ворвалась внутрь, от него остался лишь пепельный след.

Ольга переводит взгляд на меня, и я физически чувствую боль, которая пронизывает все ее существо. Синие глаза, словно два глубоких озера, наполнены страданием и тоской. Губы княжны дрожат, а по щекам текут слезы. Она смотрит на меня, и я понимаю, что это не просто взгляд, а крик души, которая просит о помощи.

— И тогда я ударила вновь обретенной Силой. Шарахнула Веером по Главам Великих Родов.

Они уничтожили бы меня, как и Сашу, но спас Игорь Всеволодович. Закрыв остальных фиолетовым щитом, он шел мне навстречу, принимая удары на себя и не атакуя в ответ. А потом обнял и сказал: «Плачь, девочка моя, плачь, тебе станет легче!».

Я смотрю в синие, наполненные слезами глаза, и мне тоже хочется плакать. Но я не имею права, потому что нахожусь перед женщиной и потому что мужчина. Ее боль настолько сильна, что я ощущаю ее каждой клеточкой своего тела. Она проникает в меня, словно острый нож, и заставляет сердце сжиматься от сочувствия. Я хочу помочь девчонке, но не знаю как. Хочу обнять ее и утешить, но не уверен, что мои объятия принесут ей облегчение.

— Родители и брат от меня отвернулись, — горько продолжает Ольга. — Изгнали из Рода Синих и лишили наследства. А Император не казнил лишь благодаря Князю Шувалову — старик поручился за меня и принял в свой Род…

Я беру Ольгу за руки и притягиваю ее к себе. Наши ноги переплетаются, я прижимаю к себе ее дрожащее тело и нежно целую в губы, утирая слезы. Она отвечает мне, и мы сливаемся в страстном поцелуе. Судорожно раздеваем друг

друга и сплетаемся в объятиях здесь же, на полу, у огромного во всю стену окна.

Я чувствую, как ее сердце бьется в унисон с моим, как мое дыхание сливается с ее дыханием. Мы становимся одним целым, и боль, которая пронизывает нас обоих, исчезает, растворяясь в страсти.

Наши губы сливаются в бесконечном поцелуе, а тела двигаются в унисон, словно танцуя под мелодию любви. Я чувствую, как Ольга дрожит от возбуждения, ощущаю, что ее кожа горит от желания.

Мы погружаемся в мир наслаждения, где нет места боли и страданию, создаем собственную вселенную, где существуем только мы и наши чувства.

Я смотрю в любящие глаза Ольги и впервые не думаю о Мине.

Я смотрю в любящие глаза Ольги и впервые не думаю о Мине.

Глава 10
Неожиданный визит

Августовское солнце нещадно слепит глаза, грохот вертолетных винтов бьет по барабанным перепонкам, а потоки воздуха рвут волосы, но я застыл у края вертолетной площадки словно стойкий оловянный солдатик. Наблюдаю, как темно-зеленый Сикорский с золотым Имперским Орлом на борту медленно садится на крышу Родовой Высотки Фиолетовых. Наблюдаю и готовлюсь к встрече с наследниками Короны.

— Как после вчерашних событий Императорская Гвардия одобрила неожиданный визит Романовых в нашу скромную обитель? — искренне недоумеваю я, обращаясь к стоящему рядом Игорю Всеволодовичу.

— А что произошло вчера?! — брови Шувалова взмывают вверх, а в голосе звучит деланное удивление. — Ты поперхнулся кофе от неожиданного хлопка?!

— Да, и вышел подышать на набережную!

— И это был очень глупый поступок, учитывая количество совершенных на тебя покушений!

— Всего лишь один из…

— Охрана Романовых связалась с нашими еще ночью, — сообщает Шувалов, выключая иронию. — Бабы липнут на тебя, а отдуваться — мне!

— Думаете, это инициатива Натальи?!

— Девчонка на тебя запала, это очевидно, но толкают ее в твои объятия мужчины. Брат или даже сам Император. Бестужев — тоже интересант. Прислать сюда полноценную инспекцию он не может, это будет нарушением всех неписаных законов Империи, а отправить юных Романовых к юному Шувалову с благодарностями — вполне. Наталья и Алексей убьют сразу двух зайцев: сестра будет любоваться твоими красивыми глазами, а брат — осматривать последствия вчерашнего взрыва, — громко говорит Шувалов, перекрывая шум вертолетных винтов. — Трубецкую я отослал с поручением, чтобы благовоспитанные дамы не выцарапали друг другу глаза!

Кривлю губы будто от оскомины, Шеф навсегда привил мне отвращение к шуткам, касающимся моей личной жизни. Ирония старика вызывает раздражение, и он замечает его, бросив на меня быстрый косой взгляд.

— Сотри с лица кислое выражение и снова стань жизнерадостным и энергичным! — при-

казывает Князь. — Если речь зайдет о взрыве, легенду ты помнишь?

— Вы защитили Род от нападения Темных, все происходило в зоне, блокированной Силовым Пределом, и я ничего не видел!

— И поменьше импровизируй! — Игорь Всеволодович удовлетворенно кивает, и белозубо улыбается: в открытом люке вертолета появляется Цесаревич.

Он спускается по узкому откидному трапу и подает руку сестре. Наталья Романова, как всегда, великолепна, и ее красоту не портит даже военная форма, в которую они облачены с братом.

— Каждый раз, когда вижу их, боюсь быть узнанным, — признаюсь я Князю.

— Вариантов несколько, — отвечает Шувалов. — Первый: они тебя раскусили, Бестужев раскопал всю подноготную агента Симпа, и брат с сестрой играют с тобой, получая недостающую информацию и дополняя портрет. Второй: ты симпатичен Алексею, а Наталья втрескалась в тебя по уши. Третий… Его мы обсудим позже.

Романовы приближаются с мосфильмовскими улыбками на лицах, и мне приходится так же ненатурально лыбиться в ответ.

— Доброе утро, Ваша Светлость! — Цесаревич

приветствует Великого Князя едва заметным кивком головы.

— Доброе утро, Игорь Всеволодович! — вторит ему сестра. — Приносим извинения за наши не подобающие случаю одеяния — прямо с полигона к вам прилетели!

— И вам доброе, Ваши Высочества! — Шувалов позволяет себе небольшое нарушение протокола, подчеркивая свое старшинство, искренне улыбается и целует воздух над протянутой ему девичьей ручкой. — И полно вам, Наталья Николаевна! Ваша красота не нуждается в дополнительных аксессуарах!

— Без чинов и званий! — говорит Цесаревич, обращаясь ко мне. — Привет, будущий сокурсник!

— Привет! — отвечаю я, пребывая в некотором замешательстве — начало диалога живо напоминает о нашей второй встрече.

— Приветствую вас, Александр, и от всего сердца благодарю за чудесное спасение! — произносит Наталья, делает шаг вперед и обнимает меня, прижимаясь всем телом. — Уже второе!

Великий Князь и Цесаревич наблюдают за нашими тесными объятиями с многозначительными улыбками. Вместо того чтобы спешно отстраниться от девушки, прижимаю ее к себе

еще сильнее. Им назло.

— Как радушный хозяин, я просто обязан пригласить вас в ресторацию Сармата, но после вчерашнего инцидента там сплошная разруха, — говорит Великий Князь и виновато разводит руками. — Сейчас внизу работают дизайнеры, строители и наши безопасники. Обещаю, что к следующему вашему визиту…

— Покорнейше благодарю, не стоит беспокоиться! — Цесаревич прерывает разглагольствования Шувалова, впрочем, делая это весьма изящно. — Мы заглянули в гости к Александру, и будем рады выпить по чашечке кофе в его апартаментах! Мы с сестрой будем очень благодарны, если избежим торжественного приема с переменой напитков и блюд, и обычной суеты слуг!

Со стороны я наверняка похож на вытащенную из воды рыбу, которая, выкатив глаза от ужаса, беззвучно открывает и закрывает рот. Мои комнаты выглядят так, будто в них только что закончилась безумная оргия длиной в ночь, что весьма недалеко от истины, ибо уснули мы с Трубецкой только к утру.

— Конечно, о чем речь — дело молодое! — на помощь приходит Игорь Всеволодович. — Не буду вам мешать, мне в любом случае пора на

службу!

Мы спускаемся в темное нутро высотки, и после череды взаимных прощаний и пожеланий хорошего дня Великий Князь оставляет нас одних. Романовы отказываются от краткой экскурсии: по их словам, все семь Родовых Высоток практически одинаковы, как и было задумано в свое время.

Я тащусь в свои апартаменты, будто приговоренный к смерти — на эшафот. За мной идут наследники Престола. Они с интересом рассматривают череду фамильных портретов на стене, отмечая их сходство с моей физиономией.

Наверняка Романовых занимает тот же вопрос, что и меня: кто из Великих Князей является моим отцом, но аристократический этикет не позволяет этот вопрос задать. До тех пор, пока мы не окажемся на короткой дружеской ноге.

Я пытаюсь придумать отговорки, объясняющие вселенский бардак, разбросанную по полу одежду и недопитый коньяк в бокалах, но не особо в этом преуспеваю. Цесаревич меня поймет и даже поддержит, а вот его сестра… Не хочу, чтобы она видела откровенные свидетельства моих встреч с другой девушкой.

Я распахиваю дверь и пропускаю гостей впе-

ред. Следую за ними, и из моей груди вырывается вздох облегчения: в апартаментах царит идеальный порядок — даже древние манускрипты аккуратно расставлены на полках в книжном шкафу. То ли Трубецкая позаботилась, то ли лично Шувалов.

Я оглядываю свое нескромное убежище и впервые осознаю, что оно совершенно безлико, как пятизвездочный гостиничный номер в дорогой гостинице. Единственное проявление индивидуальности — книги с разноцветными, потрепанными переплетами, которые я позаимствовал в библиотеке.

— Присаживайтесь, гости дорогие! — я указываю рукой на мягкую мебель.

Алексей с удовольствием плюхается в кресло и запускает пальцы в вазочку с восточными сладостями, а Наталья неспешно обходит гостиную. Девушка задерживается у книжного шкафа, задумчиво проводит ладонью по кожаным переплетам и оборачивается.

— Я разочарована, князь! — заявляет она, окидывая гостиную широким жестом. — В этом стерильном помещении нет тебя!

— Возможно, чтобы убедиться в обратном, тебе стоит посетить опочивальню Александра? — иг-

риво произносит Цесаревич, вскинув брови.

Он вскакивает с кресла, бросается к двери в спальню и бесцеремонно ее распахивает. Заглядывает внутрь и оборачивается, озорно улыбаясь.

— Шувалов, да ты тот еще затейник! Я был уверен, что изюминку мы узрим именно здесь! Сестрица, тебе определенно стоит это увидеть!

— Александр, ты не против? — спрашивает моего позволения Наталья, проявляя чуть больше такта, чем непоседливый брат.

— Не смею препятствовать! — отвечаю я, лучезарно улыбаясь.

Девушка заходит внутрь, и тут же возвращается, заинтригованная.

— Зеркало на потолке?! — спрашивает она с искренним интересом. — Это твоя идея?

— К моему стыду — нет! — неохотно признаю я. — Сей факт меня не красит, но все досталось мне уже в готовом виде. Признаюсь, я даже освоиться не успел! Новый дом еще не стал моим домом в полном смысле этого слова!

— Наверное, после палат императорского сиротского дома это воистину царские покои?! — осведомляется Алексей, подходя к окну и глядя на панораму Москвы.

На удивление, в его голосе нет ни нотки иронии, высокомерия или издевки. Это аккуратная проверка фактов из моего досье или искреннее замечание?

— Все так, и я еще не привык к золотой лепнине, хрусталю и обоям с вензелями…

— Наверное, ты единственный, кто не удивится, побывав в моей комнате, — говорит Цесаревич обернувшись. — Пользуясь случаем, приглашаю тебя с ответным визитом и обещаю показать мое скромное жилище! Настоящее, а не помпезные апартаменты для таких же помпезных гостей!

Я смотрю в темно-зеленые искренние глаза и не понимаю, что происходит. Цесаревич последовательно развивает свою тактику: активно набивается мне в друзья. Я по большому счету не против, но меня интересуют его мотивы. Зачем Наследнику Царского Рода нужен бастард, выросший в сиротском доме? Еще один экспонат в обширной коллекции аристо-прихлебателей? Или же он знает о моем истинном прошлом и его интерес — игра, призванная вывести меня на чистую воду?

— Александр, поздравляю! — торжественно произносит Наталья. — На моей памяти ты первый, кто удостоился подобной чести! Даже Юлии

Нарышкиной было в ней отказано!

— Сестрица, не нагоняй интригу! — на лице Алексея возникает натянутая усмешка. — И не формируй завышенные ожидания — парни не в моем вкусе!

Я невольно вспоминаю первую встречу с Наследниками Короны и уже в который раз не верю глазам и ушам. Вместо скабрезных шуток и словесной дуэли с сестрой на грани фола — доброжелательное, в чем-то даже рафинированное общение, обильно сдобренное иронией. Я по очереди смотрю на моих гостей и не могу избавиться от ощущения, что оказался на театральной сцене и наблюдаю пьесу, которую играют персонально для меня.

Тьма меня раздери, что им нужно на самом деле?

— Я жду не дождусь обещанного кофе! — заявляет Наталья, переводя беседу в нейтральное русло.

— После кофе, который нам сварили по рецепту вашей бабушки, мой покажется вам пресной бурдой, — предупреждаю я и начинаю колдовать над кофемашиной.

— Вот как?! — удивленно восклицает Алексей. — Ты не дернешь позолоченный шнур с огромной

кисточкой на конце, сюда не прибежит миловидная деваха с декольте до пояса и не подаст нам свежесваренный кофе в чашечке из бивня слона на серебряном подносе, украшенном драгоценными каменьями?

— Я отказался от личных слуг! — признаюсь я, игнорируя предупреждение Трубецкой, и добавляю для пущей убедительности. — Для меня нет ничего более желанного, чем одиночество. Его начинаешь ценить особенно сильно, когда получаешь, только оказавшись посаженным в карцер за какую-нибудь провинность.

Бросаю мимолетный взгляд на Цесаревича и замечаю едва заметный отблеск внимания в его глазах. Я помню его откровения об отсутствии свободы, высказанные простому храмовому послушнику, и попадаю в точку. Одиночество для будущего монарха — желанная, но недостижимая цель.

— Не ожидал, что обнаружу в твоем лице родственную душу, — сдержанно произносит он после небольшой паузы, в течение которой пристально смотрит мне в глаза.

Передаю отпрыскам царской крови фарфоровые чашечки с кофе и с упоением наблюдаю, как они вертят их в руках. Как осторожно принюхи-

ваются, внимательно рассматривая коричневую пенку на поверхности. Как беспомощно переглядываются, не решаясь сделать пробу. Как вопросительно смотрят сначала друг на друга, а затем на меня. Неужели они никогда не пили кофе, приготовленный в автоматической кофемашине?

— Не отравлен! — твердо заявляю я и подаю пример, отпивая из своей чашки.

— Вкусно! — потрясенно произносит Цесаревич, сделав глоток. — Вот так привычки простолюдинов меняют быт урожденных аристократов!

Все же Алексей не удержался и упомянул, что мы с ним принадлежим к разным социальным слоям.

— Обязательно закажу себе такую же, это гораздо удобнее, чем каждый раз вызывать стряпчего и ждать, пока приготовят и подадут заказанный напиток!

Повисает неловкая пауза — непринужденный разговор не клеится. Алексей погружен в собственные мысли и пьет горячий кофе мелкими нервными глотками, а Наталья смотрит на меня, периодически отводя взгляд и будто не решаясь высказать нечто важное.

Шувалов ошибся: Романовых не интересуют

последствия вчерашнего взрыва. Они явно прилетели персонально ко мне, чтобы сообщить нечто важное. Прошлую нашу встречу Наталья Романова организовала, чтобы предупредить об опасности, а причины нынешнего визита, судя по поведению наследников, вскроются скоро. Я терпеливо ожидаю развязки театрального акта.

— Какие у тебя планы на оставшиеся до начала учебы пару недель? — спрашивает Цесаревич, прорывая завесу молчания. — Открою тебе государственную тайну за семью печатями: Инициацию перенесли на первое сентября, так что теоретически ты совершенно свободен до конца лета.

Планы просты — не вылазить из постели с Трубецкой, думаю я, но вслух заявляю иное.

— Книги! — указываю взглядом на шкаф. — Чтение, ежедневные занятия с Хранителем Рода и тренировки.

— Впитываешь мудрость поколений?! — с насмешкой уточняет Цесаревич. — Как по мне, это скучно! Да и правды в этих легендах ни на грош — как известно, летописи пишут победители!

— Приходится работать с тем, что есть! — я пожимаю плечами. — Постигаю историю Великого Рода в деталях и пытаюсь понять, что ждет меня

в будущем.

— Я могу тебе погадать! — Наталья допивает кофе и разочарованно смотрит дно чашечки, а затем поднимает недоуменный взгляд на меня. — Не получится, осадка нет!

— Я справлюсь без ароматной жижи, карт Таро и хрустального шара! — уверенно заявляет Алексей, встает с кресла, подходит ко мне и останавливается на расстоянии вытянутой руки.

Он кладет мне на плечи широкие ладони и, прищурившись, пристально смотрит в глаза.

— Тебя ждет дальняя дорога, казенный дом, праздные застолья и круговерть лиц! — произносит он нараспев замогильным голосом. — А еще балы, дуэли и ночные партии в вист!

— Александр, мы приглашаем тебя в Царское Село! — торжественно объявляет подскочившая к нам Наталья и отталкивает брата. — На две недели! В нашу летнюю резиденцию съедутся все наследники, и мы будем предоставлены сами себе!

— Полная свобода действий, если забыть про Императорскую Гвардию, множество слуг, соглядатаев нашей мама и прикомандированных агентов Тайного Сыска, — желчно добавляет Цесаревич. — Но я обещаю, что мы оторвемся

по полной!

Неужели все так просто? Неужели Романовы прилетели только для того, чтобы пригласить меня на отдых лично, глядя глаза в глаза? Неужели нельзя прислать конверт с двуглавым орлом на обороте и приглашением, напечатанным на плотной хрустящей бумаге?

— Благодарю за приглашение! — отвечаю я спохватившись. — У меня нет причин вам отказывать!

— Ура! — Наталья широко улыбается, хлопает в ладоши, а затем бросается ко мне и крепко обнимает. — С вами я буду чувствовать себя в бОльшей безопасности!

— Полно тебе, сестрица! — Алексей кладет руки на плечи Наталье и мягко разворачивает ее к себе лицом. — У тебя есть одаренный брат! Да ты и сама способна за себя постоять!

Он внимательно оглядывает лицо сестры, поправляет локон, выбившийся из ее прически, а затем подмигивает мне, глядя из-за девичьего плеча.

— Вдвоем с Александром мы оградим тебя от любых напастей!

Визит Наследников Короны заканчивается так же неожиданно, как и начался. Мы поднимаемся

на крышу высотки, и я провожаю ребят до вертолетного люка, нарушая все протоколы. Наталья прощается со мной, одарив сияющим взглядом, и я галантно помогаю ей взойти на короткий откидной трап.

Алексей крепко жмет мою руку, делает пару шагов вверх по ступеням, а затем оборачивается и спускается.

— Не обижай Наталью, — мягко просит он. — Ты — первый, кто ей приглянулся в этом роскошном серпентарии развращенных и испорченных высоким положением аристо!

Глава 11
Наставления Великого Князя

Шувалов недоволен и обеспокоен. Он нервно курит уже третью сигару, и система кондиционирования не справляется с нагрузкой: кажется, что воздух в кабинете Великого Князя состоит сплошь из табачных ароматов. Старик размышляет вслух и не притрагивается к коньяку, чему я безмерно рад, ибо меня уже воротит даже от его запаха.

— Официальное приглашение в Летнюю Императорскую Резиденцию пришло после твоего разговора с наследниками, а доблестные гвардейцы связались с нами еще через полдня, — задумчиво произносит Шувалов, стоя у окна. — Имперская канцелярия прислала официальное сообщение о переносе Инициации на первое сентября и того позже, сегодня ранним утром, пока ты отсыпался после праведных ночных бдений. Все выглядит так, как будто инициатива исходит от Натальи и Алексея, не от Императора или Бестужева!

— Я не отсыпался, мы с Ольгой отрабатывали боевку в спаррингах…

— Теперь это спаррингами называется?! —

неуклюже, но беззлобно шутит Князь.

Это так похоже на поведение Шефа, что я привстаю с кресла, мои кулаки непроизвольно сжимаются, а на скулах вспухают желваки.

— Успокойся, горрячий финнский арристократт, — говорит Князь со скандинавским акцентом, направляя на меня дымящийся кончик сигары. — Я обеими руками за! Танцуй пока молодой! После Инициации эти деньки будут казаться тебе лучшими в жизни!

Он неспешно возвращается к письменному столу, садится в любимое кресло и с наслаждением откидывается на высокую спинку.

— Не нравятся мне эти летние каникулы, ох как не нравятся! — уже в который раз повторяет он. — Если с тобой что-то случится, Император умоет руки и спишет все на неопытность собственных отпрысков.

— Почему вы считаете, что Романова не может банально влюбиться и пригласить меня во дворец в качестве будущего кавалера? — недоумеваю я.

— Потому что она — дочь своего отца и сестра своего брата! — отвечает Князь, резко подавшись вперед. — Не переоценивай собственную харизму и не смешивай сиюминутные удовольствия

с тактикой и стратегией выживания Рода! Как и всех аристократов, щенков Романова учат этому с пеленок! Ищи второй, третий, четвертый и пятый — по-настоящему скрытый смысл в поведении любой высшей аристо, даже занимаясь с ней сексом! Так ты проживешь дольше, уж можешь мне поверить!

— Вы предлагаете отказаться от приглашения?

— Нет, просто размышляю вслух и пытаюсь донести до твоего сознания собственные опасения!

— Да понял я, понял, чай, не дурак! — отвечаю я, подражая грубому деревенскому говору. — У меня уже мозоли появились на барабанных перепонках!

— В восемнадцать лет остаешься не дураком ровно до тех пор, пока очередная девица не берет тебя за яйца! — Шувалов усмехается и затягивается ароматным дымом. — Я допускаю, что Наталья желает видеть тебя рядом, но это точно не главный мотив ее семьи!

— Зачем она предупредила меня об опасности?! — парирую я.

— Для того чтобы выстроить более доверительные отношения?! — Князь высказывает очевидное предположение, иронично вскинув бровь.

— А если дела обстоят гораздо проще, и Цесаревич с сестрой пытаются ближе познакомиться с парнем, который после Инициации может стать им ровней? Хотят ввести меня в свой круг, чтобы иметь рядом лояльного сторонника, а не озлобленного насмешками бастарда?

— Этот вариант не исключен! — соглашается Шувалов кивая. — Он наиболее очевиден из всех прочих. И, скорее всего, является частью общей картины!

— Вы считаете, что нужно отбрасывать наиболее логичные и простые объяснения и выискивать сложные и запутанные?

— Именно так, мой дорогой, именно так! — Князь опускает веки в знак согласия и делает затяжку. — Предлагаю тебе размять мозги и выстроить картину, наиболее полно отображающую логику происходящих с тобой событий! Надеюсь, этот опыт пригодится для вскрытия целей и задач, которыми руководствуется Приют…

— Мне нужно подумать, — говорю я, уставившись на портрет самодержца, висящий над головой Великого Князя.

— Не буду мешать, только не забывай, что мое время стоит недешево! — веско произносит Шувалов и замолкает.

Он наливает кофе из серебряного кофейника в маленькую фарфоровую чашку и протягивает ее мне.

— Выпей, чтобы лучше думалось! — предлагает Князь.

Он глядит на меня молча и сосредоточенно, крутя в пальцах сигару. Фиолетовые глаза холодны, а лицо выражает безмятежность и спокойствие.

Вдыхаю восхитительный аромат арабики и делаю глоток. На ум приходят слова Бестужева-старшего, высказанные в Доме Троекурова. Все происходящее со мной, действительно, похоже на тщательно спланированную и талантливо разыгрываемую операцию внедрения в ряды элиты Российской Империи.

Если я выскажу эти соображения, то придется огласить предполагаемые цели и задачи Приюта, которые идеально соответствуют рассуждениям Бестужева. Вот только я все еще не уверен в собственных умозаключениях. Не уверен и не заинтересован в их оглашении.

Делаю еще один глоток и закрываю глаза. Вспоминаю приютские уроки концентрации и погружаюсь в себя. Свет тускнеет, звуки становятся едва слышимыми, и даже ароматы кофе и табака практически не ощущаются.

Предположим, что Князь прав, и симпатии Романовой вовсе не главный драйвер процесса. Попытаемся увидеть картину глазами абстрактного Главы Великого Рода при условии, что он не является врагом Шувалова и не строит планов по его низвержению или уничтожению.

Быстротекущую, но предсказуемую жизнь Великих Родов Империи, не меняющуюся уже десятилетия, неожиданно нарушает триггер в моем лице. Расчеты и предсказания, давно списавшие Шувалова и его почти вымерший род, рушатся как карточный домик. Появляется некий элемент неопределенности, степень влияния которого на будущее Фиолетового Рода и Империи просчитать невозможно ввиду отсутствия достоверных сведений обо мне.

Я черный лебедь, точнее, гадкий утенок, способный изменить как правила многолетней игры, так и ее результат. Самый очевидный, сам собой напрашивающийся способ решения проблемы — устранение возмутителя спокойствия. И это может быть сделано если не Императором, то кем-то из высших Цветных.

Великие Рода Империи объединяет общий враг — Темные. Если бы не они, Цветные уже давно перегрызлись бы между собой и вступили

в привычную междоусобицу. Союзниками их делает лишь могущественный враг, но единства между ними нет, и при внешнем благолепии, все интригуют против всех и тянут одеяло на себя.

Меньше всего в моем убийстве заинтересован Император. Игорь Всеволодович Шувалов не вечен, Фиолетовые в течение столетий демонстрируют исключительную преданность Престолу, и терять такого союзника явно не с руки. Я же — тот самый потенциальный продолжатель Рода, который может сохранить сложившийся баланс сил в Империи.

Получив лояльность будущего наследника Рода и сильного мага, самодержец укрепляет свою власть и влияние на остальных Цветных. А купить меня проще всего, используя наследников. На память приходят оговорки нетрезвого Алексея о том, что скоро я стану сильнейшим магом Империи, о чем ему доложили дознаватели после первой нашей встречи.

Вполне возможно, что в то время, когда Князь Шувалов давал мне задание влиться в ряды высших одаренных и стать среди них своим, наследники престола получали похожие наставления от Императора. Они должны купить лояльность вновь испеченного княжича Шува-

лова с потрохами.

Главы других Великих Родов Империи не слепы и многоопытны. Кому-то из них такой расклад может не понравиться. Кому-то одному или сразу нескольким. Перетянуть меня на свою сторону они смогут разве что, предложив в жены одну из дочерей, но у Императора тоже есть невеста на выданье.

Я открываю глаза и возвращаюсь в реальность. Великий Князь все так же терпеливо ждет моих умозаключений, только сигара стала короче, а пепельница — полнее.

— Романовы пытаются меня купить, — уверенно заявляю я. — Не за деньги, конечно. Хотят перетянуть на свою сторону руками наследников, не дожидаясь Инициации. Также они понимают, что другие Великие Рода заинтересованы в моем уничтожении. Отсюда проистекает отеческая забота императорской семьи о моей скромной персоне.

Лицо Великого Князя расплывается в довольной улыбке.

— Ма-ла-дец! — говорит он по слогам, тыча в меня недокуренной сигарой. — Я хотел, чтобы анализ ситуации и выводы ты сделал сам, а не ждал, когда я преподнесу их тебе на блюдечке

с голубой каемочкой! Остается лишь малость — раскрыть план Б!

— Где я — там и покушения, — неуверенно предполагаю я. — Я живец, на которого должен клюнуть враг. А врага проще нейтрализовать, если он хорошо известен и обозначил свои намерения.

— Верно! — довольно изрекает Князь. — Дополню твои соображения. Живец — не абсолютная ценность! Он может оказаться разменной фигурой в политическом торге. Им пожертвуют, если высокие договаривающиеся стороны придут к компромиссу. Наша задача — поднять твою акции на недосягаемую высоту, и я работаю над этим со дня твоего появления здесь!

Я с любопытством смотрю на старика и молчу. Он явно собрался огласить некий факт, который может привести к моей неадекватной реакции и потому готовит почву. Стелет солому на битое стекло.

— Еще не забыл девочек мадам Ву? — спрашивает Князь и, прищурившись, затягивается сигарой. — Ты уже понял, зачем они появлялись здесь?!

Я киваю, потому что интуиция мгновенно подбрасывает единственно возможное объяснение. Как же я раньше не догадался?! Давлю возмуще-

ние в зародыше и демонстрирую спокойствие, достойное древних стоиков.

— Вы не похожи на извращенца, который любит наблюдать за парнями, следовательно, вам была нужна моя сперма?! — вопросительно вскидываю бровь и залпом допиваю уже остывший кофе. — И что показали анализы?!

— Ты совершенно здоров и готов к продолжению рода, но это не главное! — Великий Князь делает театральную паузу и награждает меня взглядом, полным аристократического величия и торжества.

— Девочки мадам Ву, конечно, уникальные мастерицы, но я мог бы и в пробирку сдрочить! — говорю я со злостью, частично теряя самоконтроль.

— Даже не сомневаюсь, что в этом ты специалист экстра-класса, но дослушай старика и не кипятись! — Князь выдерживает паузу и продолжает. — В момент нашего знакомства я не был готов озвучить подобную просьбу, а ты — услышать ее и выполнить!

Шувалов замолкает и наставляет указательный палец в потолок. Я снова терпеливо жду, хотя вердикт врачей так же очевиден, как тот факт, что солнце встает на востоке.

— Наследственность! Твои дети будут сильнейшими магами! — сообщает старик и награждает меня красноречивым взглядом. — Я организовал утечку этой информации в правильные руки. Она попала на стол Ее Величества Императрицы Александры Федоровны и была дополнена заключением Дознавателей.

— То есть, вы великодушно приютили в своем доме племенного быка-производителя? — спрашиваю я, пряча за иронией злобу и мальчишескую обиду.

— Я принял бы тебя в Род в любом случае, но это лишь полдела, Саша! — парирует старик и смотрит на меня мудрым и полным печали взглядом. — Все мои сыновья мертвы! Я пытаюсь избежать повторения ошибок прошлого и обеспечить твое выживание!

Четвертое правило «Кодекса Агента» гласит: «Не доверяй никому!». Да к Разделенному этот Кодекс для маленьких детей! Без доверия жить невозможно, и я верю Шувалову! Поверил после первого же разговора с ним!

— Значит, интерес Романовых продиктован сугубо политическими и генетическими причинами? — уточняю я, особо не скрывая горечь разочарования.

— Ну, почему же?! — Шувалов откидывается на спинку кресла, задумчиво теребя в пальцах погасшую сигару. — Ты нравишься Наталье, и в этом нет ничего удивительного. В данном случае любовь идет рука об руку с политикой.

— А Цесаревич?

— Поддерживает сестру и выстраивает отношения с будущим союзником и зятем — все очевидно! — Князь пожимает плечами и раскуривает сигару.

— Трубецкая изначально говорила, что Романовы рассматривают меня в качестве жениха наследницы престола!

— Ольга — очень проницательная девочка, но я очень тебя прошу: не афишируй отношения с ней!

— У меня нет права любить?

— Есть! — твердо отвечает старик. — И есть обязанность жениться и продолжить Род! К сожалению, права и обязанности не всегда можно объединить!

Я хотел бы разозлиться на Великого Князя, на мир вокруг и на себя, но не могу. Шувалов во всем прав! Его устами глаголет мудрость, к которой стоит прислушаться! К тому же, я и сам еще не знаю, кого люблю, и с кем хочу прожить жизнь и

завести детей!

— Вернемся к приглашению! — сухо произносит Шувалов. — Мне не нравится предстоящая поездка. Она влечет большие риски, потому что до Инициации тебя может прихлопнуть как муху любой одаренный, не говоря уже о серых с огнестрелами и магострелами. С одной стороны, императорская охрана должна надежно тебя защитить…

— Она уже защитила во время завтрака с Романовой! — перебиваю я Князя.

— Это лишь досадная ошибка! — отмахивается старик. — Они достаточно профессиональны, а после покушений удвоили и утроили бдительность. Князь Бестужев землю роет, чтобы не допустить очередного прокола. Давай исходить из того, что гвардейцы уберегут тебя от внешних врагов. По крайней мере, в стенах Летнего Дворца…

Шувалов умолкает, задумывается и на мгновение отворачивается к окну.

— Если заказчик твоего убийства из ближнего императорского круга, — продолжает Князь, — то он обязательно воспользуется возможностью тебя убить. Кто-то хочет во что бы то ни стало уничтожить тебя до Инициации! И не факт, что

приютские — единственные интересанты! Возможно, они лишь выполняют чьи-то приказы!

Я мог бы сказать старику, что после Инициации желающих меня убить прибавится, но благоразумно помалкиваю.

— Итак! — Шувалов наклоняется над столом. — Отъезд завтра утром. Ты должен оставаться лапочкой для девочек, стать другом наследникам Великих Родов и не потерять голову! И в прямом, и в переносном смысле! Убийцей может оказаться один из них. Выводы сделаешь сам?

— Не ввязываться в конфликты, избегать одиноких прогулок и держать член в узде, даже если окажусь в постели с Нарышкиной!

— К этой сучке не прикасайся! — приказывает Князь. — Несмотря на все опасности, твоя основная цель не меняется!

— Влиться в ряды Наследников Великих Родов?! — заученно повторяю я.

— Нет! — старик хмурится. — Ты должен остаться живым!

Он тянется к дверце бара, достает бутылку коньяка и пару хрустальных бокалов.

— Не хочу! — я отрицательно качаю головой. — Он у меня уже из ушей льется!

— Одобряю! — с ухмылкой произносит Князь и

прячет спиртное обратно.

Неожиданно на меня снисходит озарение. Неужели старый лис систематически поил меня коньяком, чтобы отвадить от спиртного?! Еще вчера я бы разозлился, метнул на Шувалова гневный взгляд и пулей выскочил из кабинета, а сейчас лишь улыбаюсь. Это такая мелочь на фоне визита девочек мадам Ву, что о ней даже говорить не стоит!

— Завтра в девять будь готов: на Николаевский вокзал тебя доставит Императорская Гвардия, — приказывает Шувалов. — Неслыханная забота о скромном мальчишке из Фиолетового рода!

— Вы хотели сказать: «о бастарде»?!

— Я сказал то, что хотел сказать! — твердо отвечает Великий Князь.

— Спасибо! — благодарю я старика, уже стоя в дверях. — Спасибо за все!

— Ты — Шувалов, и я за тебя отвечаю! — произносит он без всякого намека на пафос. — И не забывай: все, что с тобой происходит — это не приютские тестовые задания, а реальная жизнь! Просто вернись живым из этого серпентария друзей, хорошо?!

— Постараюсь! — твердо обещаю я, не веря собственным словам.

Глава 12
Везение в карты и невезение в любви

Императорский поезд поражает убранством, которое не ожидаешь увидеть в железнодорожных вагонах. Наборные мраморные полы, ковры ручной выделки, лакированные дубовые панели на стенах, мебель и портьеры из темно-зеленого бархата, бронзовые светильники и потолочные люстры, отбрасывающие мягкие пятна света и придающие старинным интерьерам ареол классического величия. Подобной концентрированной роскоши я не видел не только в нашей высотке, но и в Большом Зале приемов Кремлевского Дворца, где состоялся памятный бал в мою честь.

Состав катится из Москвы в Царское Село уже девять часов, а впереди — еще полдня неспешного путешествия. Нас сопровождают два бронепоезда: один — впереди, другой — сзади. Николаевская железная дорога сегодня закрыта, а вдоль нашего маршрута барражируют вертолеты.

Император всея Руси пожелал, чтобы молодые

наследники Великих Родов погрузились в прошлое и приобщились к истории, а не мчали в Санкт-Петербург за рулем спортивных машин по скоростной автотрассе. На всем пути следования поезда даже рунет не работает, и мы коротаем время в гостиной, которая занимает большую часть третьего вагона.

За дубовыми столами расположились небожители Российской Империи — чистокровные наследники и наследницы Великих Родов, в числе которых благодаря капризу или расчету правящей династии оказался я. Парни играют в карты, а Наталья Романова, Елена Воронцова и Юлия Нарышкина обсуждают нас, наряды и всякую чепуху, сидя за соседним столом и поглощая коктейли с замысловатыми названиями.

Нам официанты подают преимущественно водку. Цесаревич, братья Юсуповы и Олег Апраксин уже изрядно пьяны. Не пьем лишь мы с Андреем Трубецким. У меня стойкое ощущение, что я попал в третий сезон популярного мосфильмовского сериала «Шапка Мономаха», не посмотрев первые два.

Цесаревич предупредил меня, что в их узком кругу принято общаться без чинов, званий и титулов, это моветон еще с раннего детства. Мы

играем в покер уже несколько часов и общаемся, используя слова, фразы и обороты, которые даже в Приюте звучали нечасто. Трехэтажный русский мат под категорическим запретом.

— Малый блайнд! — зло объявляет Апраксин и бросает на стол фиолетовую фишку.

Он выпил больше всех и проигрывает тоже больше всех. А я выигрываю. Смотрю в карты, затем кошусь на горку лежащих передо мной разноцветных жетонов, удваиваю и доброжелательно улыбаюсь. Апраксин пытается сдержать довольный возглас, но не особо в этом преуспевает — какая-никакая карта у него есть.

— Вы все — засранцы! Только и способны карты сбрасывать! А меня учил играть в покер отец! — говорит он, растягивая гласные: у парня слегка заплетается язык. — И больше всего я любил выигрывать у его многочисленных бастардов!

На лице Олега возникает кривая злобная усмешка, а глубоко посаженные поросячьи глазки довольно прищурены. Апраксин выбрал меня жертвой словесных уколов то ли потому, что я обчистил его почти до нитки, то ли из-за природного неприятия бездарей.

Я держу себя в руках и не реагирую на детские выпады Апраксина. Все они крутятся вокруг мо-

его сомнительного происхождения и отсутствия Дара. Впрочем, впрямую Олег меня не оскорбляет: то ли не желает разжигать конфликт до драки, то ли опасается реакции Цесаревича. Остальные участники игры стараются не замечать его издевок и всячески сглаживают ситуацию.

— Видимо, сегодня ты расплачиваешься за давние выигрыши! — отвечает Радослав Юсупов, указывая взглядом на жалкую горку фишек перед Олегом.

— Куда мне до вас, Юсуповых! — громогласно парирует Апраксин, воздевая руки к потолку. — Говорят, ваш прадед выиграл в карты Архангельское!

— Если не остановишься, скоро проиграешь Родовую Высотку Оранжевых, — язвит Цесаревич и, пристально глядя в глаза Апраксину, бросает на стол шесть фиолетовых фишек, утраивая большой блайнд. Он играет спокойно и расчетливо, не блефуя и тщательно рассчитывая риск. Алексей постоянно обменивается откровенными взглядами с Нарышкиной и, судя по всему, с нетерпением дожидается окончания партии, чтобы уединиться с ней в своем купе.

— Пас, — равнодушно произносит Андрей Трубецкой и сбрасывает карты.

Ему скучно, как и мне. Истинный поклонник преферанса считает покер игрой для плебеев и снисходит до нее, лишь потакая желаниям приятелей. Высота аккуратных столбиков из фишек перед ним практически не меняется в течение всего вечера.

Братья Юсуповы играют вдвоем на одной руке. Разумная предосторожность, учитывая возможность манипулировать ставками. Они переглядываются, выпивают по рюмке водки и также сбрасывают карты.

— Еще водки! — кричит Апраксин, и у нашего стола материализуется официант с небольшим серебряным подносом.

Олег берет рюмку и опрокидывает ее в рот. Кривит лицо, шумно выдыхает и встает с кресла. Двигает все свои фишки на середину стола, опирается на его край и нависает над ним, свирепо глядя мне в глаза. Сегодняшним вечером его враг — я.

Импозантный крупье с густыми бакенбардами и приклеенной на лицо доброжелательной улыбкой подсчитывает фишки. Все это время Апраксин смотрит только на меня. Судя по выражению лица парня, карта у него неплохая, и он уже в который раз за вечер надеется отыграться.

— Ва-банк, значит?! — удивленно констатирует Цесаревич. — Транжиришь батюшкины деньги?

— Благодарю за заботу, Ваше Высочество! — громко говорит Апраксин, подкрепляя свои слова витиеватым жестом. — Я разберусь с личными финансами и без вашей помощи!

— Что ж, разбирайся! — отвечает Цесаревич после небольшой паузы и швыряет карты на стол. — А я выхожу из игры!

Его глаза сверкают, на скулах вспухли желваки — Романов явно взбешен, но сдерживается несмотря на изрядное подпитие.

— Благодарю за приятный вечер и желаю всем спокойной ночи! — громко произносит Алексей и, развернувшись на каблуках, удаляется к выходу.

— Сорок пять фиолетовых, четыре розовых и девять красных фишек, — оглашает результат подсчета крупье.

Девушки подходят к нашему столу, привлеченные громкими голосами.

Я оцениваю шансы на выигрыш. У меня пара десяток. С точки зрения теории вероятности не самая лучшая карта, но и не безнадежная. К тому же игра подходит к концу, и мой выигрыш перекрывает эту ставку с лихвой.

— Отвечаю! — негромко произношу я и пере-

двигаю необходимое количество фишек к центру стола.

— Флоп! — объявляет крупье после затянутой, театральной паузы и переворачивает первую карту.

С картонного прямоугольника нам криво лыбится бубновый король. Ухмылка Апраксина еще гнуснее. Парень взирает на меня с неприкрытым торжеством. Возможно, у него пара старших карт. В дополнение к королю на стол ложатся червовая восьмерка и крестовая тройка.

— Ты должен дать мне возможность отыграться! — нагло заявляет он. — Ставлю еще сотню фиолетовых! Они хорошо подходят под цвет твоих глаз, бастард!

— Что ты себе позволяешь?! — возмущенно восклицает Наталья Романова, но я останавливаю ее.

— Олег не грешит против истины, я — бастард! — медленно подтверждаю я, не отрывая взгляд от вмиг покрасневшей рожи Апраксина. — Принимаю ставку в долг и удваиваю!

В поросячьих глазках мелькнул испуг, я разглядел это совершенно точно. Сотня фиолетовых фишек — это стоимость доходного дома на Сретенке, а парень уже проиграл мне в несколько

раз больше.

— Уравниваю! — объявляет он, немного подумав, и смачно сплевывает на пол. — Тоже в долг!

Крупье невозмутимо протягивает чипер к моим фишкам и последовательно перемещает на середину стола двадцать фиолетовых столбиков.

— Остановись! — беззвучно шепчет мне Андрей Трубецкой одними губами, чем изрядно удивляет.

Моргаю и едва заметно качаю головой. Он лишь нервно выдыхает в ответ.

— Терн! — объявляет крупье и выкладывает на стол пикового туза.

На лице Олега появляется победная улыбка, он скрещивает руки на груди и смотрит на меня свысока, словно позабыв об огромной сумме, проигранной за вечер. У него старшая пара — туз с королем? Тогда откуда взялся острый отблеск страха в его глазах после фолда?

— Еще две сотни! — не предлагает, а настаивает он.

— А расплачиваться ты чем будешь, аристо?! — с кислой ухмылкой интересуюсь я, решив впервые за вечер ответить на его оскорбительные уколы, применив древний принцип «Око за око, зуб за зуб!». — Уведомляю официально: я

натурой не беру!

К лицу Апраксина приливает кровь, глаза краснеют, рискуя вывалиться из заплывших жиром глазниц, и он, пьяно покачнувшись, подается вперед.

— Я утоплю тебя в собственном дерьме! — цедит он сквозь зубы. — Ты не жилец, бастард!

— Успокойтесь, парни, успокойтесь! — кричит Трубецкой и подает знак Юсуповым.

Братья стремительно перемещаются за спину Апраксина и становятся по обе стороны от него. Девочки молчат и периодически закатывают глаза к потолку: видимо, они не раз становились невольными свидетельницами подобных сцен.

Ирония судьбы, иначе не скажешь. Действующие лица те же, что и в особняке Воронцовых в начале этой истории, но сейчас трое из четверых на моей стороне.

— Я принимаю ставку наследника Великого Рода Апраксиных, сделанную в долг! — громогласно объявляю я, глядя в камеру над столом. — Всего ты должен на банк четыреста фиолетовых фишек!

— Все достанется мне, можешь не напрягаться почем зря! — говорит Олег, устремив на меня презрительный взгляд.

Апраксина учил покеру отец, а меня — про-

фессиональный игрок, катала. Для накачанного водкой Наследника Рода игра — одно из развлечений, будоражащих кровь, а для меня — необходимый навык. Не могу сказать, что читаю лица игроков, как открытую книгу, но весьма близок к этому. А такие, как Апраксин, пьяные и неконтролирующие эмоции — всегда были самой легкой добычей.

— Ривер! — объявляет крупье, поднимает карту над столом, задерживает ее на несколько секунд, а затем бросает на зеленое сукно.

К моей двойке десяток пришла еще одна! Фантастическое везение, но у Апраксина может оказаться тройка королей или даже тузов! Олег пьяно улыбается, он успокоился так же быстро, как завелся. Взгляд немного расфокусирован, но хорошо транслирует работу мысли. Парень явно рассчитывает размер ставки. Если бы он блефовал, то оглушил бы меня огромной суммой не раздумывая.

— Еще двести в долг! — предлагает он. — Не хочу разорять вновь испеченного аристо и ставить банк! Великий Князь Шувалов тебе не папочка, денег может и не дать!

Я смотрю на жалкую кучку жетонов, оставшуюся после наших безумных ставок, и лихорадочно

размышляю. Для Шувалова оплатить эту сумму — сущий пустяк! Мы с Трубецкой на мою одежду потратили раз в десять меньше, но я не хочу унижаться перед стариком. Апраксин прав — Князь мне не папочка, чтобы гасить карточные долги непутевого сына.

— В долг больше не принимаю! — твердо заявляю я. — А то приемный папуля розгами выпорет!

— Ах ты ж мразь бесцветная! — Апраксин багровеет от гнева, презрительно щурится и замолкает, сжимая и разжимая огромные кулаки.

Я нанес еще один ответный удар. В детстве парня нещадно пороли, чтобы вбить в жирную голову толику ума, но особо в этом не преуспели.

Он не бросится в атаку, по крайней мере, до вскрытия карт, но на всякий случай я делаю шаг назад. Олег молча гипнотизирует меня и, кажется, хочет испепелить взглядом.

— Вскрываемся! — говорю я и предъявляю тройку десяток.

Апраксин смотрит на мои карты, словно загипнотизированный. Он явно не верит собственным глазам. И без того красное лицо становится багровым, и я опасаюсь, что здоровяка хватит апоплексический удар.

— Да ты, никак, шулер, бастард! — орет он, бросая на стол короля с тузом. — Катала, Тьма тебя забери!

В этот момент я искренне радуюсь, что наследник Оранжевых еще не прошел Инициацию, иначе ударил бы Силой, особо не раздумывая.

Он нападет неуклюже, но очень стремительно — бросается на меня прямо через стол. Юсуповы или не успевают среагировать, или не хотят этого делать. Уклоняюсь от удара пудового кулака, хватаю парня за руку и дергаю на себя, упираясь ногами в ножку стола.

Олег падает на столешницу всем своим немалым весом, тяжело охает, и дубовый стол под ним складывается. Зрители бросаются врассыпную, а я пробиваю лбом в бычий затылок.

Апраксин мгновенно затихает, и я, морщась от боли, удовлетворенно осматриваю дело своих рук.

— Все как обычно! — желчно замечает Нарышкина, недовольно кривя губки. — Водка, карты и драка на сладкое! Вам еще не надоело, мальчики?!

Она разворачивается и уходит прочь не прощаясь. Наверняка в купе Цесаревича, думаю я, и ощущаю легкий укол зависти.

— Покажись! — подошедшая сбоку Наталья отвлекает меня от созерцания задницы Нарышкиной.

Она кладет ладони мне на виски, зеленые радужки вспыхивают, и боль медленно уходит. Ее глаза притягивают, будто бездонные озера, и я хочу, чтобы этот миг длился бесконечно.

— Этого дурака даже лечить не буду! — заявляет Романова, бросая недовольный взгляд на тушу Апраксина.

Распростершееся на обломках стола тело окружают Трубецкой и братья Юсуповы.

— За руки, за ноги — и в каюту! — говорит Андрей, а затем обращается ко мне. — Присоединяйся, мы его втроем не дотащим!

Апраксин весит килограмм сто двадцать, и нести его обмякшую тушу жутко неудобно. Хорошо, что в поезде отсутствуют четвертый и пятый вагоны, в которых обычно коротает время императорская чета. Пройдя через тамбур, мы попадаем сразу в шестой вагон.

Заносим Олега в его купе и с трудом укладываем на кровать животом вниз.

— Чтобы в собственной блевотине не задохнулся! — со знанием дела произносит Трубецкой и поворачивается ко мне. — С боевым крещением

тебя, мой бесцветный друг! Не обращай внимания на его глупые выходки! Завтра проспится и будет извиняться! Мы с детства привычные, это еще один скучный день в жизни нашей тесной компании! Надеюсь, хотя бы ты ее оживишь!

— Да куда уж больше оживлять-то?! — парирую я.

— Совершенству нет предела! — одновременно отвечают Юсуповы, играя низкими обертонами голосов.

— Синхронные ответы — их фишка, — сообщает Трубецкой. — На барышень действует безотказно!

— Не пали контору! — деланно возмущается Радослав. — Мы еще патент не оформили!

— Лучше бы мы вчетвером вист расписали! — сокрушаюсь я, проявляя максимум дружелюбия, который способен из себя выжать.

— У нас впереди две недели, так что успеем еще! — отвечает Болеслав.

Болеслав или Радослав, их даже Разделенный не различит: парни в одинаковых красных пиджаках, белых свитерах и черных брюках.

— Дело сделано, придурок спасен — можно расходиться по кроваткам? — спрашивает Трубецкой, кивая на недвижимое тело Апраксина.

— А у тебя есть альтернативные предложения?! — интересуются Юсуповы хором.

— Ни одного! — отвечает Андрей и первым выходит из купе. — Встретимся на завтраке!

Близнецы исчезают за дверьми выделенного им двойного купе, я вздыхаю с облегчением и ухожу к себе. В голову лезут невеселые мысли. Сегодня я приобрел первого врага. Если продолжу в том же темпе, то на обратном пути эти ребята убьют меня, как в известном детективе «Кремлевский Экспресс».

Начинаю раздеваться: чтобы принять душ и лечь спать, но меня отвлекает тихий стук в дверь. Открываю, втайне надеясь увидеть Наталью, но меня постигает разочарование: облокотившись на угол резной дубовой панели, в проеме стоит Трубецкой.

— Если ты ждал Воронцову, то она уже развлекается с Юсуповыми в их двойной каюте, — сообщает Андрей.

— А ты завидуешь или стесняешься присоединиться?

— Незачем, я же был ее первым! — отвечает парень, и на его устах появляется горькая усмешка. — Кстати, до твоего члена цепкие пальчики Елены тоже доберутся, можешь не сомневаться!

— Спасибо за предупреждение, но я вряд ли смогу устоять!

— Может, разрешишь войти?!

— Заходи! — смущенно бормочу я и освобождаю проход.

Я уже перестал опасаться, что парни узнают во мне того, с кем они дрались в особняке Воронцовых, но зачем Трубецкой пожаловал на ночь глядя?

— А Нарышкина отжигает с Романовым, — с легкой грустью произносит Андрей и останавливается перед окном.

— Эй, аристо, если ты решил скрасить одиночество и найти утешение со мной…

— Не переживай, бастард, я не покушаюсь на твою мужскую девственность! — со смехом прерывает меня Андрей, разворачивается и легко бьет кулаком по плечу. — Просто боюсь, что с Апраксиным ты в одиночку не справишься! А он сюда заявится, можешь даже не сомневаться!

Глава 13
Прибытие в Царское Село

Поезд замедляет ход, приближаясь к Императорскому вокзалу в Царском Селе. Мы прильнули к стеклам и глядим на проплывающие мимо пейзажи аккуратного, как россыпь пряничных домиков города Пушкин. Провинциальная пастораль разительно отличается от столичных реалий и живо напоминает мне Выборг, в окрестностях которого прошло мое раннее детство.

Вопреки ожиданиям Андрея, ночь прошла спокойно — Апраксин ко мне так и не заявился. На завтрак он пришел мрачнее тучи, даже доброго утра никому не пожелал, и до сих пор ни с кем не разговаривает. Лишь изредка бросает на всех быстрые, виноватые взгляды. На всех, кроме меня.

Раздается громкий гудок паровоза, и мы въезжаем на вокзал. Короткий перрон пуст, если не считать множества гвардейцев, охраняющих помпезное здание. Поезд останавливается, двери вагонов шумно распахиваются, и мы выходим на перрон. Меня окутывает влажный августовский

зной, напоенный запахами садов и парков.

Новое здание Императорского вокзала, отстроенное после грандиозного пожара, предстает перед нами во всем своем классическом великолепии. Мраморные колонны, античные портики, капители и высокие узкие прямоугольные окна придают ему историческое величие и делают похожим на летний дворец типичного аристо.

Мы заходим внутрь белокаменного здания и невольно задираем головы, любуясь росписью потолка, на котором лучшие художники Империи запечатлели величественные исторические события. Стены украшены декоративными колоннами и наборными мраморными пилястрами, а с потолка свисают тяжелые бронзовые люстры в россыпи хрустальных подвесок.

Наше внимание не сразу обращается на встречающую нас делегацию, стоящую у выхода. Во главе — невзрачный человечек в чёрном сюртуке, совершенно седой, с пышными бакенбардами. Его пухленькие ручки сложены на выпирающем животике, а взгляд скрыт под толстыми стеклами очков в роговой оправе.

— Добро пожаловать в Царское Село! — громко обращается он к нам, и зычный голос возвращает нас на грешную землю. — Меня зовут Лев

Леопольдович, и я буду вашим проводником и помощником в предстоящие две недели, которые вы проведете в Александровском дворце.

Старичок приглашает нас занять места в приготовленных лимузинах. Пять черных Руссо-балтов выстроились вереницей, а у их дверей застыли водители в черных же костюмах и белых перчатках. Я ощущаю себя не в своей тарелке, но мои новые приятели ведут себя как рыбы в воде. Для них это привычный с детства ритуал.

Романовы занимают первую машину, братья Юсуповы — вторую. Андрей Трубецкой берет меня за локоть и настойчиво тянет вперед. Мы садимся в мягкие кожаные сидения лимузина, и нас окутывает стерильная кондиционированная прохлада.

Машина плавно трогается с места, и мы расслабляемся в роскошных креслах. За тонированными стеклами проплывает великолепный парковый ансамбль, и я ощущаю острое желание выскочить из бронированной металлической коробки, снять туфли и босиком побежать по траве.

— Никогда здесь не был! — признается Андрей. — Красиво, конечно, но после множества восторженных отзывов, я ожидал большего! Наше загородное имение ничуть не хуже!

В устах кого угодно другого эти слова прозвучали бы как проявление аристократической спеси, но интонации Трубецкого просты и искренни. Он даже бастардом умудряется называть меня так, что не возникает и тени обиды.

— У меня вся спина болит после ночи на узкой кушетке! — сообщает мне Андрей, отвлекшись от созерцания зелени за окном. — Ты, как радушный хозяин, мог бы уступить мне свою кровать!

— Договорились, на обратном пути ночуем в твоем купе: я — на кровати, а ты — снова на кушетке! — парирую я.

— Я надеюсь, что вы с Апраксиным помиритесь и надобности в совместных ночевках отпадет! — с усмешкой отвечает Андрей. — Проснувшись, я бы предпочел увидеть личико симпатичной проводницы, а не твою заспанную рожу!

— Вот она — ограниченность истинного аристократа: наследниц даже не рассматриваешь, а в скудных эротических фантазиях — проводница, да и та — в единственном экземпляре! — я ухмыляюсь. — Презренный аристо, ты пал в моих глазах!

— Да я бы всех наших наследниц в гарем собрал! — мечтательно произносит Трубецкой, картинно закатив глаза к потолку. — А если повесить на их

лебяжьи шейки амулеты безмолвия — вообще бы из общей постели не вылазил!

— Да ты прожженный циник! — фыркаю я.

— Кто бы говорил! — парирует Андрей. — Ткни наугад в ленту светских новостей Телеграфа — и увидишь отчет о твоих амурных похождениях! Пишут, ты даже Темную охмурил!

В синих насмешливых глазах Трубецкого разгорается искренний интерес, и я хочу отключить самоконтроль. Хочу стать самим собой, веселым и простодушным Симпой, и честно признаться, что охмурили как раз меня, но в памяти всплывает предостережение сестры Андрея, и я давлю порыв искренности в зародыше.

— Сплошные домыслы и клевета! — с улыбкой заявляю я и поднимаю правую ладонь. — Оцени трудовые мозоли!

— Вы ведете себя недостойно истинного аристократа, Александр! — гневно восклицает Андрей, его лицо вытягивается, а глаза вспыхивают от возмущения.

Едва я успеваю обомлеть от его реакции, как выражение лица Трубецкого меняется, и на нем появляется заговорщицкая улыбка.

— За две недели я тебя уделаю! — гордо произносит он и показывает обе ладони.

Улыбка сползает с красивого лица, и оно сразу теряет привлекательность.

— В постель к девочкам мне путь заказан, — продолжает Андрей и начинает загибать пальцы. — Романова — наследница Престола, яйца к ней не подкатишь, Нарышкина — пассия и нареченная самого Цесаревича, а Воронцова…

Андрей замолкает на полуслове и отворачивается к окну.

— Не хочешь делить ее с Юсуповыми? — осторожно предполагаю я.

— С ними, и еще десятком парней, — с горечью добавляет он, а затем поворачивается ко мне и наклоняется ближе. — Как раз перед поездкой сюда отец сообщил о моей помолвке!

— Колись — кто твоя будущая невеста? — спрашиваю я, изображая искренний интерес, хотя на самом деле мне наплевать.

— Ты же умеешь хранить тайны? — с притворным сомнением спрашивает Андрей.

— Честное благородное слово тебя устроит или требуется клятва на крови? — с иронией уточняю я.

— Я тебя знаю всего пару дней, бастард, — оправдывается Трубецкой, и снова «бастард» в его устах звучит совершенно необидно. — Ладно,

все равно скоро в Телеграфе напишут…

Он выдерживает театральную паузу и пристально смотрит на меня, прищурив глаза и сжав губы.

— Ее имя — Елена Воронцова! — сообщает Андрей и сразу сникает, как будто из него выпустили воздух. — Наши папаши уже обо всем договорились, а я даже видеть эту шалаву не хочу! Убил бы того парня, который расстроил помолвку Цесаревича с этой шлюхой!

Трубецкой с остервенением бьет кулаком в обитую черной кожей дверь лимузина, и я благодарю Разделенного, что все еще не узнан. Синие глаза пылают от гнева, и я хочу спрятать собственное лицо за карнавальной маской.

— Воронцова в курсе?! — спрашиваю я.

— Конечно! — восклицает он. — Потому и трахается с Юсуповыми демонстративно — мне назло! Она и до тебя доберется, даже не сомневайся!

На меня снисходит прозрение! Я сажусь рядом с Андреем и крепко сжимаю его плечо.

— Так ты поэтому спал в моем купе — боялся, что она придет ко мне?!

— Должен же остаться хотя бы один парень в Российской Империи, с которым она не переспала?! — произносит он, повернувшись ко мне.

Только теперь я замечаю в его глазах боль. Забери меня Тьма, парень все еще любит эту стерву! Перед мысленным взором возникает образ Мины, и только в этот момент я осознаю, что мы с Андреем похожи. Портрет манипулятора, актера и расчетливого циника, нарисованный его сестрой, легко применим и ко мне.

— Я догадался, ты хочешь пригласить меня на свадьбу дружком?! — спрашиваю я и озорно подмигиваю.

— А это мысль! — говорит Андрей и заливисто смеется, разом выплескивая терзающие его гнев и печаль. — Ты будешь единственным среди гостей, кто не переспал с моей будущей женой!

— На твоем месте я бы не был в этом уверен — до свадьбы еще много времени!

— Гребаный бастард!

— Гребаный аристо!

Мы скрепляем наш мальчишеский договор крепким рукопожатием, и я осознаю, что обрел первого настоящего друга. Первого среди чистокровных аристо. При случае я обязательно спрошу Андрея о том, что случилось между ним и Воронцовой в прошлом; о том, чего не знает даже его сестра.

Трубецкой замолкает и, погрузившись в раз-

думья, смотрит в окно на проплывающие мимо деревья. Затем он поворачивается, и взгляд тёмно-синих глаз фокусируется на мне.

— Признайся, бастард: ты неравнодушен к Наталье, или просто пользуешься её симпатией?

— А ты уверен, что симпатия существует?

— Я вижу ее также ясно, как смятение в твоих глазах! — отвечает Андрей с усмешкой. — А вот тебя раскусить не могу!

— У меня на нее стоит, если ты об этом!

— У меня — тоже, но речь о другом, — продолжает пытать меня Трубецкой. — Я говорю о пламенных чувствах и сердечных страстях!

— Да ты романтик, аристо!

— Рыбак рыбака видит издалека, бастард!

— Насчет пламенных чувств не уверен! — отвечаю я, почти не кривя душой. — Не забывай, что я не знаю девчонок много лет, как ты!

Я бы хотел признаться, что медленно, но верно влюбляюсь в его сестру, но чувствую, что время для столь искренних разговоров еще не пришло. Да и сам Андрей еще ни разу не спросил меня об Ольге.

— Ты не знаешь никого из нас, — задумчиво произносит Андрей. — Возьмем, к примеру, нежно любимого мной Цесаревича. Алексей к тебе так

и льнет: в последнее время он вообще лапочкой стал, а не тем избалованным засранцем, каким мы его привыкли видеть, а ты принимаешь его поведение за чистую монету!

Я мог бы возразить и озвучить похожие мысли, но благоразумно держу их при себе.

— И в чем причина такой переменчивости? — задаю я нейтральный вопрос. — Быть может, виновата Нарышкина? Возможно, она та ещё штучка в постели?!

— Не знаю, я с ней не спал!

— Не стоит сокрушаться по этому поводу столь сильно!

— Грязный бастард!

— Грязный аристо!

— Кто знает, что у нашего лапочки на уме, — Андрей пожимает плечами. — Как бы хорошо ни подмахивала Нарышкина и ни поднимала ему настроение, рядом с тобой он ведет себя неестественно, и поверь, это замечаю не только я!

— У меня нет никаких версий по этому поводу!

— Будь осторожен, мой друг! — мягко произносит Андрей, сжимая мое плечо. — Не забывай, что в этом серпентарии друзей каждый плетет свои интриги, в том числе и я!

— Это предупреждение?

— Просто констатация факта!

Игры внутри игр внутри игр. Я хочу поинтересоваться, в какую играет со мной Трубецкой, но не хочу разрушать хрупкое, только что установившееся между нами доверие. Он обязательно расскажет обо всем сам, и довольно скоро. Я в этом даже не сомневаюсь.

Отслеживая лицемерные улыбки и загадочные взгляды моих новых друзей, я осознаю, что каждый из них стремится к своей цели. Но я уверен, что смогу вписаться в этот калейдоскоп интересов, не потеряв при этом себя. Наследники Великих Родов разыгрывают драмы и плетут интриги, но исподволь управлять ими буду я. Это лишь вопрос времени.

Став частью высшего аристократического общества, я быстро понял, что игры — неотъемлемая часть его существования. А если надеешься стать ферзем, то придется прикидываться слабой пешкой и участвовать в сложных многоходовках. Я должен распознавать комбинации, разыгрываемые тяжелыми фигурами, словно шахматный гроссмейстер, играющий на нескольких досках одновременно. И я стараюсь, стараюсь как могу, чтобы остаться собой и получить долгожданную свободу.

Мы подъезжаем к роскошной громаде Александровского дворца, и кортеж останавливаются у входа. На крыльце выстроилась многочисленная челядь — встречает высоких гостей. Позы безусловного подчинения, испуганные взгляды и подобострастные, фальшивые улыбки. Для моих новых друзей-аристократов это привычное зрелище, но у меня, привыкшего к более скромному образу жизни, оно вызывает лишь легкую улыбку.

Слуги бросаются к лимузинам, распахивают черные дверцы, и мы покидаем обшитые кожей салоны. Под хор нестройных приветствий поднимаемся по широким ступеням, проходим сквозь небольшой строй гвардейцев в парадной форме и оказываемся в вестибюле. Переступив порог, мы волшебным образом переносимся в другое измерение, погружаясь в пафосное великолепие интерьеров, которое так любит российская знать.

Вытянутый прямоугольный вестибюль блещет изысканной роскошью. Узкие, высокие окна рассеивают солнечный свет, мягко освещая наборные мраморные полы. Цветные витражи, изображающие древние гербы Великих Родов, украшают арку над главной лестницей. Перед

входом расположился фонтан, который окружают статуи семи воплощений Разделенного Бога. В его центре возвышается огромный хрустальный Кристалл, с вершины которого в мраморную чашу стекают потоки воды.

Цесаревич поднимается по ступеням и останавливается под гербом Зеленого Императорского Рода.

— Друзья! — обращается он к нам, переключая внимание на себя. — Мы с Натальей безумно рады приветствовать вас здесь! Это будет наш первый по-настоящему классный отдых, потому что мы проводим его без скучного старичья!

По лестнице спускаются слуги с подносами, уставленными бокалами шампанского и лёгкими закусками.

— Чувствую себя постояльцем пятизвёздочной гостиницы, — шепчет Трубецкой, толкая меня локтем.

— Поверю твоим словам, потому что презренный бастард провел всю свою жизнь в казенном доме, — отвечаю с ироничной улыбкой.

— Ещё неизвестно, что лучше сказывается на нас — вот эта вычурная роскошь или спартанские условия, — ехидно замечает Трубецкой, указывая глазами на наследника Престола.

Цесаревич продолжает свою речь, предлагая нам насладиться всеми прелестями летнего отдыха, и мы наслаждаемся. Пьем шампанское, закусывая розетками с черной и красной икрой, флиртуем и ведем ничего не значащие разговоры.

Наталья Романова покидает компанию брата и направляется к нам.

— Доброе утро, мальчики. В поезде вы так увлеклись друг другом, что даже завтрак проигнорировали!

— Если честно, мы проспали, — смущенно отвечаю я. — И признаюсь вам как на духу, дорогая Натали: с удовольствием променял бы компанию Андрея на вашу!

— Ты — предатель! — восклицает Трубецкой с деланным возмущением.

Его фраза вызывает у меня неприятные ассоциации, и я с трудом сохраняю безмятежную улыбку на лице. Ведь в аристократическом обществе слова могут иметь скрытый смысл, а ирония приниматься всерьез.

Андрей хлопает меня по плечу, бьет бокалом о край моего, делает глоток, а затем — шутливый реверанс.

— Андрей, ты прирожденный мастер диплома-

тии, — с сарказмом замечает Наталья. — Да еще и актер от бога, как и Александр!

Мне становится не по себе: снова игра слов и игра смыслов. Сначала про предательство, а затем про актерское мастерство. И то и другое имеет ко мне непосредственное отношение, и мне не нравятся эти завуалированные намёки.

— Что по поводу окружающего великолепия скажет наш друг бездарь? — обращается ко мне подошедший Апраксин.

Мы не общались со вчерашнего вечера, и я замечаю, что парня кто-то успел подлечить. Судя по всему, добродушная Воронцова. Она стоит поодаль от нас в компании братьев Юсуповых. Счастливо улыбающуюся троицу объединяют черные круги под глазами — свидетельства проведенной совместно бурной ночи.

— Доброе утро, Олег, — отвечаю с улыбкой. — Оно столь же впечатляюще, сколь и наша вчерашняя игра!

Апраксин хмурится, но держит удар и не демонстрирует злости или обиды.

— Игра была хороша — я даже в живых остался! — говорит он, натянуто улыбаясь. — Наша Елена — настоящая чудотворица!

Мы смеемся, но эта сцена ярко демонстрирует,

что аристократическая жизнь — это спектакль, где каждый играет свою роль, лишь иногда выходящую за привычные границы.

— Я же говорил тебе, что утром Олег будет лапочкой, — ухмыляется Трубецкой. — Ставлю червонец, что сегодня он будет ласков с тобой как котёнок. А вечером попросит простить проигрыш в карты.

— И что бы ты сделал на моем месте? — спрашиваю я, искоса поглядывая на угрюмо молчащего Апраксина.

— А это зависит от твоих планов, — отвечает Трубецкой. — Если хочешь нажить врага — не прощай. Если хочешь получить лояльного приятеля, когда он трезвый, прости часть. А если хочешь иметь друга — проиграй сегодня в два раза больше!

— Я непременно последую одному из твоих советов! — отвечаю я Андрею и чокаюсь с Апраксиным.

Хочу, чтобы этот спектакль закончился как можно скорее, хочу сбежать в спальню и остаться в одиночестве. Нет, не в одиночестве. Хочу уединиться с Ольгой, которая осталась в Москве. Хочу сидеть с ней перед панорамным окном, держась за руки, и молча любоваться голубым до одури

небом. Небом, в котором щедро плещется такая далекая от меня свобода.

Входные двери за моей спиной открываются, и на пороге возникает Князь Бестужев-старший собственной персоной.

Глава 14
Князь Бестужев гневается

Князь Бестужев-старший изволят гневаться. Его лицо выражает явное недовольство, а взгляд исподлобья остер, словно лезвие стального клинка. Тяжелые веки слегка подергиваются, выказывая внутреннюю напряженность и раздражение.

— Утро доброе, ваши величества и высочества! — фиглярствует он, следуя придворному этикету лишь формально. — В поезде произошло недопустимое для аристократов событие! Мало того что вы, будучи несовершеннолетними, играли в карты на деньги, и, насколько я знаю, кое-кто из вас проиграл целое состояние, так еще и устроили драку на потеху слугам и официантам! Вы запятнали честь чистокровных аристократов! В телеграфе только и пишут о случившемся!

Бестужев фиксирует гневный взгляд на моей скромной персоне и выдерживает драматическую паузу, давая понять, что выражение «чистокровный аристократ» ко мне не относится.

— Подобное поведение недопустимо в нашем обществе! — продолжает он. — Аристократ

должен демонстрировать высокие стандарты морали, а не погружаться в пошлые забавы, достойные черни! Ваша безответственность привлекает внимание не только общественности, но и прессы, что может запятнать честь всех Великих Родов Империи!

Командующий Императорской Гвардией вперяет взгляд в Цесаревича.

— И не думайте, что вам все сойдет с рук — Императору уже доложено о случившемся! — Бестужев делает паузу, чтобы мы осознали важность проблемы. — Вы должны изменить ваше поведение на публике и вести себя в соответствии с высокими требованиями Дворянского Кодекса! Иначе ваше место в аристократическом обществе может быть под серьезным вопросом!

Князь обращается к нам с суровым выражением лица и говорит громким голосом, отчетливо и отрывисто, выделяя каждую фразу. Слова звучат резко и непреклонно, словно удары хлыста.

— Вам предстоит провести две недели в Александровском дворце! Когда Император сделал этот щедрый подарок, он и помыслить не мог о том, что будут творить наследники Великих Родов! Царское Село — символ величия Российской Империи, место, где аристократия должна

поддерживать и укреплять свои традиции, а не погружаться в вакханалию и разврат! Наплевав на благородство и высокие идеалы, вы предпочли позор и общественное осуждение! Помните, что ваша репутация — не только отражает ваше собственное достоинство, но и влияет на родословную ваших потомков и даже на благосостояние всей Империи!

Бестужев переводит дух, оглядывает нас по очереди, считывая реакцию на собственную пафосную речь, а затем продолжает.

— Императорский дворец — не место для детских шалостей и легкомысленных утех! Не забывайте, что будущее нашей великой державы зависит от вас! Есть время, чтобы исправить допущенные ошибки, иначе вас ждет не только утрата благосклонности первых лиц Империи, но и лишение прав и привилегий, которые были дарованы исключительно по милости Императора!

Во время зубодробительной речи взгляд Князя Бестужева чаще всего останавливается на мне и Олеге Апраксине. И ежу понятно, что основную ответственность за произошедшее должны нести мы, но нас прикрывает сияющий нимб над челом Цесаревича.

— Какой же он нудный и скучный! — шепчет Трубецкой, практически не шевеля губами. — Прыщ на ровном месте, но всегда читает морали! Мне отец столько голову не промывает, сколько Бестужев! А сам все бордели Москвы и Питера обошел, праведник хренов, Тьма его забери!

Андрей отводит глаза в сторону, изображая полное равнодушие к словам князя Бестужева.

— Он еще и дуэлянт заправский, — добавляю я, сохраняя при этом серьезное выражение лица.

— Вы с детства привыкли к бурной жизни и веселью, но не забывайте, что каждый из нас несет ответственность за будущее Российской Империи! — продолжает Бестужев. — Мы обязаны не только сохранить, но и укрепить величие нашей страны!

— Господин Бестужев! — восклицает Цесаревич, улучив паузу между гневными тирадами князя. — Все случилось по недоразумению, в котором повинен я. Мы уже сделали выводы. Ребята поговорили, обсудили вчерашнюю ситуацию и извинились друг перед другом. Инцидент исчерпан. Просим прощения за то, что вам пришлось мчаться из Москвы в Санкт-Петербург, чтобы учить нас уму-разуму. Мы благодарны за ваше внимание и заботу. Я уверен, что в будущем по-

добное не повторится!

— Дело не в прощении и не во времени, которое я потратил на поездку сюда. Дело в вас! Дело в вашем непонимании одного из главных принципов существования Империи: аристократ потому и называется аристократом, что ведет себя должным образом! — говорит Бестужев, гневно сверкая глазами. — А вы позорите завоеванные кровью предков титулы и даете повод бездарям называть нас презрительной кличкой «аристо»!

Князь Бестужев снова обводит нас сердитым взглядом.

— Больше никаких игр в карты! Никаких драк! Если я услышу о дуэли, пропущу участников через строй гвардейцев с шомполами в руках! И не думайте, что я бросаюсь пустыми угрозами! Я озвучиваю приказ Императора! И вас, Ваше Высочество, это тоже касается!

Цесаревич покорно склоняет голову перед князем Бестужевым.

— Ваша Светлость, мы благодарны за ваши слова и готовы неукоснительно следовать указаниям Императора. Наша цель — служить Российской Империи и поддерживать ее величие. Мы будем бережно соблюдать все установленные правила и подчиняться великим принципам нашего

общества!

Цесаревич делает несколько шагов вперед и поворачивается к нам.

— Друзья, давайте помнить, что мы представляем не только себя, но и Великие Роды России, — обращается он к нам, подчеркивая собственный статус первого среди равных. — Давайте вести себя соответствующим образом и делать все возможное для сохранения благородства и чести наших домов!

— Что ж, будем считать инцидент исчерпанным! — раздраженно заключает Князь Бестужев, явно недовольный вмешательством Алексея Романова. — Я прошу господ Апраксина и Шувалова подойти ко мне и пожать друг другу руки!

Мы с Олегом обмениваемся понимающими взглядами и выходим вперед. С выражением уважения на лицах мы скрепляем наш безмолвный договор о нейтралитете крепким рукопожатием. Князь удовлетворенно кивает, соглашаясь, что инцидент, действительно, исчерпан.

— Господа, я надеюсь, что в будущем ваши поступки будут соответствовать статусу и наследию, которые вы несете! — с пафосом произносит Бестужев, заканчивая процедуру примирения.

Он прощается с нами и покидает холл дворца,

а вперёд выступает Лев Леопольдович.

— Дамы и господа, говорит он, ваши комнаты готовы, вещи разложены, а в ресторане ждёт лёгкий завтрак! Вы можете немного отдохнуть с дороги и принять душ! Добро пожаловать в Александровский Дворец!

Лев Леопольдович лично ведет нас в гостевое крыло, останавливается перед дверьми апартаментов и выдает электронные ключи, вид которых диссонирует со старо-имперским дизайном помещений.

Всех кроме Юсуповых и Романовых расселили в стандартных гостевых номерах. Братьям, как обычно, достался сдвоенный, а наследникам короны — царские люксы, расположенные в конце коридора.

Я едва успеваю принять предложенный душ, как слышу негромкий стук в дверь. Оборачиваю бедра полотенцем, открываю и вижу перед глазами улыбающуюся физиономию Андрея.

— Ты меня преследуешь, аристо? — спрашиваю я, подражая интонациям питерских гопников — для полноты образа не хватает лишь смачного плевка на дорогой ковер.

— Нет смысла, потому что у тебя есть два чудовищных недостатка: отсутствие груди третьего

размера и присутствие уда! — язвит Трубецкой и заваливается в комнату.

Он подходит к окну и начинает декламировать Александра Блока.

— Бегут неверные дневные тени.

— Высок и внятен колокольный зов.

— Озарены церковные ступени,

— Их камень жив и ждет твоих шагов…

Андрей поворачивается ко мне, и я вижу на его породистом лице грустную улыбку.

— Нам осталось всего две недели свободы, — задумчиво произносит он, приглаживая мокрые волосы.

— До начала обучения в Академии? — уточняю я со всей беззаботностью, на которую только способен.

— До Инициации! — отвечает он, и я отчетливо слышу в его голосе нотки отчаяния. — Ты не боишься?

— Нет, какой в этом смысл? — я пожимаю плечами. — А должен бояться?

— Мы оба должны переживать: чем выше по радуге — тем ближе к Тьме…

Андрей внимательно смотрит в мои глаза, будто хочет прочитать в них ответ на свой невысказанный вопрос: знает ли вновь испеченный

аристо, а в недалеком прошлом — бастард, о риске оказаться Темным.

— Тебе не нравится черный цвет? — с иронией спрашиваю я, оставляя ему пространство для маневра.

Трубецкой молчит, продолжая меня гипнотизировать. В широко распахнутых синих глазах отражается напряженная работа мысли: парень размышляет о том, можно мне доверять или нет.

— Инициация, затем два года учебы, свадьба…

Он решил не развивать тему риска оказаться Темным, не ступать на тонкий лед, прогулка по которому может закончиться каторгой. Что ж, первую проверку я не прошел. Точнее, прошел не на все сто. Полное преодоление недоверия еще впереди.

— Я же уже пообещал тебе, чтобы буду дружком?! — я подхватываю новое направление беседы.

— Свадьба ждет нас обоих, бастард! — Андрей ухмыляется.

— Твоя фраза звучит несколько двусмысленно, аристо! — я смеюсь, пожалуй, чересчур наигранно.

— Я на твое сердце не претендую! — отвечает Трубецкой и подмигивает. — Даже не мечтай!

— Может, ты и имя моей невесты назовешь?

— А ты не ознакомился с новыми обязанностями, когда в Род вступал? — спрашивает Андрей, удивленно подняв брови.

— Ты об обязательной женитьбе до полного совершеннолетия? — я отвечаю вопросом на вопрос, чтобы не упоминать о том, что контракт еще не подписан. — Я не наследник Великого Рода Фиолетовых, и сия участь мне не грозит!

— Пока не наследник! — Андрей направляет на меня указательный палец. — Я даже не сомневаюсь, что разговариваю с будущим Великим Князем Шуваловым!

А я не сомневаюсь, что ты обхаживаешь меня только по этой причине, думаю я и с удивлением отмечаю, что очевидная мысль пробуждает во мне обиду. Обычную детскую обиду, которая вызывает неконтролируемое желание язвить собеседника почем зря.

— Не уверен, что этого хочу! — искренне признаюсь я.

Признаюсь вместо того, чтобы задать вертящийся на языке вопрос: «Ты, как и Цесаревич, льнешь ко мне лишь потому, что видишь перед собой будущего наследника Фиолетовых? Или дружба и доверие для тебя что-то значат?».

— Давай лучше вернемся к упомянутой тобой свадьбе! — предлагаю я, отогнав детскую обиду. — Кто моя будущая избранница? Я ее знаю?

Андрей мрачнеет. Его улыбка гаснет, на высоком лбу вздувается вертикальная жила, а носогубные складки углубляются, придавая красивому лицу хищное выражение.

— Наследственность располагает к союзам между тремя Великими Родами: Голубыми, Синими и Фиолетовыми — мы близки по спектру Силы, — задумчиво произносит Андрей.

Наследственность, значит. В моем мозгу вихрем проносится мысль о наших отношениях с Трубецкой, которые возникли лишь благодаря действиям Великого Князя Шувалова. Заранее спланированным действиям. Если это так, то возможная помолвка с Романовой, которую он сам же инспирировал, расстроит планы старика.

— Ставлю червонец, что тебя женят на Романовой, несмотря на генетику! — уверенно продолжает Андрей. — Не скажу, что тебе завидую, но я бы не отказался!

— Ты хочешь править Империей?!

— Я хочу трахать зеленоглазую красавицу с третьим размером! — возмущенно отвечает Трубецкой.

— А я бы от голубоглазой не отказался!

— Надежды юношей питают! — с чувством произносит Андрей. — Одевайся и пойдем на завтрак — устроим пиршество если не для плоти, то хотя бы для глаз!

Нам выделили гостевой ресторанный зал. Золотая и серебряная посуда вычурных форм дополняет помпезную роскошь интерьеров. На раздаточном столе деликатесы соседствуют с простыми, народными блюдами, в воздухе витают ароматы свежевыпеченного хлеба, изысканных сыров и копченостей, и во мне просыпается неимоверный аппетит.

Среди деликатесов расставлены фигурные тарелки из армянского лаваша с копченой уткой в яблочном соусе, с бараниной под клюквой и разнообразными закусками из морепродуктов, включая устрицы и креветки. На серебряных блюдах разложены сырные, колбасные и рыбные нарезки, а в широких приплюснутых вазах — изысканные фрукты и десерты.

Я мысленно прощаюсь с рельефным прессом, но мое внимание привлекает сцена, разыгрывающаяся в противоположном углу зала.

— Довыпендривался?! — зло спрашивает Цесаревич Апраксина. — Мне едва удалось спровадить

Бестужева из дворца! Сколько раз просил тебя ни нажираться как сапожник! Неужели так трудно держать себя в руках?!

— Я был неправ, — отвечает Апраксин, понуро свесив голову — он старательно прячет глаза, чтобы Алексей не заметил плещущийся в них гнев.

— Неужели ты думаешь, что отделаешься извинениями? — Цесаревич качает головой с недоумением. — Ты чуть не испортил нам двухнедельный отдых! Если хочешь провести его под чутким надзором Бестужева — отжигай дальше, но имей в виду: мы просто спровадим тебя домой! К привычным оргиям в вашей высотке!

Апраксин молчит и все так же смотрит на мраморные плиты пола. Его виноватое лицо явно раздражает Цесаревича, и он сыплет угрозами, распаляясь все больше и больше.

— Я все понял, Алексей! — виновато произносит Апраксин и сокрушенно кивает.

Цесаревич молча гипнотизирует Олега еще с полминуты, а затем выражение его лица меняется. Венценосное чело разглаживается, губы расплываются в радушной улыбке, а взгляд обращается на нас.

— У нас в программе прекрасный завтрак с Крымским шампанским, дамы и господа!

— Теперь узнаю нашего Цесаревича, — шепчет мне Трубецкой с глумливой ухмылкой, — а то в последнее время он сам не свой!

— Алексей всегда командует? — спрашиваю я.

— С детства! — отвечает Трубецкой

Возможно, Цесаревича гнетет тяжесть его положения и постоянное нахождение под пристальным вниманием, и он пытается соответствовать ожиданиям. А меня воспринимает как чужака, как случайного попутчика в поезде, с которым можно сбросить маску и быть самим собой. В этом мне еще предстоит разобраться.

Столики на двоих в ресторанном зале невелики и расставлены довольно далеко друг от друга, что создает атмосферу уединения и приватности. Роскошное классическое оформление зала соответствует величественному стилю всего дворца. Я словно переместился в прошлое, где каждая деталь интерьера погружает в атмосферу элегантности и величия.

Я оглядываю свой наряд: белая футболка с изображением могучего бурого медведя в имперской короне, черные шорты до колен и спортивные кеды. Все остальные одеты примерно так же, даже наши красавицы и совершенно не чувствуют дискомфорта, хотя среди мрамора и позолоты

мы выглядим как электрические лампочки в бронзовых канделябрах.

Не сговариваясь, мы с Трубецким занимаем один столик. Краем глаза я замечаю, что Наталья Романова следовала по направлению ко мне, но увидев плюхнувшегося напротив Андрея, сменила траекторию и составила компанию Елене Воронцовой.

Даже не знаю, с кем бы я предпочёл разделить трапезу, если бы у меня был выбор. Цесаревич присоединился к Нарышкиной, Юсуповы ожидаемо заняли общий столик, и только Апраксин уселся в углу вдалеке от всех.

— Хорошее начало дня! — заявляет Андрей, лучисто улыбаясь, и жестом подзывает официанта. — Думаю, что за это стоит выпить!

Официант склоняется над столиком и наполняет фужеры шампанским. Пить настроения нет: компания этих испорченных юношей и девушек мне не нравится, и предстоящие две недели отдыха представляются нескончаемой пыткой. Но я надеваю на лицо широкую искреннюю улыбку, киваю Андрею и беру в руки фужер.

— Наступило время для отдыха и развлечений! — кричит Андрей на весь зал. — Не будем же терять его понапрасну!

— За веселье! — кричу я алаверды, поднимая фужер.

— За приключения! — громогласно восклицает Цесаревич, привычно беря инициативу в свои руки.

Все вокруг шумят, звенят бокалами и пьют искрящееся шампанское. Надвигающаяся атмосфера праздника кажется приятной и невесомой, но меня тревожат мрачные предчувствия, которые не в силах развеять даже несколько бутылок Крымского.

ого.

Глава 15
Бой с Цесаревичем

Боевой модуль дополненной реальности в Александровском дворце той же модели, что и в высотке Фиолетового Рода. Огромный стеклянный цилиндр позволяет имитировать различные режимы боя, в том числе с использованием Силы без риска уничтожения соперника. Сражающихся защищают мощные артефакты, связанные с суперкомпьютером и учебными комплектами высокотехнологичной брони.

Идеальная система для убийства аристо, если поразмыслить. Любую случайную смерть можно списать на ошибку электроники или артефакторики, и ни один служака Тайного сыска или Тайной же канцелярии не докажет обратного.

Мы с Цесаревичем молча стоим друг перед другом в центре модуля. Снаружи собрались все наследники и наблюдают за нами через толстые бронированные стекла. Бестужев-младший и четверо гвардейцев в полном боевом облачении охраняют нас то ли от внешней угрозы, то ли от самих себя. Бестужев заметно нервничает и

заставляет нервничать меня.

— Оставьте нас! — неожиданно приказывает Алексей, не отрывая пристального взгляда от моего лица.

Я невольно вспоминаю угрозу, высказанную Романовым в Особняке Воронцовых, и внимательно смотрю в темно-зеленые глаза.

— Алексей Николаевич, это грубое нарушение утвержденных протоколов безопасности! — возражает Бестужев. — Я не имею права…

— Оставьте! Нас! Наедине! — повторяет Наследник Престола, выделяя каждое слово, и обводит зрителей угрожающим взглядом.

Радужки Романова светятся двумя изумрудами, и все понимают, что это не просьба, а приказ. Приказ будущего Императора, уже прошедшего Инициацию и владеющего Силой. Первыми ретируются гвардейцы, наши приятели аристо нехотя следуют за ними, а Бестужев уходит последним. Словно капитан, покидающий подбитый корабль.

Спортзал пустеет, и на нас обрушивается абсолютная тишина. Взгляд Алексея обращается на меня, и я с удивлением фиксирую произошедшие с ним изменения. Радужки Цесаревича погасли, а носогубные складки разгладились, стерев с

красивого лица властное выражение.

— У меня возникло предчувствие, что я проиграю, — произносит Цесаревич извиняющимся тоном. — А проигрывать тебе прилюдно я не готов…

— Наследнику Престола негоже покоряться презренным бастардам, — соглашаюсь я, разыгрывая обиду и формируя в душе Алексея легкое чувство вины. — Я бы на твоем месте поступил так же.

— Я рад, что мы поняли другу друга, — заявляет Цесаревич с явным облегчением, награждая меня благодарным взглядом.

А затем срывает с себя боевой костюм. На его груди нет Осколка. Показное бесстрашие или показное же доверие?

— Раздевайся! — то ли предлагает, то ли приказывает он. — Хочу сразиться с тобой так, как это делали наши предки — без навороченных систем безопасности, защищающих от каждого чиха!

Неожиданный поворот. Не выказывая ни тени сомнения, я сбрасываю боевой костюм, и мы остаемся в одних лишь плавках. Осколок я тоже не надел, потому что знал, что придется обнажаться в одной раздевалке с другими парнями.

Алексей оглядывает мою мускулатуру с одоб-

рением. Восхищения или зависти в глазах нет — Романов в прекрасной форме, и рельеф его мышц ничуть не уступает моему.

Я чувствую неприятный холодок в зоне солнечного сплетения. Внимательно смотрю Цесаревичу в глаза, но они не выражают ничего. Неужели Алексей узнал меня и хочет убить на дуэли, как и обещал в Доме Воронцовых?

— В пылу сражения мы можем покалечить или даже убить друг друга! — вяло протестую я, хотя понимаю, что сопротивление бесполезно — Романов уже принял решение.

— Мечи виртуальные, — возражает Алексей. — Если не тыкать в глаза, отделаемся синяками, ссадинами и порезами. А сестра нас вмиг починит — как новенькие будем!

— Ладно — буду тебя колоть! — соглашаюсь я, натягивая на уста самую злобную улыбку, на какую только способен. — Ювелирно!

— Активировать боевой режим! — приказывает Цесаревич и в воздухе перед нами материализуются два меча и круглых щита.

Они наливаются сталью, и на острых контурах возникает ярко-зеленое свечение. Тьма меня забери, я и не знал, что в боевом тренировочном модуле есть такая опция!

— Эксклюзивная разработка! — уведомляет Цесаревич, будто прочитав мои мысли. — Эту модель заводы нашего Рода делают только для тренировочных модулей Зеленых.

Он берет в руку щит, бьет о него мечом, и сталь отзывается приглушенным звоном. Молча повторяю маневр Цесаревича и делаю шаг назад — за границу очерченного на полу дуэльного круга. Наверное, со стороны мы похожи на двух древнегреческих воинов из тех времен, когда о магии Света и Тьмы еще никто не слышал.

Освещение модуля начинает мерцать, а на табло загораются цифры обратного отсчета. Я смотрю не на экран с меняющимися цифрами, а в темно-зеленые радужки Алексея. Они напоминают тусклые изумруды и не выражают ничего, кроме спокойствия и отрешенности.

Цесаревич срывается в атаку в момент удара виртуального гонга, сигнализирующего о начале боя. Его меч и щит начинают светиться — их окутывает зеленое поле. Периферийным зрением отмечаю, что вокруг моей амуниции тоже появляется дымчатый ореол.

Алексей занимает центр дуэльного круга и начинает свой завораживающий танец. Светящийся клинок со свистом рассекает воздух,

смертоносный металл мелькает у меня перед глазами, и я едва успеваю уклоняться от молниеносных выпадов.

Цесаревич ведет разведку боем и выискивает мои слабые места. Он использует древнюю и проверенную технику: несколько секунд наступления, затем резкое отступление. Мгновенная оценка ситуации после каждого такта, и снова атака. Музыкальный размер четыре четверти с акцентом на второй и четвертой доле.

Боевой модуль дополненной реальности погрузился в безмолвие, нарушаемое лишь резким свистом клинков, звоном ударов стали о сталь и жужжанием электромагнитных полей: щиты вспыхивают белым, когда на них обрушиваются сокрушительные удары клинков. Наверное, так должна звучать симфония смерти под аккомпанемент нашего шумного дыхания.

Цесаревич в отличной форме. Его ноги быстро скользят по мягкому покрытию, шаги подчинены четкому ритму, гуттаперчевое тело послушно изгибается, подчиняясь безошибочным командам мозга.

Дыхание Алексея ровное и спокойное. Оно не сбивается, когда парень раз за разом делает выпад и обрушивает на меня очередной град ударов.

Молниеносные движения, совершенная техника, отточенная с помощью лучших мастеров Великого Рода Романовых: Цесаревич — великолепный боец!

Вполне понятно, почему в компании наследников он с детства считается непобедимым противником, и ему не смеет перечить даже Андрей Трубецкой, слывущий заправским бойцом. Друзья Цесаревича и будущие соправители Империи по совместительству наверняка владеют техникой боя на мечах не хуже, а вот двигается он куда быстрее. Быстрее многих, но не быстрее меня. Вот только преждевременно демонстрировать свое превосходство я не намерен.

Первый серьезный удар Алексея я пропускаю. Пропускаю сознательно, чтобы заставить его приблизиться и открыться, но он поступает иначе. Нейтрализует мой клинок щитовой атакой, резко пригибается, и правый бок взрывается болью. На пол летят капли крови, а Цесаревич уклоняется от моей контратаки и отскакивает назад, словно прыгучий мяч.

— А ты умеешь драться, — одобрительно произносит он и салютует окровавленным мечом. — Элементарной технике тебя обучили, но сложные комбинации стоит подтянуть!

Алексей делает обманное движение, будто собираясь отступить, и бросается вперед. Совершает ложный выпад щитом, блокируя мой меч, а затем обрушивает на меня множество быстрых колющих ударов. Один из них достигает цели и пронзает мое левое плечо.

Далее одна за другой следуют еще две молниеносные атаки. Я ухожу в глубокую оборону, и от последнего выпада уклоняюсь с видимым трудом, падая на колено и отклоняясь назад всем корпусом. Порез на левом предплечье я замечаю запоздало, лишь ощутив текущую по коже теплую кровь.

Цесаревич останавливается, чтобы передохнуть, и я набрасываюсь на него, словно изголодавшийся хищник. Бью его краем щита в живот и обрушиваю атаку за атакой. Мои стремительные выпады не подчиняются строгому ритму и не обыгрывают классические смертоносные комбинации.

Рваные и хаотичные последовательности ударов разрушают тщательно продуманную оборону Цесаревича, и в его глазах проявляется удивление. Защищается он безупречно, и если бы я дрался в классической манере, которой учат всех одаренных аристо, уже валялся бы на полу и

истекал кровью.

На теле Цесаревича появляются четыре пореза, а в глазах — ярость. Меня тоже захватывает горячка боя, и я вращаюсь на месте, подпрыгиваю и наношу многочисленные удары, обрушиваясь на Алексея, будто ощетинившийся светящимися клинками смерч.

Когда противник контратакует, я уклоняюсь и терпеливо жду его фатальной ошибки. Количество порезов на наших телах множится, кровь смешивается с потом, и кожа покрывается блестящими алыми потеками.

Градус агрессии растет, в моем сознании возникают внедренные Приютом истины, самая некровожадная из которых гласит: «Хороший аристо — мертвый аристо!». Цесаревич сдаваться не собирается, но в отличие от меня, им движет не привитая с детства классовая ненависть, а спортивный азарт и подсознательное неприятие проигрыша выходцу из низов.

Клинки сверкают в наших руках, очерчивают неправильные петли и окружности, и со звоном вонзаются в щиты. Через несколько минут каждый из нас едва стоит на ногах, но бой продолжается.

Мы движемся по кругу, словно дикие звери в

клетке. Для полноты картины только рычания и злобных оскалов не хватает. Мы продолжаем танец светящихся клинков, уворачиваясь от взаимных атак и контратак, нанося ответные выпады и получая новые раны.

На полу остаются кровавые следы, они становятся все гуще, а наши силы постепенно убывают. Несмотря на ранения и саднящую боль во всем теле, зрелищный спектакль для несуществующих зрителей продолжается. Наши движения становятся резче, выражения лиц — злее, а ярость прорывается в каждом вдохе и выдохе.

Алексей начинает стремительную атаку, заставляя меня отступить к краю начерченного на полу круга. Он хочет выдавить меня из него, чтобы электронная система оценки боя засчитала мне техническое поражение. Умом я понимаю, что это достойное завершение сражения, но не сердцем.

Я встречаю удар его щита своим, упираюсь ногами в пол, и мы входим в клинч, словно уставшие боксеры. Наши клинки застывают у кадыков друг друга, а лица искажаются гримасами ярости. Одно неверное движение — и из наших яремных вен прольется кровь.

Я могу зарезать Наследника Престола одним

ударом меча, и никто не обвинит меня в преднамеренном убийстве. Он может поступить со мной так же, с той лишь разницей, что в последствие не умрет от пыток в застенках Тайного Сыска, как я.

— Брейк! — хрипло предлагаю я. — Не хочу бесславной смерти!

Специально не уточняю чьей, но Цесаревич не склонен цепляться к словам. Он ослабляет давление на щит и медленно убирает нож от моего горла. Я повторяю каждое его движение и не могу удержаться от вздоха облегчения.

Мы стоим и молча смотрим друг на друга, не отводя взглядов. Наши тела все еще напряжены как пружины, а в глазах плещется азарт боя. Цесаревич наблюдает за мной сквозь прищур зеленых глаз, его челюсти плотно сжаты, а полные губы превратились в тонкую розовую черту.

— Деактивировать боевой режим! — приказывает он, мгновенно расслабляется и разжимает кулаки.

Щит и меч выпадают из его рук, но растворяются в воздухе, не долетев до пола. В тот же момент тяжесть в руках исчезает, и мои кулаки, теперь сжимающие пустоту, смыкаются. Ногти вонзаются в плоть, и только в этот момент я осознаю, что опасность миновала.

— Мне понравилось! — дружелюбно заявляет будущий монарх и подмигивает.

— Мне — тоже! — вру я, прямо глядя Алексею в лицо, и улыбаюсь.

Он верит мне, открыто улыбается в ответ и протягивает окровавленную ладонь. Мы скрепляем боевую ничью крепким рукопожатием, затем Цесаревич обнимает меня. Мы бьем друг друга по окровавленным спинам, и на пол летят брызги крови и пота.

Адреналиновая буря в крови стихает, сердце успокаивается, и я всей кожей погружаюсь в боль. Она окружает меня словно магический Покров и стекает с потного тела тонкими струйками крови.

Я покидаю дуэльный круг, сажусь на пол и с облегчением прислоняюсь к стеклянной стене. Цесаревич садится рядом и с наслаждением вытягивает ноги. Он молча разглядывает наши искаженные отражения в изогнутом стекле, и на его лице блуждает загадочная улыбка.

Какое-то время мы сидим на залитом кровью полу и отдыхаем после боя. В порезы на теле проникает пот, и я непроизвольно морщусь от боли. Пустота в мыслях резонирует с пустотой в душе: мне кажется, что я оказался на волосок от

потери себя.

— Я готов сражаться с тобой прилюдно и даже проигрывать тебе, бастард! — неожиданно говорит Цесаревич, повернув голову и пристально глядя мне в глаза. — Ты хороший боец и не уступишь никому из наших. Тебя разве что Трубецкой уложить может, но вряд ли будет это делать — слишком сильно желает заполучить тебя в друзья.

— А ты? — спрашиваю я, привычно обостряя разговор. — Чего хочешь ты?

— Мне нужны сильные и преданные союзники! — чуть помедлив, отвечает Алексей и кладет руку на мое плечо. — Мне нужен ты!

Ничего нового, моя роль полностью соответствует комбинации, разыгрываемой старым, мудрым Шуваловым. Цесаревича — в друзья, его сестру — в жены, а Ольгу Трубецкую — в любовницы, что позволит создать или укрепить союз Зеленого, Синего и Фиолетового Родов. Иногда мне кажется, что Великий Князь задумал все это еще до нашей встречи.

— Согласен! — коротко произношу я, потому что отмалчиваться в ответ на такое предложение нельзя. — Но я не наследник Великого Рода и даже Инициацию еще не прошел…

— Рано или поздно ты станешь Наследником, а Инициацию пройдешь уже через две недели, — говорит Алексей с железобетонной уверенностью. — И запомни: Великие Князья не вечны!

Он замолкает и смотрит мне в глаза. От жесткого, испытующего взгляда становится не по себе. Сильная ладонь крепко сжимает мое плечо, и темно-зеленые радужки вспыхивают.

— Если бы нам было по тринадцать лет, я предложил бы тебе разрезать запястья, смешать кровь и стать братьями, — тихо произносит Цесаревич. — Но мы много старше, и юношеской романтике уже нет места в сердце.

— В моем есть! — заявляю я неожиданно для самого себя и запоздало понимаю, что не кривлю душой.

— Я хочу продолжить наши тренировки! — деловито подытоживает Романов. — Ты обладаешь важным качеством, которое перечеркивает все недостатки в технике ведения боя!

— Каким же?! — спрашиваю я, даже не подозревая, что ответит мой визави.

— Ты не поддаешься и не сражаешься в полсилы, как это делают все!

Цесаревич горько усмехается, и правильные черты его лица искажаются в гримасе ненависти

то ли к соперникам, то ли к себе, то ли к собственному положению в обществе.

— Сегодня ночью я кое-что тебе покажу! — загадочно произносит он, и в этот момент двери спортзала распахиваются.

На пороге появляется Наталья Романова. Она бросается вперед, едва взглянув на наши окровавленные тела. Ее глаза вспыхивают зелеными огнями и стеклянные двери модуля слетают с направляющих и разбиваются о бетонные стены.

Не обращая внимания на взвывшие сирены охранной системы и мигающие аварийные светильники, Наталья врывается внутрь и опускается перед нами на колени.

— Все в порядке! — успокаивает сестру Алексей. — Тест на взаимное доверие пройден!

Зеленые радужки Натальи разгораются яркими изумрудами, и я погружаюсь в стазис. Первым пациентом целительницы становлюсь я, а не ее брат. В голову приходит дурацкая мысль: снимет она с меня трусы в этот раз или нет, и я отключаюсь.

Глава 16
Темный Кристалл

В подвалах Александровского Дворца темно и сыро. Луч фонаря выхватывает из мрака серые стены, покрытый пылью хлам и широкоплечую фигуру Цесаревича. Алексей ведет меня сквозь извилистые подземные коридоры, уверенно ориентируясь в их хитросплетениях.

Я иду за ним и тщетно пытаюсь избавиться от мыслей, преследующих меня после тренировочного боя. Он стал не только испытанием физической силы, но и актом преодоления недоверия. В мире, где магия пронизывает все и позволяет читать мысли, честная игра — редкость, ценящаяся на вес золота.

Мы долго крадемся сквозь тени и древние арки, пока не упираемся в тупик. Перед нами выростает кирпичная стена, ничем не отличающаяся от других. Цесаревич нажимает на неприметный кирпич, раздается негромкий щелчок, и в плитах пола появляется щель.

— Все мои предшественники искали проход за этой преградой, — Алексей оборачивается и

заговорщицки улыбается. — А нужно было искать под ней!

Наследник Российского Престола похож на озорного мальчишку, который собирается поделиться самой страшной тайной. На его устах появляется загадочная улыбка, словно он демонстрирует врата к чему-то невообразимо важному.

— Этот ход — тайная дорога в Пушкин, забытая всеми! — говорит Цесаревич шепотом. — Никто не знает о его существовании, даже отец и князь Бестужев!

— Мы направляемся в Пушкин? — удивляюсь я.

— Это не главная цель, — отвечает Алексей. — Наберись терпения!

Романов толкает ногой тяжелую бетонную плиту, и она бесшумно отъезжает под стену. В полу открывается квадратный люк, ведущий в темную глубину. Из него веет сыростью и холодом.

— Это подвалы древней крепости, Александровский Дворец построен на ее фундаменте, — с гордостью первооткрывателя сообщает Алексей. — Первый раз я попал сюда, когда мне было десять лет — искал несметные сокровища Темных…

Романов начинает рассказ о своем детстве,

когда он, прячась от учителей и родителей, скитался по укромным уголкам дворца, создавая собственные миры и придумывая приключения в них. Одна из фантазий привела его к тупику, под которым начинается этот подземный ход.

Он рассказывает, как днями зачитывался приключенческими романами, а вечерами приходил сюда и искал способ открыть замаскированную дверь. Кирпич, приводящий в движение древний механизм, он нашел случайно, когда отчаявшись, ударил кулаком в стену.

— Тот день изменил мою жизнь навсегда, я получил ключ к личному королевству, — задумчиво говорит Цесаревич.

Его взгляд расфокусирован, темно-зеленые глаза смотрят сквозь меня — Алексей предается приятным воспоминаниям. Слушая рассказ Цесаревича, я понимаю, что подземный ход для него — не просто скрытое убежище, а часть личной истории, место, где он обрел подлинную свободу еще в детстве. Это частично объясняет откровенное пренебрежение наследника Престола к роскоши и аристократическому пафосу.

— Я сбегал из своей спальни каждый вечер и исследовал подземный лабиринт, — продолжает он после паузы. — Сначала осторожничал и дале-

ко не заходил, но со временем обзавелся набором фонарей, мелков и длинных бечевок, с помощью которых достиг самых дальних пределов.

— Сокровища нашел? — коротко спрашиваю я.

— Конечно, иначе не вел бы тебя сюда! — подтверждает Алексей. — Но это не золото!

Наверное, я должен сгорать от любопытства и забрасывать Цесаревича бесконечными вопросами, но сокровища мне безразличны. Мне вообще надоели тайны, я бы с удовольствием присоединился к нашей теплой компании во Дворце и расписал вист с Юсуповыми и Трубецким.

— Что же тогда? — спрашиваю я с показным любопытством.

— Терпение, мой фиолетовый друг, терпение! — просит Алексей и подмигивает, раскручивая интригу. — Следуй за мной!

Он спускается в темный провал, и я направляюсь за ним, осторожно ступая по крошащимся каменным ступеням. Мы идем вниз по пологой лестнице и оказываемся в подземном лабиринте, освещаемом лишь рваным светом наших фонариков. Я оглядываю полутемный коридор и ощущаю себя вне времени и привычного пространства.

Нас окружает овеществленная история. Кир-

пичные стены и деревянные перекрытия потолка затянуты паутиной, из бронзовых канделябров торчат обгоревшие факелы, а каменный пол покрыт вековым слоем пыли. По центру вьется дорожка следов, ведущая в кромешную тьму.

Цесаревич — не такое уж и дерьмо, каким показался изначально! Под маской типичного аристо таится очень сложная личность, которая привлекает и отталкивает одновременно. С каждым новым разговором маска Алексея истончается, и он являет себя настоящего. Наследник хочет сблизиться и завоевать мое расположение. Парень постепенно открывается передо мной, но это меня не радует — я не понимаю причин, которые движут юным Романовым.

Наше взаимодействие становится сложным танцем, в котором мы оба пытаемся держаться в тени, лишь иногда являя друг другу отсветы истинной природы. Цесаревич не так прост, как кажется, и я невольно начинаю задавать себе вопросы о его роли в моей запутанной судьбе и мире аристо, где магия и интриги древних Великих Родов переплетаются в смертоносную ловчую сеть, предназначенную для таких выскочек как я.

Отношения с Алексеем Романовым становятся все более сложными и неоднозначными, даже

опасными для меня, но, возможно, именно на этом минном поле я обнаружу ответы на вопросы, которые меня мучают. Цесаревич может оказаться ключом к сокровищницам знаний, таящих гораздо больше секретов, чем я могу себе представить.

— Пришли! — сообщает мне Алексей и направляет луч фонаря на очередную кирпичную стену, преградившую путь.

— Создатели тайного хода фантазией не отличались! — едко говорю я, глядя на открывающийся в полу люк.

— Добро пожаловать на волю! — торжественно произносит Цесаревич, поворачиваясь ко мне. — Нас ждет Пушкин — город моего детства!

Восторженный взгляд Романова снова делает его похожим на озорного мальчишку, и я не могу удержаться от улыбки.

— Это и есть твое сокровище? — спрашиваю я, кивая на темный прямоугольник.

— Да, — отвечает Алексей, помедлив пару секунд. — Пойдем.

Снова крошащиеся ступени под ногами, паутина над головой и полная неизвестность впереди. Вряд ли Цесаревич ведет меня в тщательно расставленную ловушку: будучи инициированным

одаренным, он может убить меня одним лишь усилием воли, и висящий на груди Осколок Светлых не защитит.

Лестница сменяется небольшой плоской площадкой, а затем ведет нас вверх. Алексей нажимает на очередной кирпич, и люк над нашими головами со скрежетом открывается.

Я жадно вдыхаю вмиг посвежевший воздух и нетерпеливо смотрю вверх. Луч фонаря выхватывает бетонное перекрытие — мы снова оказались в коридоре. В отличие от предыдущих, он упирается в ржавую металлическую дверь.

Ее Алексей открывает, отодвинув ржавый металлический засов. Мы выходим в пыльный, захламленный склад. Вокруг высятся нагромождения поломанной мебели, кучи пожелтевших папок с документами и груды ржавых стеллажей.

— Угадай, где мы! — заговорщицки шепчет Алексей.

— Ума не приложу! — я пожимаю плечами.

— Отделение Тайного Сыска, а Бестужев знать не знает не только о ходе, но и о том, что он заканчивается в его вотчине, — довольно произносит Алексей.

Мы выходим в узкий полутемный коридор и,

миновав его, оказываемся перед очередными дверьми, на этот раз деревянными. Сквозь узкие щели прорывается свет и свежий воздух. Рассохшиеся двери ведут на задний двор желтого двухэтажного особняка, указатель на торце которого сообщает, что мы оказались на улице Московской. Огороженный ржавым железным забором участок зарос травой и скрыт от посторонних глаз густым кустарником.

— Это похоже на переход из мира иллюзий в реальность, — говорит Цесаревич, задирает голову к небу и широко раскидывает руки. — Только здесь, за стенами царских дворцов и резиденций я чувствую настоящую свободу! Ты не представляешь, как однообразно мое существование! Урок за уроком, бал за балом, и разговоры, сплошь поверхностные и лживые! Искусство, политика и экономика — все утомительно и предсказуемо. Мне хочется уйти от всей этой пафосной роскоши, сбежать туда, где вокруг нет сотен охранников, слуг и придворных лизоблюдов!

— Среди блеска и роскоши наши души тускнеют от скуки, — глубокомысленно замечаю я и замолкаю.

Любая моя реплика сейчас прозвучит неискренне. Признаться, что я тоже узник золотой

клетки? Сказать, что хочу снова оказаться приютским мальчишкой, не обремененным титулами, чей разум свободен от бесконечных размышлений о Темных, Светлых и Цветных? Исключено! Я не доверяю Цесаревичу, несмотря на все его дружеские подкаты.

— Нам пора возвращаться, пока охрана не хватилась, — задумчиво произносит Алексей. — Я должен успеть показать тебе то, ради чего сюда привел! И это не синее небо Петербурга!

Мы спускаемся обратно в подземный ход, и я, вдохнув затхлый запах подземелья, наконец, начинаю ощущать беспокойство. Этот побег из дворца — точно не ловушка, но он должен иметь некую цель, отличную от созерцания медленно дрейфующих по небу облаков.

Цесаревич останавливается и поворачивается ко мне. В желтом свете фонаря его лицо похоже на улыбающуюся безжизненную маску. Взгляд зеленых глаз фокусируется, и я отчетливо вижу в нем сомнения и неуверенность. Парень хочет что-то сообщить мне или показать, но колеблется.

— Сейчас я открою тебе свою главную тайну и, если ты меня выдашь… — черты лица Алексея становятся жестче, а в голосе звучит неприкрытая угроза.

— Ты во мне сомневаешься?

— Не сомневаюсь, а предупреждаю! — перебивает меня он. — Иди за мной!

Цесаревич решительно шагает вперед, я следую за ним и гадаю: что именно увижу. Воображение рисует странные картины — от потерянной библиотеки Ивана Темного до тайной подземной тюрьмы, в которой я окажусь после долгого взгляда в питерское небо, но реальность впечатляет гораздо больше.

Миновав еще несколько потайных дверей, механизм открытия которых я на всякий случай запомнил, мы оказываемся в большом полутемном квадратном зале с высоким потолком.

— Закрой глаза, — просит меня Цесаревич, и я едва сдерживаю захлестывающее меня истерическое веселье.

— Закрою, если не будешь меня целовать! — с усмешкой отвечаю я и смеживаю веки.

— Даже не надейся! — парирует Романов и идет вглубь зала.

В гробовой тишине подземелья шаги Алексея звучат особенно гулко. Они сопровождаются щелчками зажигалки и треском занимающегося огня — Романов зажигает закрепленные на стенах факелы. Я с трудом подавляю детское же-

лание приоткрыть хотя бы один глаз и наблюдать за происходящим сквозь густую череду ресниц.

Наконец, в помещении воцаряется тишина и Цесаревич замирает в нескольких шагах от меня.

— Открывай! — приказывает он, и я немедленно повинуюсь, будучи не в силах сдерживать любопытство.

Алексей стоит в паре метров от меня, скрестив руки на груди. Из-за его спины в глаза бьет свет десятка факелов, которые освещают черный камень, стоящий в центре зала. Слишком правильный и слишком черный…

— Темный Кристалл?! — сдавленным голосом спрашиваю я, глядя в глаза Алексею.

— Он самый! — с торжеством отвечает Романов. — Думаю, последний в Российской Империи!

— И о нем знаешь только ты? — уточняю я, потому что такой расклад выглядит чересчур нереалистично.

— Только я! — уверенно кивает Цесаревич. — Точнее, только мы двое!

Будто завороженный я медленно иду вперед, огибая Романова по широкой дуге. Я не могу оторвать взгляд от Кристалла и жадно рассматриваю правильные обсидиановые грани. Подхожу бли-

же и кладу ладони на глянцевую поверхность. Осторожно ощупываю прохладное непроницаемое стекло, вижу в нем свое искаженное отражение и отскакиваю, будто ошпаренный: вместо фиолетовых радужек в моих глазах зияют черные провалы!

— Не бойся, — успокаивает меня Алексей, — это лишь оптическая иллюзия!

— Конечно! — невпопад отвечаю я и ощущаю тепло на груди.

Мой Светлый Осколок постепенно нагревается, а по спине течет холодный пот. Я чувствую Темный Кристалл. Я ощущаю его как некий центр мироздания, черную дыру, которая затягивает в себя окружающее пространство и меня вместе с ним.

— Темный Кристалл?! — с трудом выдавливаю я из себя. — Зачем его хранить в подземелье в тайне от всех?

— Думаю, что он здесь с тех времен, когда Империей правили Темные…

— А почему ты не рассказал о нем отцу?

— Я нашел его в двенадцать лет и тогда не понимал, что оказалось в моих руках, — отвечает Цесаревич. — А когда повзрослел…

Он подходит ближе, становится рядом со мной

лицом к Кристаллу и проводит пальцами по черному глянцу.

— А когда повзрослел, решил скрыть его от всех, даже от своего Рода! — Цесаревич завороженно смотрит в бездонную глубину. — Этот древний артефакт может изменить ход истории.

— Почему ты рассказал о нем именно мне? — спрашиваю я и непроизвольно морщусь от боли — Осколок нагревается все сильнее.

— Уничтожить его могут лишь семь одаренных цветных, теперь нас двое! Осталось найти еще пятерых…

— Еще пять цветов радуги?

— Да, нужны либо все семь цветов, либо один Светлый! — Цесаревич поворачивается ко мне и пристально смотрит в глаза. — До твоего появления я считал, что это невозможно: не Великого Князя же к уничтожению привлекать!

— Ты хранишь тайну, потому что не доверяешь собственной семье? — прямо спрашиваю я, привычно повышая ставки.

— Я тебе доверяю больше, чем отцу! — с грустью отвечает Алексей. — Не хочу, чтобы к власти снова пришли Темные…

Он замолкает и поворачивается к Кристаллу. Вот и еще одна причина, по которой Цесаревич

навязывается в друзья. Что-то здесь нечисто: паззл складывается слишком просто, а картинка оказывается чересчур логичной.

Я стою перед Темным Кристаллом, смотрю в черную глубь и чувствую, как его энергия проникает в мою душу. Находясь рядом с ним, невозможно оставаться безучастным: темная сила притягивает как магнит и в то же время наполняет душу безотчетным страхом.

Вдруг передо мной разверзается черная бездна, и свет в глазах меркнет. Мой разум захлестывает паника: я падаю в бездонную глубину и растворяюсь в ней. Что это за чувство? Это… слияние? Или ранняя Инициация?

Меня пронзают потоки чудовищной силы, я ощущаю, как мысли и эмоции подчиняются этой древней энергии. Сознание раздваивается, и одна часть погружается в другую, будто в чужой разум. Это похоже на разглядывание глубин собственной души под волшебным микроскопом.

Сливаясь с Темным Кристаллом, я понимаю, что это не просто эффект древней магии, а переход в новое состояние бытия, где знание и сила переплетаются в замысловатом танце, вызывая изменения не только во мне, но и в самой ткани пространства.

Я медленно растворяюсь в темной материи, и мое восприятие обостряется. Передо мной возникает объемное изображение сложного ветвящегося пути, который ведет меня в будущее. Он похож на перевернутую корневую систему дерева и переливается всеми цветами радуги, периодически становясь угольно-черным и ослепительно-белым.

Ничего не предопределено, четко осознаю я. Моя судьба не предначертана, а инвариантна. Я несу в себе исходное начало, ничто, способное взаимодействовать с любым цветом магии, с любой длиной световой волны. Я лишь должен выбрать роль и определить свое место в этом мире.

В сознании возникает и ширится внутренний конфликт. Могу ли я стать Светлым или Фиолетовым магом, отказавшись от Темной Силы, наполняющей каждую клетку моего тела? Сердце мое, распластанное между светом и тьмой, бьется сильнее, чем когда-либо.

Понимание, что выбор есть, но его критерии от меня скрыты, сводит с ума. Я убеждаю себя, что это не выбор между черным, белым и цветным, и мир насыщен тысячами оттенками серого. Возможно, я найду свой уникальный путь в этой

палитре, объединив в себе силы и тьмы, и света. Мне необходимо сохранить эту тайну и избежать возможной смерти во время Инициации в Храме.

Отпрянув от Темного Кристалла, я прихожу в себя и сталкиваюсь с обеспокоенным взглядом Цесаревича. Алексей, внимательно следит за моими реакциями, и в его глазах читается подозрение.

— Ты что-то почувствовал?

Я смотрю ему прямо в глаза и стараюсь скрыть опустошение, вызванное слиянием с Темным Кристаллом.

— Нет, просто стало не по себе от осознания его древней мощи. Я еще никогда не стоял так близко к Кристаллу!

Цесаревич кивает, но его взгляд остается недоверчивым. Романов рассматривает меня молча, словно читая мысли. Несмотря на попытки скрыть пережитое, я чувствую, что этот момент стал поворотным и в моей жизни, и в наших отношениях. Кристалл изменил меня, но как именно — пока не понимаю.

Романов привел меня к Темному Кристаллу и внимательно наблюдал за моей реакцией. Вдруг он — такой же, как я и привел меня сюда

не случайно? Может быть, рассказ о желании уничтожить Кристалл — всего лишь предлог, чтобы раскрыть мою истинную природу?

Цесаревич внимательно на меня смотрит и сохраняет молчание, словно считывая мои сомнения.

— Мы здесь не случайно? — я задаю нейтральный вопрос, чтобы прервать драматическую паузу.

— На свете нет случайностей, Александр, — отвечает Алексей, и я вижу в его глазах несвойственную юному возрасту мудрость. — Мы все связаны тонкими нитями судьбы. Иногда нужно всего лишь их увидеть. Пойдем наверх!

Эти слова придают новое измерение нашему разговору. Я начинаю понимать, что игра, в которую втянут, может оказаться гораздо сложнее и запутаннее, чем кажется. Мы оба скрываем тайны, и между нами завязывается невидимый узел, который в будущем придется рубить.

Глава 17
Оргия праведников

Я гуляю по парку, окружающему Александровский Дворец, и прячусь от всех. Цесаревич уединился с Нарышкиной, Юсуповы — с Воронцовой, обиженный Апраксин закрылся в комнате с бутылкой водки, а Наталья легла спать, сославшись на недомогание.

Я бегу от назойливости Трубецкого, собственных мыслей и самого себя, концентрируя внимание на окружающей меня естественной красоте. Надо мной склонили ветви вековые сосны, брызги фонтанов сверкают в лучах заходящего солнца, словно бриллианты, в глазах рябит от игры света и тени, а я мучаюсь, как запойный алкоголик от похмелья.

Мне не дает покоя Темный Кристалл. Состояние полного с ним единения, которое я испытал недавно, будоражит и гнетет одновременно. Но еще больше волнует поведение Цесаревича.

Я вновь и вновь прокручиваю в голове все наши немногочисленные встречи и разговоры, но не могу уловить даже намека на истинную

причину его интереса ко мне. Желание получить союзника в моем лице и зятя по совместительству — слишком простая версия, и потому — неправдоподобная.

Я чувствую себя одиноким, как никогда. Новые приятели и приятельницы лишь усиливают это чувство, несмотря на возможность с головой окунуться в беззаботное веселье. На сердце тяжело, и прогулка на свежем воздухе — это побег от душного лицемерия, наполняющего пафосные интерьеры дворца.

Я медленно бреду по тенистым аллеям, и листва под ногами шелестит, словно тихий шепот поколений аристо, делившихся друг с другом секретами в тени огромных деревьев. Быть может, именно здесь кто-то обсуждал тайну Темного Кристалла, спрятанного в древних подземельях дворца.

Вечерний сумрак постепенно сменяется тьмой, фонтаны выключаются, и парк наполняется тихим шелестом листвы. Остановившись на декоративном мостике, я смотрю на отражение луны в черной глади пруда. Его глубина притягивает и манит, как бездонная чернь обсидиановых граней Кристалла.

Под лунным светом парк превращается в про-

странство, полное загадок и тайн. Я блуждаю по лабиринту аллей, не особо стараясь найти выход, и пытаюсь выбраться из хитросплетений сомнений и страхов, наполняющих мой разум. Я пытаюсь найти ответы, которые ускользают от меня, словно угри, но не особо в этом преуспеваю.

Я гуляю под сенью елей и сосен, дышу свежим воздухом и пребываю в тягостных раздумьях. Сквозь череду деревьев проникают желтые лучи фонарей, и парк наполняется загадочным светом. Все вокруг кажется спокойным и умиротворенным, в то время как внутри меня бушует невидимая буря.

Проходя мимо дворцовых окон, я замечаю, что во дворце активно готовятся к предстоящему празднику. Десятки слуг снуют в бесконечных коридорах дворца, словно рыбы в гигантском аквариуме, наружу доносятся звуки музыки и негромких разговоров, а парни и девчонки уже наверняка вертятся перед зеркалами и пьют шампанское.

Однако в моей душе звучит другая мелодия. Она похожа на манящий настойчивый зов, который влечет прочь от этой аристократической суеты. Мысли о побеге из Царского Села множатся и

заполняют мой измученный разум, будто звезды, светящиеся в ночном небе. Меня захлестывает желание уехать в Москву, к Ольге Трубецкой.

Сбежать от интриг и дворцовых игр, обрести уют в спокойствии высотки Шуваловых, которая стала моим домом — все, чего я жажду в этот момент. Предстоящая вечеринка кажется полностью лишенной привлекательности и всякого смысла, но у меня нет выбора. В ближайшие несколько дней я буду пленником Александровского Дворца, хотя могу сбежать отсюда в любой момент по подземному ходу, показанному мне Цесаревичем.

Я возвращаюсь в свою спальню, наспех принимаю душ и уже заканчиваю одеваться, когда раздается стук в дверь. Открываю и вижу на пороге Андрея Трубецкого с двумя бокалами шампанского в руках.

— Ты где был? — возмущенно спрашивает он. — Я звоню тебе весь вечер! Бросил меня одного среди этих скучных пафосных персонажей и убежал слушать пение птиц?!

Взгляд Андрея полон искреннего негодования: мой неожиданный уход его явно расстроил. Беру один из бокалов и благодарно киваю. Слабое извинение, но уж какое есть.

— С тобой все в порядке? — продолжает допрос он. — Все уже на танцполе, а ты исчез без следа! Мог бы, в конце концов, меня пригласить на прогулку!

— Тебя официально назначили моей нянькой? — спрашиваю я с усмешкой и выпиваю шампанское — сейчас оно мне нужно как никогда.

— Я всего лишь твой товарищ по несчастью! — отвечает Андрей и опустошает бокал. — А за игристое мог бы и поблагодарить!

— Мог бы и побольше захватить! — парирую я.

— Будешь должен! — заявляет Трубецкой и достает из-за спины бутылку Крымского.

— Заходи, — запоздало приглашаю я и пропускаю Андрея в комнату.

Он подмигивает, сноровисто снимает с горлышка фольгу, и пробка с грохотом вылетает из бутылки. Хрустальная люстра над головой обиженно звенит, я машинально оборачиваюсь и выхватываю из воздуха падающую подвеску.

— Как ты это сделал? — спрашивает Трубецкой, удивленно округлив глаза. — Ты же спиной стоял?!

— Не знаю и знать не хочу — наливай! — я улыбаюсь во все тридцать два зуба и протягиваю вновь испеченному другу пустой фужер.

Андрей наполняет его, не отводя недоверчивого взгляда от моего лица, а затем наливает себе. Я опорожняю фужер одним глотком и подставляю опустевший бокал в ожидании добавки.

— Что-то случилось? — подозрительно спрашивает Трубецкой, а затем щурится и понимающе улыбается. — Тебе сделали хороший минет?! На берегу пруда?! Или была полная программа?! Нет, ты не такой — не в кустах, а на острове, в детском домике?! Признавайся — кто она?!

— Слюни подбери! — с усмешкой отвечаю я, не отрицая, но и не подтверждая догадку Андрея. — Наливая, я просто хочу напиться!

— Желание друга для меня — закон! — Трубецкой кивает и разливает шампанское.

Мы приканчиваем бутылку за несколько минут, а потом я хватаю Андрея за рукав и вытаскиваю его в коридор. Мы несемся к бальному залу наперегонки, словно двенадцатилетние мальчишки, крича и улюлюкая. Я опережаю Трубецкого на доли секунды, и мы врываемся на импровизированный танцпол, словно пара непутевых дошколят.

— Давайте отжигать! — кричу я всем и выдвигаюсь к центру зала, игнорируя столы с выпивкой и закуской.

Приглашенный диджей понимает меня с полуслова, и тишину взрывают аккорды в четыре четверти. Пару секунд Андрей смотрит на меня удивленно, а затем громко кричит, запрокинув голову, и присоединяется, подавая пример остальным.

Свет гаснет, и старинный Бальный Зал, предназначенный для проведения великосветских балов, преображается. Магия электронной музыки и световое шоу превращают его в суперсовременный ночной клуб.

Многочисленные лазерные проекторы раздвигают видимые границы и заливают потолок потоками цветного света. Роль вращающихся зеркальных шаров выполняют хрустальные люстры — преломляют и отражают свет, наполняя пространство множеством цветных всполохов.

Уже порядком захмелевшие, наследники Великих Родов присоединяются к нам и отплясывают под ультрасовременные ритмы, пронизывающие наши тела объемными вибрирующими басами. Яркие световые линии вспыхивают и гаснут в такт музыке, и кажется, что воздух пульсирует, а мы пластаем его на части взмахами рук.

Меня пленяют переплетения звука и света, и я становлюсь частью этой многомерной симфонии.

Тело реагирует на каждый бит, каждую ноту, словно музыка проникает в самую глубь моей души. Я двигаюсь в ритме гулко звучащих басов и чувствую, как реальность вокруг меня раскрывается, словно гигантский светящийся бутон.

Ощущение свободы охватывает каждую клеточку моего существа. Я забываю о тяготах выбора судьбы, о будущем и о своем происхождении. В этот момент я не бастард и не наследник Великого Рода, а захлебывающееся счастьем существо, погруженное в мир пьяных фантазий.

Я забываю о Цветных, Темных и Светлых, забываю о трех Осколках и тяжести предстоящего выбора, забываю об интригах и загадках, заполнивших мою жизнь. Танец становится исцеляющим ритуалом, переместившим меня в мир, где нет места тяжким думам и будущим заботам. В этот момент я горю, поглощенный магией танца, становлюсь одним из многих, вплетаясь в ритмическое единство с окружающим миром.

Диджей на время приглушает музыку и объявляет перерыв. Мы собираемся у столиков и заливаем жажду шампанским. Меня буквально распирает от бурлящей в жилах энергии. Золотистый напиток в бокалах искрится, отражая мерцание света, и придает этому вечеру особый

блеск. Обостренные ощущения становятся еще более интенсивными, наши взгляды периодически встречаются, и в каждом читается, что эта ночь — особенная.

— Танцуют все! — кричит Трубецкой и начинает кружить в завораживающем танце дервиша с двумя бокалами в руках.

Диджей включает восточную мелодию без слов, и мы растворяемся в чарующем ритме. Окружаем Андрея и поддерживаем его в импровизированном хороводе. Постепенно ритм нарастает, в заунывные стоны дудука вплетаются барабаны и электрогитары, и вновь начинается танец в четыре четверти.

Движения наших тел синхронизируются с музыкальным ритмом, и становятся все более необузданными. Бокалы в руках пустеют один за другим, их содержимое поднимает градус веселья и азарта в нашей крови. Я погружаюсь в эйфорию, забывая о проблемах, условностях и запретах.

Мы пьянеем все больше и больше, наши движения становятся менее отточенными и грациозными. Медленно но верно мы превращаемся в компанию первобытных варваров, которые рвано дергаются под музыку и оглашают пространство громкими воплями.

Когда градус веселья достигает максимума, Цесаревич поднимает руки и громко хлопает в ладоши. Оглушающая музыка стихает, двери распахиваются и в зал вкатывают два огромных бутафорских торта.

Под медленную ритмичную музыку крышки тортов слетают на пол, и из одного выскакивает полуобнаженная девушка, а из другого — полуобнаженный юноша. Практически нагие танцоры спускаются с «тортовых» подмостков и начинают завораживающий эротический танец.

В воздухе разливается возбуждение. Оно искрит подобно шампанскому в бокалах и требует выхода. Танец гостей настолько чувственный и зажигательный, что наши высокородные княжны не выдерживают и присоединяются к юноше и девушке, которые уже полностью избавились от одежды.

Игра света, пульсирующей музыки и чувственных движений создает потрясающую атмосферу. Княжны, обычно держащие себя в строгих рамках общепринятых правил, выплескивают страсть, растворяясь в огненном вихре танца. Они окружают обнаженного стриптизера и начинают сбрасывать с себя одежду.

Возбуждение пронизывает пространство и

наши тела. Глядя на девчонок, мы какое это время не знаем, что делать. Ситуацию спасает Воронцова. Она бросается к братьям Юсуповым и начинает их раздевать. Нарышкина кошачьей походкой приближается к Царевичу и делает то же самое. Романова вожделенно смотрит мне в глаза, и я направляюсь к ней, как кролик, загипнотизированный удавом.

Мы сбрасываем остатки одежды и с головой погружаемся в новые ощущения. Танец становится символом освобождения и необузданной страсти. Случайные и не очень касания тел распаляют воображение, и нас захлестывает вожделение. Я смотрю в глаза Наталье Романовой, и не могу скрыть накатывающего на меня возбуждения.

Через некоторое время я замечаю, что все еще одетые Апраксин и Трубецкой удивленно наблюдают за нами, словно за папуасами, пляшущими вокруг костра. Парни либо недостаточно выпили, либо недостаточно раскрепощены.

Хватаю за руки Нарышкину и Воронцову, мы бросаемся к Андрею, и девушки сразу приступают к делу. Звонко смеясь, они начинают его раздевать. Он пытается сопротивляться, а затем покоряется неизбежности. На меня Трубецкой смотрит, как охотник на волка.

— Говорил тебе, что надо учиться управлять своими чувствами, а не покоряться инстинктам, — кричит он мне прямо в ухо, притянув за шею. — Мы сейчас похожи не на наследников Великого Родов, а на плебеев, которые не могут сдержать свои инстинкты.

— Не будь занудой! — громко отвечаю я и мягко отталкиваю Андрея.

Он укоризненно поднимает бровь и щурит глаза, словно предостерегая меня от последствий нашего поведения, а я со смехом стаскиваю с него пиджак и тяну на танцпол.

Танец страсти перешел в откровенную и возбуждающую игру. Мы окружаем Андрея и всячески провоцируем на погружение в пучину чувственного разврата. Хмурое выражение его лица становится элементом спектакля, где каждый следующий акт вызывает приступы смеха и безудержного веселья.

Я бросаюсь к ближайшему столику, хватаю пару бокалов, в два прыжка оказываюсь рядом с Трубецким и буквально заливаю шампанское ему в рот. Он пытается уклониться от неизбежного, но в бой вступает тяжелая артиллерия: девочки начинают ластиться к нему, словно кошки. Мгновение сопротивления, мгновение

неопределенности, и, наконец, победа: Андрей сдается и, смеясь, вступает в игру.

Наша тесная компания настолько увлечена собой, что мы не замечаем, как приглашенные танцоры и слуги тактично исчезают, оставляя нас в привычном кругу общения.

— Продолжаем у меня! — предлагает Цесаревич, перекрикивая музыку.

Мы смеющейся и улюлюкающей толпой несемся по коридору, распахиваем высокие резные двери и забегаем в царские апартаменты. Романов включает медленную расслабляющую музыку, и танцы превращаются в ритуал взаимного соблазнения.

— Меняемся партнерами каждую песню! — кричит пьяная Нарышкина. — Без поцелуев и секса!

— За нарушение правил сжигаю без предупреждения! — то ли в шутку, то ли всерьез добавляет Цесаревич, и его радужки на мгновение вспыхивают.

Мы пьем шампанское, танцуем, лаская тела и кожу друг друга, несем какую-то ерунду и пьянеем все больше. Перед моими глазами поочередно сменяются лица Нарышкиной, Воронцовой и Романовой, их нежные руки обвивают меня, и я тону в вязком безвременье ленивого возбуж-

дения.

Прижавшись ко мне сзади, Наталья касается губами моей шеи, а ее руки блуждают по моему торсу. Я обвожу пьяным взглядом качающуюся гостиную и вижу танцующих братьев Юсуповых, донельзя возбужденного Андрея, которого откровенно ласкает Воронцова, и Алексея, слившегося в страстных объятиях с Нарышкиной.

Апраксина с нами нет, а все остальные разбились в соответствии со сложившимися предпочтениями. На чужие страсти мне совершенно наплевать, и даже будучи возбужденным, я жалею, что с нами нет Ольги.

Андрей скользит пьяным взглядом по моему лицу, но несмотря на выпитое шампанское замечает накатившую на меня печаль.

— Мы его теряем! — кричит он, указывая на меня рукой, и Нарышкина с Воронцовой бросаются ко мне, словно фурии.

Меня ласкают нежные девичьи руки, и наш импровизированный танец продолжается. Мы погружаемся в пучину разврата, но я убеждаю себя, что выполняю задание Великого Князя Шувалова и внедряюсь в среду аристо в буквальном смысле слова.

Глава 18
Земля уходит из-под ног

Я просыпаюсь от громкого храпа, который настойчиво прорывается сквозь сильную головную боль и сумбур сна. С трудом открываю глаза, приподнимаю голову и оглядываюсь.

Я лежу на необъятной кровати в апартаментах Алексея Романова. Судя по всему, вчерашняя вечеринка удалась: у меня на груди прикорнули Наталья Романова и Юлия Нарышкина, Цесаревич дрыхнет в обнимку с Воронцовой, а на кушетке вповалку лежат братья Юсуповы и храпят в две глотки. Совершенно голый Андрей Трубецкой свернулся калачиком на кресле-кушетке у окна и с блаженной улыбкой тихо посапывает во сне.

Девушки в трусиках, значит, в целом мы вели себя пристойно. Я вздыхаю с облегчением, но тут же понимаю, что не помню произошедшего ночью. Затылок раскалывается от боли, и я корю себя за выпитое шампанское.

Желание хотя бы на время забыть о проблемах вновь перевесило самоконтроль. Что говорит на эту тему «Кодекс Агента»? Впрочем, неважно…

Стараясь не разбудить спящих друзей, я осторожно встаю с кровати. Спотыкаясь об одежду и пустые бутылки, направляюсь к окну. Тихо раздвигаю тяжелые шторы, открываю ставни и с упоением впитываю свежесть утреннего воздуха.

Морщась от головной боли, вспоминаю вчерашний вечер. Танцы нагишом, шампанское, разгульная атмосфера — в памяти запечатлелись лишь отдельные картины, словно куски головоломки, которые я пытаюсь сложить вместе.

Вспоминаются обрывки разговоров, множество выпитых фужеров, жаркие объятия девушек и страстные ласки, лишь чудом не перешедшие в секс. Черные дыры, в которых растворились некоторые промежутки весело проведенного времени, тоже присутствуют.

Несмотря на приятное утро, меня охватывает острое чувство одиночества. Я всего лишь обычный смертный, который попал в компанию владетелей нашего мира и постиг бурю аристократического безумия. Грустная правда состоит в том, что образ жизни золотой молодежи Империи мне нравится, и я ощущаю себя неотъемлемой частью высшего общества, с которым еще недавно собирался бороться.

С тяжким вздохом напоминаю себе, что приехал сюда не только ради развлечений. В аристократической роскоши и безумствах я не должен забывать о тайне своего происхождения, которую необходимо разгадать. Меня ждет Выборг и сиротский приют, в котором прошли первые восемь лет жизни.

Моя одежда осталась на танцполе, и я выхожу из апартаментов Цесаревича нагишом. Стараясь никого не разбудить, тихо крадусь по залитым шампанским тюркским коврам, выныриваю в коридор и прикрываю дверь. Уверенно шагаю в свою спальню и глупо улыбаюсь невозмутимым слугам, не реагирующим на мою наготу.

С облегчением захожу к себе и ныряю в душ. Горячая вода, стекая по телу, смывает похмелье и воспоминания о прошедшей ночи. Я ощущаю, как свежесть проникает в каждую пору кожи, и вместе с ней восстанавливается ясность мысли.

Я облачаюсь в привычные футболку и джинсы, приглаживаю мокрые волосы и отправляюсь на завтрак. Несколько чашек кофе — единственное средство, которое может вернуть меня к жизни. Хотя нет — не единственное. Еще существуют таблетки от головной боли.

Миновав бесконечные дворцовые коридоры, я

оказываюсь в ресторанном зале, где уже накрыт завтрак. Столы уставлены разнообразными блюдами, а ароматы свежей выпечки и кофе сводят с ума и возбуждают зверский аппетит.

Я уплетаю яичницу-глазунью, несколько блинов с белужьей икрой и несчетное количество сладких пирожных, запивая их крепким кофе. Головная боль медленно отступает, но я бы отдал пару дней жизни за волшебную таблетку.

Решительно встаю из-за стола, и поблагодарив работников кухни за божественный завтрак, направляюсь в подвал. Слуг я на своем пути не встречаю, видимо, столь ранним утром большая часть персонала еще спит.

В летней резиденции Императора нет следящих камер, ибо личная жизнь Романовых — тайна за семью печатями, и это играет мне на руку. Я проникаю в подвал не таясь, потому что в пределах дворца следить за мной некому — вся охрана сосредоточена снаружи и на дальних подступах к резиденции.

Вход в тоннель, который показал Цесаревич, я нахожу без особого труда. Нажимаю на неприметный кирпич, и люк бесшумно отъезжает под стену. Пару мгновений гляжу в черную пустоту, а затем включаю украденный из пожарного щита

фонарь и делаю первый шаг на лестницу.

Меня охватывает безотчетное волнение и по мере приближения к Темному Кристаллу оно нарастает. Осколок на груди наливается теплом, а разум — воспоминаниями о единении с древней мощью Тьмы. Я снова чувствую ее. Она манит меня. Влечет к себе, словно умелая любовница, и я с трудом противостою мощному зову.

Сжимаю челюсти до зубовного скрежета и срываюсь на бег. Несусь за мечущимся светом фонаря так, будто за мной гонится стая гончих, и останавливаюсь лишь у следующего потайного люка. С облегчением перевожу дух и прижимаю Осколок к груди — нагреться он не успел.

Миновав заброшенные коридоры, я надеваю на голову припасенную заранее кепку с длинным козырьком и осторожно выхожу в уже знакомый двор. Вокруг никого. Внимательно осматриваю стены и карнизы крыши, но камер не вижу. Это очень странно, учитывая, что здание принадлежит Тайному Сыску.

Пересекаю заросший и неухоженный газон и неспешно направляюсь в сторону примеченной в прошлый визит стоянки. Вчера мне в любви не повезло, если не считать объятий и поцелуев, зато сегодня фартит как никогда — я вижу черную

обтекаемую капсулу скоростного байка с двуглавым орлом на бензобаке. Мысль об очередном счастливом стечении обстоятельств мелькает и тут же исчезает в глубинах разума.

Я подхожу к глянцевой капсуле и с удовольствием осматриваю ее, любуясь совершенной формой. Когда я вернусь из Царского Села, мой экземпляр Урала уже будет ждать меня на подземной стоянке высотки. Если вернусь…

Достаю из кармана смартфон и запускаю приложение, любезно закачанное в него специалистами Тайной Канцелярии. В качестве ее сотрудника я могу воспользоваться любым транспортным средством, принадлежащим спецслужбам.

Мотоцикл оживает, на экране загорается стартовый интерфейс, и я сажусь на мягкое кожаное сидение. Запускаю двигатель и с удовольствием слушаю басовитое урчание, которое пробуждает во мне неистребимое стремление к свободе.

Включаю навигатор и выбираю пункт назначения — Выборг. До него 162 километра и два часа пути, но я домчу быстрее — буквально за час.

Идеальное дорожное полотно расстилается серой лентой, я несусь на огромной скорости, лавируя между машинами, и полицейские не решаются останавливать Урал с гербом Империи на

борту, хотя видят, что за рулем парень в футболке и джинсах. Видимо, они не хотят усложнять себе жизнь, предпочитая лишний раз не конфликтовать с имперскими силовыми структурами.

Мимо проносятся города и деревушки, я наслаждаюсь красивейшими северными пейзажами, и тревожные мысли на время отступают. Я с упоением дышу пьянящим воздухом абсолютной свободы и больше всего хочу не терять это ощущение никогда.

Выборгский сиротский дом находится на окраине города, в густом сосновом бору. Я сворачиваю с магистрали, ориентируясь на покосившийся указатель, и сбрасываю скорость. Узкая дорога приводит меня к хорошо знакомым воротам, теперь обожженным и покосившимся. Будка охранника сгорела дотла и превратилась в небольшую кучку обломков.

По территории сиротского дома я еду медленно. Меня встречает первозданная тишина, нарушаемая лишь недовольным цокотом белок и пением птиц. За десять лет здесь ничего не изменилось, если не считать деревьев, которые теперь не кажутся великанами, как в детстве. Останавливаюсь у обугленных развалин главного здания и глушу мотор.

Я рос здесь, но теперь вижу мертвое место, где вместо детского смеха и громких криков — лишь молчание разрушенных стен. Мой затуманенный взгляд скользит по местам, где когда-то были наши комнаты, классы и спортивные залы.

Покрытые пеплом и пылью развалины вызывают в памяти грустные воспоминания. Воспоминания о том, как я делал свои первые шаги, как учился, как играл в незамысловатые детские игры и боролся за собственную жизнь.

Я отбрасываю сентиментальность и приступаю к осмотру руин. Медленно бреду среди обугленных, полуразрушенных стен, но вспоминаю лишь самые неприятные моменты собственной жизни.

Здесь, в умывальнике, старшаки устроили мне первую темную. Набросили одеяло и били толпой, невзирая на мой плач и просьбы о пощаде. Первая ночь в сиротском доме задала вектор всем последующим.

В боевых залах меня били трое или четверо на одного, и я сопротивлялся, как мог, никогда не сдаваясь. Бонусом за это получал зуботычины и удары по ребрам, уже лежа в луже собственной крови.

Мраморная чаша фонтана, в котором меня

периодически топили, приговаривая: «Сдохни, поганый аристо!», теперь высохла и наполнилась серым пеплом. Я приседаю, набераю его в пригоршню и наблюдаю, как серые частички медленно струятся сквозь пальцы.

В уголках глаз выступают слезы.

Глаза. Всему виной были мои фиолетовые глаза. Они кричали всем и каждому, что я чужой, что принадлежу к другому миру, к миру аристократов. Они несли отметину цвета смерти, были проклятием, приговором к одиночеству и ненависти. Они стали причиной, из-за которой я должен был получать в морду от каждого уважающий себя мальчишки. И я получал по полной.

Немного повзрослев, я начал вылавливать обидчиков по одному, и избивал их с недетской жестокостью. А пацаны отвечали мне только толпой, потому что один на один драться боялись. Они, сероглазые бездари, вымещали на мне всю ненависть к аристо, накопленную поколениями предков.

Воспоминания о страданиях всплывают одно за другим. Мой взгляд устремлен в прошлое, во мрак, в котором я жил до восьми лет. Очертания полузабытых страхов, злобы и боли вновь вырисовываются перед глазами и вызывают желание

бежать, как и тогда, десять лет назад.

Возвращаюсь к осмотру развалин, стараясь отпустить минувшее. Фрагменты прошлого переплетаются с настоящим, создавая мозаичный портрет детства парии, от которого я сбежал в Петербург десять лет назад. Возможно, я найду в нем что-то, что поможет мне освободиться от призраков прошлого.

В актовый зал я захожу, осторожно переступая через торчащие из обгорелых досок гвозди и обломки стекла, усеивающие пол. Тишина внутри нарушается лишь звуками моих шагов и хрустом обломков под подошвами.

На чудом уцелевшей стене висят фотографии. Под закопченными стеклами проступают мальчишеские лица. Я узнаю их, хотя предпочел бы забыть навсегда. Нахожу фотографию своего класса, вытираю копоть тыльной стороной ладони и вглядываюсь в детские лица.

На ней запечатлены восьмилетки, выпуск одна тысяча восемьсот девяносто восьмого года. Я стою сбоку справа, чуть в стороне от всех и улыбаюсь. Улыбаюсь назло своим обидчикам, лица которых выражают злобу и уныние. Теперь мне кажется, что моя белозубая улыбка на этом снимке, разгоняет сгустившуюся вокруг тьму.

Осторожно прикасаюсь к стеклу и разглядываю каждое лицо на фотографии. Все они были детьми и не ведали, что творят. Теперь мои маленькие мучители мертвы. Время то ли рассудило, то ли осудило нас. Кривая линия моей улыбки становится невольным отражением непредсказуемого хода судьбы.

Я перехожу к следующему групповому портрету. На нем меня быть не должно, потому что я сбежал во время экскурсии по Москве незадолго до фотографирования. Тогда это показалось мне единственным возможным вариантом, который мог изменить мою жизнь к лучшему и избавить от мучений.

Позвоночник пронзает острая раскаленная игла, и я вздрагиваю, будто от удара током. На фото красуется моя повзрослевшая улыбающаяся рожица. Этого не может быть! В это время меня уже подобрал Шеф и привел в Приют!

Мое тело словно накрывает волна ледяного холода. Мучительные моменты прошлого, которые я пытался забыть, возвращаются с болезненной ясностью. Глубокий шок и недоумение вызывают чувство дезориентации во времени и пространстве.

Как я мог оказался на этой фотографии? Я иду

вдоль стены в каком-то ступоре и рассматриваю фото за фото. Наблюдаю свое взрослеющее лицо и не могу понять, как это возможно?!

Реальность крошится на фрагменты и складывается в невообразимый мистический лабиринт. Как я мог находиться в Приюте Шефа в Москве и жить в Выборгском сиротском доме одновременно? Этот вопрос без остановки кружится в моей голове.

Последняя фотография сделана уже в этом году, судя по всему, прямо перед пожаром. Мое отражение в стекле невозможно отличить от изображения на чуть пожелтевшем картоне. На фотографии либо я сам, либо мой клон, либо брат-близнец, о котором я не имею ни малейшего понятия.

Ощущение неконтролируемого ужаса ползет по коже холодными когтистыми пальцами, погружая сознание в бездну. Мир вокруг кажется дрожащим и неустойчивым, словно рябое зеркало времени, посмотреть в которое я еще не готов.

— Мальчик вернулся к истокам, мальчик вспоминает детство! — звучит тихий скрежещущий голос из-за спины.

Я резко оборачиваюсь и вижу знакомое лицо.

Черные глаза смотрят на меня насмешливо и изучающе. Я настолько погрузился в размышления об увиденном, что не услышал шагов Темного.

Темный загадочно улыбается, и его обсидиановые радужки сверкают, словно ключ к разгадке моего прошлого скрыт в них. Я сгораю от желания задать вопрос о самом себе, о только что увиденном на фотографиях, но сдерживаюсь.

Скорее всего, Темный ничего об этом не знает, и проявив любопытство, я подарю ему ключ к своему прошлому, повернув который, он сможет контролировать меня полностью.

— Ты получил послание? — задает вопрос мужчина, не снимая капюшона с лица.

— Зачем было организовывать визит посланницы Османов? — спрашиваю я, отбросив на время мысли о своем прошлом. — Вы не могли вручить мне Осколок собственноручно?

— В Российской Империи невозможно создать действующий Осколок, — сообщает незнакомец. — Здесь не осталось ни одного Темного Кристалла.

Я вспоминаю о способности Темных читать мысли и прикрываю свои. Это происходит автоматически, я даже не отдаю себе отчета в том, что делаю. Интуиция подсказывает, что Темный

ни в коем случае не должен узнать о Кристалле в подвалах Александровского дворца.

— Я получил Осколок, но не уверен, что им воспользуюсь. Вы хотите, чтобы Главы Великих Родов сожгли меня прямо в Храме? Сожгли, глядя в мои черные как ночь глаза?

Темный смотрит на меня исподлобья, затем правой рукой отбрасывает капюшон, а левую сует в карман плаща.

— Вот и конец моей запутанной истории, — думаю я, но спастись даже не пытаюсь — против Темного я бессилен.

Он протягивает вперед раскрытую ладонь, и я вижу на ней плоский черный амулет размером с пятикопеечную монету.

— Что это? — спрашиваю я.

— Обманка, — простодушно отвечает мой таинственный собеседник. — Амулет скроет темную сущность, и каждый будет видеть в твоих глазах фиолетовый свет. Созданные тобой покров, оружие и любые другие сущности тоже будут фиолетовыми, как и должно для потомственного Шувалова.

Я смотрю не на волшебный камень, а в черную бездну глаз напротив.

— Как вы узнали, что я окажусь здесь?

— Пути, которыми нас ведет Разделенный, неисповедимы, но предсказуемы! — отвечает Темный с сарказмом. — Бери амулет и возвращайся в Царское Село, ты нужен своим новым друзьям, и у тебя очень мало времени!

Темный не шутит, он серьезен и даже обеспокоен. Я не только вижу это по выражению его глаз, но и чувствую. Я же и сам Темный. Хватаю амулет с ладони незнакомца и убегаю не прощаясь.

— Торопись! — кричит он мне из-за спины, и я послушно следую то ли его совету, то ли приказу.

Прыгаю за руль Урала и выжимаю из байка все, что возможно. Я мчу во дворец и стараюсь не думать ни о собственном прошлом, ни о будущем, которого можно лишиться в одно мгновение, когда несешься по шоссе со скоростью двести пятьдесят километров в час.

Глава 19
Кто я?!

В Царское Село я еду на автопилоте и управляю мотоциклом, словно робот. Поддерживаю максимальную скорость, обхожу медленные и неповоротливые машины, будто стоячие, но мысли не связаны с дорогой. Мысли заняты увиденным в сиротском доме.

Я вновь и вновь вызываю в памяти череду моих фотографий на стене и генерирую сценарии, описывающие невозможное. Все они не имеют никакого отношения к реальности. Придумать внятное объяснение параллельному существованию двух Симп в этом мире смог бы лишь хороший сценарист Мосфильма, да и то не каждый.

Предсказуемость моих поступков пугает меня не меньше. Уже в который раз высшие Темные, Светлые и Цветные предугадывают в каком месте и в какое время я буду находиться в различных локациях задолго до того, когда я принимаю соответствующее решение.

Из головы не выходят слова Бестужева о та-

лантливо разыгрываемом спектакле, в котором я действую в соответствии с тщательно проработанным сценарием. Версию можно взять за основу, но проблема в том, что мне не знаком ни сценарий, ни роль, которую я играю.

Сознание фиксирует указатель, информирующий, что до Царского Села осталось пять километров, и я возвращаюсь в действительность. Сбрасываю скорость, чтобы не превратиться в кровавую полосу на асфальте и усилием воли останавливаю череду бесплодных размышлений.

Впереди происходит что-то странное, я отчетливо понимаю это еще в нескольких километрах от цели. Летнюю императорскую резиденцию накрыл невидимый глазу бездаря темный купол, и я скорее чувствую его, ощущаю всем нутром, нежели ясно наблюдаю перед собой.

Я выжимаю из байка каждую лошадиную силу и несусь к темной неосязаемой громаде, словно дневная бабочка в ночь. По мере приближения к куполу его мощь ощущается все сильнее, кажется, что она окутала меня невидимыми нитями и тащит к себе, как безвольную марионетку.

В Пушкин я въезжаю, не глядя на светофоры и наплевав на правила дорожного движения.

Город погружен в тишину, будто в прозрачную вату. На улицах царит полное безмолвие — даже птицы не поют. Сквозь затемненный купол вдали проступает зелень деревьев и размытые контуры зданий. Над головой серыми стаями плывут тяжелые облака и закрывают свет летнего солнца.

Этот мистический пейзаж вызывает во мне животный страх, но вместе с ним я чувствую странное влечение, магическая аномалия тянет меня к себе словно магнит. Страх нарастает, но я не могу оторвать взгляд от сумрачной полусферы, искажающей реальность.

По мере приближения к куполу его магическое воздействие усиливается, а вместе с ним нарастает безотчетная паника. Подавленный страх и любопытство сражаются в глубинах моего подсознания, и, в конце концов, любопытство побеждает.

Внутренний голос вопит о смертельной опасности и призывает бежать подальше от этого места, но я не могу отступить. Мою душу тянет к темной полусфере, несмотря на предостережения разума. Волнующий вызов слишком силен, чтобы я мог устоять.

Я понимаю, что на счету каждая секунда, но аккуратно возвращаю Урал на стоянку и, путая

следы, бегу к зданию Тайного Сыска через соседние дворы. Врываюсь внутрь заброшенного склада, закрываю двери на массивный засов и несусь в подвал, словно на пожар.

Полуосвещенный зев подземного хода похож на пасть исполинского существа, из него веет опасностью, и меня буквально трясет от хлынувшего в кровь адреналина. Я бегу по тоннелю, и удары подошв о пол отдаются многократным эхом, создавая впечатление, что за мной гонится молчаливая толпа.

Я поднимаюсь в подвал Александровского Дворца и бегу вверх по узким ступеням. Миновав несколько пролетов, оказываюсь на парадной лестнице, а затем несусь к Залу Приемов. Мгновения чудовищного напряжения и трепетного ожидания сменяют друг друга, пока я не останавливаюсь на верхней площадке.

Еще вчера здесь звучала музыка и наш пьяный смех, а теперь царит тишина. Высокие двери широко распахнуты, будто в ожидании меня. На мгновение я замираю перед проемом, а затем решительно бросаюсь внутрь. Бросаюсь словно в бездонный омут, вопреки обещаниям, данным Князю Шувалову, вопреки собственной интуиции и вопреки здравому смыслу.

Зал, который в полдень всегда озарен яркими лучами солнца, сейчас погружен в полумрак. Огромные стрельчатые окна разбиты, на потрескавшихся мраморных полах лежат осколки стекла и крошево из позолоченной лепнины, картины и старинные гобелены на стенах покосились, а тяжелые бронзовые люстры раскачиваются, словно маятники, звеня хрустальными подвесками.

В центре зала стоит одинокая фигура, воздевшая руки к потолку. Это Цесаревич. Его окружает множество тел, лежащих на полу, среди которых я узнаю своих новых друзей аристократов. На миг сознания пронзает страшная мысль, что все они мертвы, но шестое чувство, интуиция или мой дар подсказывают, что я ошибаюсь.

Сквозь пустые провалы окон я вижу пульсирующую темную полусферу, которая исполинским куполом накрыла дворец. Теперь я смотрю на нее изнутри, а не снаружи, и меня охватывает первобытный ужас — необъяснимый, неотвратимый и разрушающий. Сквозь серое марево просматриваются силуэты Темных. На таком расстоянии они напоминают едва видимые штрихи, но я чувствую их.

От пальцев Алексея к черной громаде тянутся

пульсирующие зеленые нити. Подобно кровеносным сосудам невидимого существа, эти мерцающие потоки энергии ветвятся и распространяются по помещению. Они пронизывают стены и потолок и теряются в липком сумраке темного купола.

Цесаревич оборачивается, и его взгляд встречается с моим. В ярко светящихся зеленых глазах я вижу что-то нечеловеческое, будто он не живое существо, а бездушный придаток Силы, которая пронизывает каждый кубический миллиметр пространства.

— Помоги! — одними губами беззвучно произносит Алексей, и меня бросает в холодный пот.

Накрывшая дворец Тьма начинает вибрировать, и чудовищная дрожь передается зданию, телу и даже воздуху. Пространство мерцает, и контуры предметов вокруг попеременно становятся то черными, то белыми.

Мир как будто раздваивается, его разрывают на части противоположные векторы Силы, и я осознаю, что Цесаревич сейчас не просто человек, а связующее звено между этими непостижимыми сущностями. Он стоит на границе двух реальностей и держится из последних сил.

Алексей протягивает мне руку, и я чувствую,

как что-то невидимое начинает тянуть меня вперед, но это не всесильная длань Наследника Престола. Я хочу вырваться из смертельных тенет и пячусь, но тяга становится лишь сильнее. Инстинктивно сопротивляюсь и пытаюсь сбросить с себя невидимые чары, но, повинуясь интуиции, останавливаюсь и покоряюсь им.

Реальность искажается, пространство вздувается цветными пузырями и наполняется энергией. В это мгновение я осознаю, что мне предстоит столкнуться с чем-то, что лежит за гранью моих представлений о привычной действительности, с чем-то смертельно опасным и смертельно же интересным.

Мир тускнеет, цвета гаснут, и я погружаюсь в серое полупрозрачная ничто. Осколок на груди вспыхивает ярким огнем и мгновенно обжигает кожу. Я больше не ощущаю катящегося по спине пота, бешено бьющегося сердца, я даже страха не чувствую. Возникает неконтролируемое желание слиться с темным куполом, окружающим дворец, сжать его до состояния точки, и уничтожить все внутри.

Чувство времени и пространства исчезает. Моя сущность размывается в серой бесконечности, я не ощущаю ни своего тела, ни своих мыслей. Я

становлюсь частью чего-то большего, чего-то, что простирается за пределы моего понимания.

Тьма обволакивает меня, пытается проникнуть внутрь и подчинить себе. Она похожа на пустоту, на черное вселенское ничто, в котором нет ни звуков, ни света. Рванувшись из тесных объятий, я отталкиваю ее и вновь начинаю осознавать себя.

Я все еще стою лицом к лицу с Цесаревичем и смотрю в его светящиеся глаза. Они горят двумя изумрудами, его напряженное тело испускает энергию, которая удерживает сжимающийся купол и заставляет мое сердце колотиться в сумасшедшем темпе. Я понимаю, что столкнулся не просто с атакой Темных, а с чем-то большим, с тайной, которая связывает мое прошлое и будущее.

Я обращаю свой мысленный взор вниз, под ноги, в глубокий подвал, туда, где черным бесформенным ничто темнеет Кристалл. Я тянусь к нему всем своим существом, и Тьма, струящаяся из сердцевины Кристалла, засасывает меня в мощный водоворот. Энергия проникает в каждую частичку моего существа, будто сжигая внутренние барьеры. Я ощущаю, как разум сливается с этой тьмой, проникая в глубины ее сущности.

Чудовищная мощь продолжает поглощать мою душу, и я с ужасом понимаю, что не просто наблюдаю за Темной стороной Силы, а становлюсь ее частью. Разум трансформируется под воздействием этой энергии, и откуда-то я точно знаю, что это лишь начало большого пути.

Мы находимся в центре энергетического вихря, пронизанные Светом и Тьмой одновременно. Я чувствую, что стал частью чего-то великого и непостижимого, и мое сознание теряется в его бескрайних просторах. Мир вокруг искрится и колеблется, будто отражаясь в водной глади, испещренной каплями дождя.

Я чувствую себя крошечным звеном в огромной машине, управляющей мирозданием. Моя душа колеблется на грани между ужасом и восхищением. В это мгновение я осознаю свою ничтожность перед могуществом Силы, и одновременно ощущаю свой потенциал. Теперь я точно знаю, что являюсь носителем Света и Тьмы и могу управлять волнами любой длины — от красных до фиолетовых.

Пронизывающая меня Сила создает гармонию в каждой клетке моего существа. Я чувствую, как она расцветает внутри меня, пробуждая древние силы, спящие в глубинах Темного Кристалла.

Сознание становится открытым космосом, где встречаются свет звезд и темнота черных дыр.

Мое потерявшее физические границы тело наполняется энергией, словно гигантский конденсатор, и я растворяюсь в ней, становясь межзвездной пылью в бескрайней вселенной. Чувства больше не имеют ограничений, а мысли и образы проникают сквозь измерения, создавая хитросплетения красок и звуков, которые пульсируют внутри меня и требуют выхода.

В этом состоянии я ощущаю себя неотделимой частью эфемерной субстанции, из которой соткана жизнь. Я становлюсь тем, что было, есть и будет, вечным потоком сущности, связанным с магией и тайной бытия. Сила расцветает внутри меня взрывом сверхновой, словно гигантский радужный бутон, и я мечу ее в Цесаревича.

Поток энергии врезается в хрупкую человеческую фигуру, но не сжигает ее, а обволакивает сверкающей аурой, переливающейся всеми цветами радуги. Алексей удивленно оборачивается, его глаза встречают мои, и я вижу в них страх. Свет окружает его, создавая вокруг тела пылающий кокон, но Алексей не может воспользоваться им, он не способен переварить чудовищный по мощи импульс и ударить им по темной сфере.

Импульс возвращается, и мое тело начинает сгорать в неистовом огне. Осколок на груди уже не светится, а сияет, прожигая кожу до кости.

Я совершил не Акт творения в чистом виде, сотворил не Покров, Щит или Меч, материализованные в пространстве, а выплеснул нейтральный волновой заряд. Я — индуктор?!

Логика отказывается принимать и оценивать то, что происходит со мной, внутри меня и перед моими глазами. Я вижу проявление чудовищной мощи, источником которой являюсь сам. Нас окружает энергия, не осязаемая, но такая же реальная, как солнце или звезды.

Я не двигаюсь, потрясенный увиденным. Свет и Тьма здесь сливаются в единое целое, и мой разум наполняется зловещими предчувствиями. Я осознаю, что столкнулся с чем-то непостижимым и гораздо более опасным, чем мог себе представить.

Расставляю руки в стороны, запрокидываю голову и истошно кричу в небеса, скрытые от меня высоким, украшенным фресками потолком. Из глубины моей сущности вырывается поток переплетенного Света и Тьмы. Он пробивает потолок, ударяет в зависший над нами купол и рвет его в серые клочья.

Волны первозданной Силы распространяется по залу, сметая все на своем пути. Со стен и оставшейся части потолка осыпается лепнина, картины и гобелены вспыхивают, заливая помещение ярким светом, а увешанные хрустальными подвесками бронзовые люстры вылетают сквозь дыру в потолке словно сверкающие кометы.

Сила во мне иссякает вместе с моим воплем, и я медленно опускаю руки. Контакт с Темным Кристаллом обрывается, и все заканчивается. Потоки энергии рассеиваются, тело теряет легкость и наливается привычной тяжестью, мысли становятся медлительными и неповоротливыми, а объявший вселенную разум съеживается до обычного человеческого.

Цесаревич стоит на ногах еще несколько мгновений и наблюдает за мной, не веря собственным глазам, а затем падает на спину. Он удивленно смотрит в провал в потолке, и в его зеленых глазах отражается чистое голубое небо. Веки Алексея закрываются, и голова запрокидывается набок.

Преодолев секундное замешательство, я бросаюсь к нему, встаю на колени перед недвижимым телом и прижимаю пальцы к яремной вене. Пульс прощупывается.

Только теперь я судорожно оглядываюсь и

вспоминаю о лежащих вокруг наследниках Великих Родов. Приседаю поочередно перед каждым телом, прикладываю пальцы к шеям и убеждаюсь, что все они живы.

Вздыхаю с облегчением, и в этот момент меня накрывает апатия. Опускаюсь рядом с телом Натальи Романовой и ощущаю, как силы покидают меня. Смотрю в провалы разбитых окон и понимаю, что темный купол, накрывший громаду Александровского дворца, исчез без остатка.

Обессиленно закрываю глаза и понимаю, что вычерпан до дна и нахожусь в сознании лишь по нелепой случайности.

Я стал участником битвы, где Свет и Тьма, не размыкая страстных объятий, встретились в эпической схватке. Вопрос лишь в том, что на самом деле было светом, а что — тьмой.

Я слышу шум приближающихся вертолетов и понимаю, что меня ждет расследование, обыски и встречи с силовиками Империи. Ожог на груди болит и напоминает об Осколке, все еще висящим на шее, и амулете, подаренном Темным. Их нужно спрятать!

Я хватаю титановую цепочку, срываю ее с шеи и вижу, как помутневший Светлый Осколок трескается и осыпается мне на грудь. Отбрасываю

цепочку в сторону и сую руку в карман брюк. Амулет, подаренный Темным, исчез! О нем напоминает лишь плетеная шелковая нить, на которой он висел!

Кто я? Кто я, Разделенный меня забери?

Рву толстую нить резким движением рук и падаю на колени, крепко сжав обрывки в кулаках. Медленно заваливаюсь на спину и с тоской смотрю через дыру в потолке. Смотрю в голубое Питерское небо, туда, где искусной рукой всемогущего художника щедро разлита свобода.

Сознание подергивается рябью, мутнеет, распадается на фрагменты, и я проваливаюсь в черное безмолвие.

Глава 20
В лапах эскулапов

Я прихожу в себя от равномерного писка. Меня мутит от едкого больничного запаха, который не перепутаешь ни с чем. Открываю глаза, приподнимаю голову и убеждаюсь, что нахожусь в больничной палате. К моим рукам тянутся провода и капельницы, а в изголовье широченной кровати мигают огоньки приборов жизнеобеспечения.

Помещение буквально светится от чистоты и белизны, на тумбочке стоит скромный букет живых цветов, а на столе — вазочка с фруктами. Рядом со мной на небольшом стуле дремлет красивая медсестра, которая могла бы сделать головокружительную карьеру в модельном бизнесе. Как ни крути, а высшим аристо быть приятно.

Я пытаюсь вспомнить, как оказался здесь. Воспоминания возникают в памяти неспешно, как облака, набегающие из-за горизонта. Тайный проход в Пушкин, Темный Кристалл, поездка в Выборгский сиротский дом, купол над Царским

Селом, Цесаревич и потоки Силы, текущие к нему через мою сущность.

Воспоминания бьют меня, словно электрический ток, прокатывающийся по каждой клетке тела. Пытаюсь приподняться на локтях и пошевелиться, но понимаю, что руки и ноги пристегнуты к кровати толстыми кожаными ремнями.

Сжимаю края кровати, и ощущаю под пальцами холодный металл. Длинные иглы, торчащие из вен, доставляют неприятные ощущения, и я прекращаю дергаться, чтобы не покалечить себя любимого. Интересно, как долго я валялся здесь без сознания?

Наблюдаю за спящей медсестрой и гадаю, что ждет меня дальше. Вряд ли меня приковали к кровати в заботе о здоровье. Мои пленители явно опасаются, что я сбегу или прикончу кого-нибудь голыми руками.

Я резко откидываю голову на подушку и сжимаю кулаки. Пытаюсь ощутить в пространстве Силу, которая наполняла меня во время сражения, но ничего не чувствую. Медсестра просыпается от моего движения и на ее красивом лице возникает услужливое выражение.

— О, вы пришли в себя, наконец-то! — говорит она, мило улыбаясь. — Как вы себя чувствуете,

князь?

— Неплохо для пленника! — я натягиваю на лицо соблазнительную улыбку, но вижу, что чары не действуют — девушка смотрит на меня холодно и отстраненно.

— Я позову доктора! — говорит она и спешно ретируется из палаты.

Сбежала, даже не предложив воды. Она мне, определенно, нравится. Так даже интереснее, девочке чуждо слепое преклонение перед аристо и их титулами. Придется флиртовать не результата ради, а самоутверждения для.

Приподнимаю голову и осматриваюсь более внимательно. Ноги и руки пристегнуты к кровати, и освободиться самому не удастся. Окно наверняка бронированное, да еще и магией запечатано. Дверь обычная, но за ней наверняка дежурит охрана.

Медсестра возвращается вместе с доктором. Пожилой мужчина с седыми волосами и проницательным взглядом приближается к моей кровати, глядя на меня поверх толстых стекол очков.

— Иван Федорович Козицкий, — представляется он. — Ваш лечащий врач. Всецело к вашим услугам!

Мужчина едва заметно склоняет голову.

— Александр Игоревич Шувалов, — представляюсь в ответ я, следуя церемониалу.

— Как самочувствие? — интересуется доктор, изучая содержание медицинской карты, прикрепленной к изножью кровати.

— Неплохо, но почему я пристегнут? — спрашиваю я, демонстрируя спокойствие. — И где нахожусь?

— Вам повезло, потому что вы оказались в лучшем медицинском учреждении Российской Империи — в Центральной Императорской Клинической Больнице, точнее в ее Царскосельском филиале, — с гордостью сообщает Иван Федорович. — Мы зафиксировали ваши конечности для вашей же безопасности. При поступлении вы находились в коме и не проявляли признаков двигательной активности…

— Это необходимо? — спрашиваю я, приподнимая овитые ремнями запястья.

— Да, исходя из вашего анамнеза. Возможны судороги и тремор конечностей. Через некоторое время мы освободим вас, не волнуйтесь. Вы потеряли много сил, но ваш энергетический баланс восстанавливается, — Иван Федорович кивает на капельницы. — Пока я не наблюдаю серьезных

последствий, уверен, что ваш цветущий молодой организм восстановится быстро! Мы же лишь ускоряем процесс!

Я понимаю, что настаивать на освобождении бесполезно и даже подозрительно, и потому молча внимаю словам доктора.

— А пока отдыхайте и набирайтесь сил! — врач кивает еще раз. — Аллочка в вашем полном распоряжении — не стесняйтесь в просьбах, в том числе связанных с отправлением естественных надобностей.

Я перевожу взгляд на лицо молчаливой, похожей на подиумную модель медсестры, и замечаю вспыхнувший на ее щеках румянец.

— Засим вынужден с вами попрощаться, — сообщает доктор. — Я снабжу Аллу дополнительными препаратами, и она снова заступит на вахту у вашей постели.

Они уходят, не прощаясь, а я остаюсь наедине с собой. Через минуту дверь в палату открывается, и в щель просовывается взъерошенная голова Андрея Трубецкого.

— Заходи! — приглашаю я, ощущая беспричинную радость.

— Ты опасен для общества, бастард?! — задает риторический вопрос Андрей и проворно ныряет

в палату.

Трубецкой облачен в похожий на платье светло-голубой больничный халат, который едва сходится на его широкой груди, и смешные тряпичные тапочки. Он подходит к кровати и задумчиво рассматривает аппарат жизнеобеспечения у меня над головой. Затем задумчиво смотрит на мои руки и ноги, пристегнутые ремнями к кровати.

— Мы здесь уже сутки, — сообщает он. — Я пришел в себя лишь недавно, но уже завидую тебе черной завистью!

— Завидуешь? — недоуменно спрашиваю я. — Тому, что я связан по рукам и ногам?

— Как представлю, что эта красавица берет тонкими, изящными пальчиками твой член и вкладывает его в утку, у меня сразу встает!

— Забери меня Тьма, какой же ты придурок! — говорю я, хотя на самом деле искренне рад появлению в палате Андрея.

— Все наши живы, — сообщает он, вмиг став серьезным. — Здесь остались только мы с тобой. Цесаревичу совсем худо, его доставили в Москву на вертолете. Остальные в Екатерининском дворце — заперты по комнатам. Смарты отобрали и рунет отключили — даже порно не посмотреть.

Наши всесильные папочки и мамочки смирно сидят в столице и не вмешиваются — личное распоряжение Императора. Дознаватели роют как экскаваторы, меня уже три раза допрашивали! Нападение Темных на Императорскую резиденцию — катастрофа для Романовых, они пытаются понять, как такое стало возможным!

И ищут шпиона среди нас, думаю я, но вслух не говорю ничего.

— Ты что-нибудь помнишь? — спрашивает Андрей. — Я отключился в самом начале, Романов выпил меня досуха…

— Меня тоже, но чуть позже, — вру вполне натурально, не краснея. — Я даже обделаться от страха не успел…

Белая дверь открывается, и в палату входит высокий седой мужчина в черном костюме и темно-зеленом галстуке. Пожаловал князь Бестужев-старший. Командующий Императорской Гвардии снова явился к презренному бастарду лично. Его лицо бесстрастно, но быстрый мечущийся взгляд выдает сильное внутреннее напряжение.

— Прошу посторонних покинуть палату! — произносит он, не глядя на Андрея.

— Слушаюсь и повинуюсь, — Трубецкой с ух-

мылкой кивает и подчиняется приказу.

— Добрый день, Александр Игоревич! — говорит Бестужев, подходя к кровати. — Как вы себя чувствуете?

— Вашими молитвами, Иван Константинович, — отвечаю я, проигнорировав приветствие, и демонстрирую ремни на запястьях.

— Мы заботимся о вашей же безопасности!

— Или, быть может, о собственной? — усмехаюсь я.

— Стандартные предосторожности, — князь пожимает плечами, берет яблоко из вазы и с хрустом его надкусывает. — Как вам хорошо известно, в первую очередь я отвечаю за безопасности Императорской семьи!

— Я арестован, и вы пришли зачитать мне права?!

— Ну что вы, Александр Игоревич, мы с вами живем в правовом государстве, — говорит князь с укоризной, качая головой. — Вы находитесь в статусе свидетеля и ограничены в свободе передвижения исключительно по настоянию врачей!

На лице Бестужева появляется откровенная насмешка. Князь мог бы закончить мысль и уведомить, что жизнь безродного мальчишки не стоит и ломаной копейки, но вместо этого снова

кусает краснобокое яблоко.

— Я был уверен, что после вашего появления в Александровском дворце нам на головы прольется какое-то дерьмо, но масштабов катастрофы я предсказать не мог! — произносит он мягким, даже дружелюбным тоном и неожиданно подмигивает.

Надо же, князь напялил маску доброго полицейского!

— Вспышки на Солнце — тоже моя работа?! — откровенно насмехаюсь я.

Бестужев буквально задыхается от возмущения, но быстро берет себя в руки, и его лицо принимает спокойное, даже безмятежное выражение.

— Причина моего появления у вашего одра хорошо вам известна: я хочу побеседовать с вами о нападении на дворец и вашей роли в этих событиях…

— В нападении Темных вы обвиняете меня? — перебиваю я князя.

— Ну что вы! — на губах Бестужева-старшего появляется змеиная улыбка. — Максимум — в пособничестве!

— В пособничестве? — теперь от гнева задыхаюсь я. — Да если бы не я…

Спешно замолкаю, осознав, что ляпнул лиш-

нее.

— Именно об этом я и хотел побеседовать, — удовлетворенно продолжает князь, садясь на стул рядом с кроватью. — Пока неофициально. Опрос, так сказать. Если вы против, то можете вызвать адвоката Рода и перевести общение в законную плоскость!

— Зачем же: давайте побеседуем тет-а-тет!

— Прекрасно! — лицо Бестужева светится довольством. — Что вчера произошло во время нападения? Почему никто из ваших друзей не видел вас во дворце перед атакой?!

— Честно говоря, я многого не помню, а еще больше не понимаю…

— Я и не ждал другого ответа! — Бестужев криво улыбается. — Но вспомнить все же постарайтесь!

Очевидно, что в этот раз отпетлять от разговора не получится: все слишком серьезно. Так же серьезно, как тяжелый взгляд Бестужева, направленный мне прямо в глаза.

— Накануне нападения я сбежал в Выборг, — честно признаюсь я. — Хотел посмотреть на сиротский дом, в котором провел детство, но увидел лишь сгоревшие развалены…

— Этот факт мы уже установили, как и то, что

вы угнали мотоцикл курьера Тайной Канцелярии, — Бестужев кивает. — Продолжайте, князь!

— Я вернулся в Царское Село, и оказавшись в Александровском дворце, увидел темный купол, накрывший все вокруг. Ринулся наверх…

— Как вы преодолели охраняемый периметр? — уточняет Бестужев. — Вы владеете даром невидимости?

— Перелез через забор, — простодушно отвечаю я. — Дворец охраняется не идеально.

— Внешние камеры не запечатлели ни вашего побега, ни возвращения, но с этим мы разберемся позже, — Бестужев нетерпеливо вскидывает брови. — Что было дальше?

— Я бросился вверх по парадной лестнице в зал приемов и увидел, Цесаревича, — я картинно сглатываю и на мгновение замолкаю, будто вновь переживая случившееся. — Алексей Николаевич стоял в центре зала, а у его ног лежало множество бездыханных тел! Я догадался, что силы наследника на исходе, и Темные близки к победе…

— Как вы поняли, что на дворец напали Темные? — Бестужев прерывает мой рассказ и смотрит на меня с видом кота, только что поймавшего мышонка.

— По-вашему, темная полусфера, накрывшая

дворец и черные фигуры, окружающие ее — недостаточно очевидные признаки?

— Видимо, ваш опыт общения с Темными значительно превосходит мой, — заявляет Бестужев с саркастической усмешкой на устах. — Продолжайте, вы остановились на том, как появились в главной зале дворца.

— Алексей обернулся, и я понял, что ему нужна помощь, — я вздыхаю и снова делаю паузу. — Я отдал ему те немногие силы, которые у меня были…

— И что произошло после этого? — спрашивает Бестужев, не стирая с лица дурацкую усмешку.

— Цесаревич принял мою энергию, и ударил в купол, — я на мгновение закрываю глаза.

— И что стало с темной полусферой? — интересуется Бестужев.

— Я увидел как она трескается и распадается на фрагменты, и окружающие ее черные фигуры исчезают, а затем провалился в темноту…

Князь не задает вопрос о Темном Кристалле в подвале, а значит, либо не знает о нем, либо думает, что о нем не знаю я, и не хочет делиться секретной информацией. А еще он не подозревает о моей связи с Темным Кристаллом!

— Что-нибудь еще вы запомнили?

— Нет, потому что я потерял сознание, а затем пришел в себя здесь. И вместо того, чтобы получить благодарность за помощь, я уже во второй раз выслушиваю беспочвенные подозрения от человека, который должен был защитить нас от любой угрозы!

— Все произошло в соответствии с планом, не так ли? — спрашивает Бестужев, вскидывая правую бровь. — Нападение случилось во время вашей неожиданной отлучки — прекрасное алиби, не так ли? Возвращаетесь вы в критический момент сражения — не раньше и не позже! Вы не геройствуете, не спасаете мир, а всего лишь помогаете особе царской крови проявить себя и выиграть разыгранный по нотам бой!

Бестужев замолкает и смотрит на меня с нескрываемым торжеством.

— Я хочу познакомиться с режиссёром всех этих спектаклей! — продолжает он. — С удовольствием взял бы его на работу, не будь он Темным, либо прислужником Темных! Мне будет жаль его убивать, как и тебя, бастард!

— Ваши предположения абсолютно беспочвенны! — хладнокровно заявляю я. — Не будь вы в своем праве, вызвал бы вас на дуэль!

— Не играй со мной, бастард! — тихо произ-

носит Бестужев вмиг изменившимся тоном. — Еще молоко на губах не обсохло, чтобы мне угрожать!

Он наклоняется над кроватью, хватает широкой пятерней мои волосы и прижимает голову к подушке. Я пытаюсь освободиться, выгибаясь всем телом и напрягая шею, но все тщетно — Князь и резиновые фиксаторы держат меня железной хваткой.

Мой разум кипит от негодования, я смотрю во взбешенные зеленые глаза и вижу в них не только гнев, но и охотничий азарт. Успокаиваю дыхание и беру разбушевавшиеся эмоции под контроль. Подавляю детское желание плюнуть в мерзкую рожу и сыпать словесными оскорблениями до тех пор, пока Бестужев не выбьет мне все зубы.

Я должен сохранять достоинство даже в такой ситуации. Кроме того, я пока слишком слаб, чтобы вступать в противостояние с Командующим Императорской Гвардии на равных. Прятаться же за спиной Шувалова я не хочу, это претит моей натуре.

— Я сделал все, что мог, чтобы защитить нас, — заявляю я. — Оправданий вы не услышите!

— Ты можешь считать меня кем угодно, — це-

дит сквозь зубы Бестужев. — Можешь жаловаться на меня Цесаревичу, Императору или самому Разделенному! Можешь даже возвести поклеп! Но ты не сможешь скрыть правду о себе и своей миссии — рано или поздно она выплывет наружу! Я бы давно выбил ее из тебя, не стой за твоей спиной Великий Князь Шувалов! Лично разбил бы кулаки о твою смазливую рожу, и ты бы выложил все!

— Ну так выбей! — зло отвечаю я и криво улыбаюсь. — Я обездвижен и полностью в твоей власти, а Шувалова рядом нет! Можешь не сдерживаться — доктора не дадут мне сдохнуть, а позже целители подлатают и скроют все улики!

Мои слова производят то действие, на которое и рассчитаны. Бестужев медленно отпускает мои волосы, и я замечаю, что его пальцы немного дрожат, хотя взгляд остается жестким и непреклонным.

— Что ты знаешь о планах Темных? — спокойно спрашивает он, взяв себя в руки. — Кого они хотят убить? Какова их стратегическая цель?

Я гляжу на князя с откровенным вызовом, не произнося ни слова. Он не отводит взгляд, не желая уступать даже в детской игре под названием «гляделки».

— Будешь молчать?

Я не реагирую и продолжаю нагло пялиться на его недовольную физиономию.

— Ты вышел на новый уровень — на тебя обратил внимание сам Император! — Бестужев склоняется надо мной и начинает пристально и сосредоточенно разглядывать мое лицо, будто видит его впервые. — Я поймаю тебя, бастард! И тогда смерть станет для тебя самым желанным исходом!

Глава 21
Спонтанный побег

Князь Грибоедов элегантен как рояль: он одет в белую рубашку с высоким воротником, черный классический костюм и черные же лакированные туфли. Ни дать ни взять — франт с Арбата.

Он смотрит на меня пристально и серьезно. Я вижу обсидиановые радужки его глаз, и мне кажется, что он знает, что я их вижу. Мне либо кажется, либо я чувствую это, как и любой Темный. Еще не чтение мыслей, но уже глубокое восприятие эмоций.

Я все еще привязан к кровати, но стальные иглы из вен Аллочка уже вынула. Сначала вынула иглы, а затем вынула… Пару минут назад прикосновения ласковых пальчиков Аллочки вызвали прилив крови отнюдь не к голове. Мой организм отреагировал вполне естественно, что вызвало у девушки блеск в глазах и яркий румянец на щеках, но в самый неподходящий момент явился князь Грибоедов. Подмигнув, сексапильная медсестра вышла и оставила меня наедине с мозгоправом.

— Добрый день, Александр Игоревич! — произносит он, широко улыбается и указывает взглядом в район моего паха. — Рад, что ваше самочувствие пришло в норму!

— Добрый день, Андрей Федорович! — говорю я, слегка краснея. — Снова будете копаться в мозгах?

— Нет необходимости, — коротко отвечает он. — Мне не нужно погружаться в ваш разум, чтобы понять, что в вас живет Тьма.

— И что теперь? — спрашиваю я с показной беспечностью, ощущая ледяную волну холода, опускающуюся по позвоночнику.

— Ничего! — Грибоедов пожимает плечами. — Мы с вами сделаем вид, что вы чисты, как непорочный юноша-алтарник из Храма Разделенного.

— И в чем причина такой снисходительности? — лениво интересуюсь я, хотя должен покорно благодарить и лобызать жилистую, сжатую в кулак десницу Дознавателя.

— Личное распоряжение Алексея Николаевича Романова, — поясняет Грибоедов. — Но на вашем месте я бы себя в безопасности не чувствовал — расценивайте это как временную благодарность за спасение, не более.

— Цесаревич вправе отдавать распоряжения Имперским Дознавателям? — с сомнением уточняю я.

— Вправе, если они одобрены Императором! — добавляет князь и встает с неудобного стула для посетителей.

— Если благодарность временная, то сколько его, времени, у меня есть?

— В лучшем случае пара недель, — отвечает Грибоедов, и я слышу в его голосе грустные нотки. — Инициация выявит вашу истинную природу, и…

Князь обрывает фразу, но и он и я прекрасно понимаем, что последует за этим «и».

— Надо полагать, что эти недели я проведу прикованным к кровати?!

— Скорее всего, — Грибоедов утвердительно кивает. — Насколько я понимаю, князь Бестужев настроен по отношению к вам весьма некомплиментарно.

«Некомплиментарно» в переводе с великосветского птичьего языка означает: «готов уничтожить при первой же возможности».

— Как себя чувствует Цесаревич? — спрашиваю я и впиваюсь взглядом в лицо Грибоедова.

— Алексей Николаевич попросил навестить вас

и поблагодарить за спасение от его имени, — Грибоедов многозначительно кивает. — Наследник Престола опасается, что не сможет сделать это лично…

Он пристально смотрит мне в глаза и почти незаметно качает головой. Это предупреждение! Князь передал мне его мысленно и продублировал с помощью завуалированного намека!

Меня бросает в холодный пот. Алексей — нежилец. Он ничего не рассказал о моих способностях и даже обеспечил защиту, но она действует лишь до тех пор, пока Романов жив. А жить ему осталось совсем немного, до Инициации ни он, ни я не дотянем.

— Прощайте, Александр! — произносит Грибоедов, разворачивается и стремительно покидает больничную палату.

— До свидания! — кричу я вслед, когда двери за князем закрываются.

Последняя фраза Имперского Дознавателя и сожаление, ясно читающееся в его мыслях, могут означать лишь одно: я тоже нежилец на этом свете. Темным не место среди высших цветных, если, конечно, они не входят в число дознавателей — штатных опричников Императора.

За окном сгущаются сумерки, а в моей душе

— чувство обреченности. Бестужев действует идеально: он держит меня взаперти под предлогом лечения и параллельно ведет следствие.

Цесаревич отойдет в мир иной, а вместе с ним — данная мне индульгенция. Через несколько дней Бестужев что-нибудь на меня накопает, шепнет нужные слова Императору, и я исчезну со страниц светской хроники так же быстро, как на них появился.

В казематах Тайного Сыска мне искалечат тело и душу, и я признаюсь во всем, что от меня потребуют. А потребуют сознаться в покушении на наследников Великих Родов, это очевидно. Последует публичная казнь, а узкий круг высших аристо, на которых работает Бестужев, отпразднует ослабление Рода Фиолетовых и восстановление привычного баланса сил в Империи.

При таком раскладе Великий Князь Шувалов не сумеет меня защитить. Возможно, и пытаться не будет, чтобы отвести подозрения от себя, сохранить Род и влияние, а в будущем отыскать еще одного фиолетовоглазого бастарда для осуществления своих планов.

Агент Симпа провалил свою миссию, так и не приступив к ее выполнению. Меня ждет судьба остальных выпускников Приюта, с той лишь раз-

ницей, что на фото в коллекции Князя Шувалова я буду улыбаться. Он использует паспортное, потому что после моего сожжения в Алтаре фотографировать будет нечего.

Двери палаты открываются, но я даже головы не поворачиваю — мне сейчас не до флирта с Аллочкой.

— Эй, бастард, почто голову повесил?! — раздается веселый голос Трубецкого, и я делаю два важных вывода.

Двое охранников, постоянно торчащие у дверей куда-то исчезли, и я безумно рад видеть этого смешливого парня.

— Как медсестричка?! — продолжает расспросы он. — Ты уже договорился?!

— Она обещала прийти ночью, — я поворачиваю голову и торжествующе смотрю в лицо Андрею.

— Хочу поменяться с тобой местами! — с вожделением заявляет Трубецкой и мечтательно закатывает глаза. — Обожаю порно с медсестрами, а у тебя будет не проплаченная постановка, а секс с реальной красавицей в белом халате! И ты при этом будешь связан!

Мой друг донельзя возбужден: тонкая ткань больничного халата, вздыбившаяся в районе

паха, выдает его с потрохами. Я невольно улыбаюсь: парень, который может покупать пачками лучших красавиц Империи, оказался безнадежным романтиком, ценящим естественность и принципиально не желающим платить за секс.

Неожиданно в голову приходит безумная мысль.

— Можем это устроить! — забрасываю удочку я.

— Что устроить? — недоуменно спрашивает Андрей.

— Поменяться местами! — я подмигиваю. — Алла придет в темноте и вряд ли поймет, что в кровати лежишь ты, а не я. А если и заметит, то вряд ли откажется от горячего секса с симпатичным наследником Великого Рода Синих!

— Тьма меня забери! — восклицает Трубецкой после небольшой паузы. — А ведь мы с тобой и вправду похожи: кровь Разделенного — не водица!

Слова Андрея отзываются в подсознании, расплывчатая догадка колет разум. Всплывает что-то, связанное с древней кровью, но ускользает, так и не оформившись в законченную мысль.

— В темноте даже я бы тебя с собой перепутал! — продолжает заниматься самоубеждением

Андрей.

— Э, нет, мой друг, вдвоем в темноте мы не окажемся, я предпочту Аллу…

— Думаешь, обмен прокатит? — витающий в эротических фантазиях Трубецкой не услышал моей реплики: наверное, трусы уже насквозь мокрые.

— Даже не сомневайся!

— И что ты хочешь взамен, презренный бастард?

— Желание! — с усмешкой отвечаю я.

— Любое кроме денег и секса! — с готовностью кивает Андрей. — Слово аристократа!

На меня накатывает подозрение: уж слишком просто этот золотой мальчик попался в расставленную мной детскую ловушку. Я смотрю в его синие глаза и вижу, что они горят от предвкушения, смешанного с возбуждением — сейчас мой друг думает не головой и готов на все.

— Договорились! — подтверждаю я. — Слово бастарда!

Помедлив буквально секунду, Андрей бросается ко мне и начинает расстегивать ремни на руках. Я разминаю запястья и молю Разделенного, чтобы никто не заявился пред наши ясны очи.

— Пристегивай и проваливай! — с нетерпением

произносит Андрей, закончив возиться с моими лодыжками. — И выключатель сломай, когда будешь уходить!

Он раздевается донага и ложится в мою постель, а я облачаюсь в его больничный халат и фиксирую конечности парня. Укрываю его простыней и замираю на несколько секунд, глядя в озорные синие глаза. Такие же глубокие и выразительные, как у его сестры. У Трубецких явно есть ген, который вызывает симпатию носителей генов Шуваловых. Необъяснимую и неподконтрольную.

— Что? — спрашивает Андрей, вопросительно вздернув брови.

— Не посрами меня! — я широко улыбаюсь и касаюсь кулаком его скулы в мнимом ударе.

Хочу добавить, что он сделал невозможное и стал моим другом за несколько дней. Хочу извиниться за то, что подставляю его. Хочу попрощаться, потому что не знаю — увидимся ли мы еще, но стою молча.

— Минимум пять раз! — Андрей подмигивает и улыбается во все тридцать два зуба. — Моя палата направо, через дверь. И чтобы раньше семи утра ноги твоей здесь не было!

— Увидимся! — тихо говорю я, подмигиваю в

ответ и выхожу из палаты.

Выключатель я разбиваю вдребезги, вымещая на нем всю накопившуюся злость.

В коридоре я морщусь от яркого света — после полумрака, царящего в палате, потолочные светильники слепят, будто мощные прожектора. Следящих камер здесь нет, как и во дворце.

Коридор пуст — к вечеру большинство медиков покидают больницу. Останавливаюсь у схемы пожарной эвакуации и внимательно ее изучаю. Фиксирую в памяти расположение сестринской, ординаторской и выходов из здания.

Первое, что я должен сделать — сменить одежду. Заглядываю в небольшую ординаторскую и, убедившись, что внутри никого нет, проскальзываю внутрь. В помещении царит идеальный порядок: у каждого врача есть свой стол и шкафчики для верхней одежды и продезинфицированной больничной.

В качестве донора новой личины я выбираю молодого черноволосого офтальмолога Ивана Пантелеевича Волкова. Судя по фотографии на бейдже, я вполне смогу сойти за него, особенно если скрою цвет глаз, напялив на нос лежащие на столе очки.

Я сбрасываю больничный халат и облачаюсь

в светло-зеленую форму врача. Надеваю на голову аккуратную шапочку, на нос — очки, а лицо закрываю маской. Прикрепив к рукаву карту универсального доступа, надеваю одноразовые безразмерные туфли и иду к двери.

Возвращаюсь, помянув Тьму, и беру в руки небольшой докторский саквояж. Выхожу в коридор и уверенным шагом направляюсь к лестнице. Подношу карту к электронному замку и с замиранием сердца жду.

Раздается тихий звон, вспыхивает зеленый огонек, и я выхожу на лестничную клетку. За спиной хлопает дверь сестринской — видимо, Аллочка уже подготовилась к выполнению обещания и направилась в мою палату прямиком в руки Андрея. Остается надеяться, что подмену девушка заметит не сразу, а Трубецкой окажется на высоте и не выдаст себя.

Все складывается идеально: я освободился, не подставив друга под удар. Даже если дознаватели разберут его мозг на атомы, то подтвердят, что княжич поспособствовал моему побегу исключительно по недомыслию и похоти. И то и другое вполне естественно для парня восемнадцати лет от роду.

Спускаюсь по лестнице и покидаю гостепри-

имную лечебницу, не встретив ни единой живой души. Выхожу на крыльцо и сталкиваюсь с двумя гвардейцами, охраняющими мою палату. Они прерывают эмоциональную беседу и пялятся на меня в четыре глаза. Парни с подозрением смотрят на мою зеленую форму, и я меня осеняет очевидная догадка: вряд ли врачи дефилируют в ней на улице.

— Срочный вызов в Екатерининский дворец, — я пожимаю плечами и протягиваю вперед руку с пропуском.

— Это лишнее! — нетерпеливо говорит один из бойцов. — Проходите!

Я шагаю к Екатерининскому дворцу, а парень возобновляет рассказ о своих любовных похождениях. Если гвардейцы окликнут меня и спросят, почему я иду на срочный вызов пешком, да еще и в одноразовых туфлях, то импровизированный план побега рухнет как карточный домик.

Центральная аллея пуста, как и парк по обе стороны от нее. Видимо, князь Бестужев полагается на охрану внешнего периметра резиденции, и это правильное решение. По крайней мере, у гостящих здесь аристо не создается впечатления, что они находятся в тюрьме строгого режима.

По словам Андрея, после нападения всех гостей

срочно перевели в новый корпус Екатерининского дворца, и я пробираюсь к цели по узким тропинкам, избегая освещенных фонарями участков парка.

Будто в клишированном детективе, опустевший Александровский дворец опоясан широкой желтой лентой. Вокруг никого нет. Это логично, потому что искать следы Темных нужно на дальних подступах к резиденции, там, где проходила граница купола, а не в разрушенных стенах, где сражались его юные защитники.

Подсветка фасада дворца отключена, четверо гвардейцев, приставленных охранять разрушенное здание, стоят на ступеньках и громко хохочут, обсуждая очередной комедийный сериал, и я беспрепятственно подхожу к его торцу. Мне даже стекло выбивать не приходится — в здании не осталось ни одного целого окна. Поднимаю с земли осколок и бесшумно пробираюсь в гостевое крыло.

Вставляю стекло в широкую дверную щель и захожу в комнату Андрея. Надеваю его черную футболку и джинсы, бросаю в рюкзак легкую куртку, трусы и пару носков и проверяю ящики письменного стола. В Александровском дворце не воруют, поэтому пухлый бумажник я нахожу

быстро.

Вынимаю несколько ассигнаций большого достоинства и, немного поколебавшись, сую в карман права Трубецкого. Если не присматриваться и не применять специальную технику, нас вполне можно спутать. Особенно при проверке документов на темной ночной улице.

Комплекцией и ростом мы схожи, а вот с размером ноги все обстоит не так хорошо — кроссовки Андрея мне немного велики. Помянув Тьму во всех известных мне позах, я отправляюсь к своей спальне, хотя изначально делать это не планировал.

Дверь заклеена уже знакомой мне желтой лентой крест-накрест, что лишний раз подтверждает правильность решения о побеге. Вряд ли Бестужев установил в комнате следящие устройства, но зайти внутрь я не решаюсь.

Спускаюсь по центральной лестнице и останавливаюсь перед входом в подвал. Меня атакуют тревожные мысли. Слишком гладко все прошло, слишком неправдоподобно. Воображение рисует князя Бестужева, ожидающего меня за дверью, улыбающегося и картинно аплодирующего.

Я медленно нажимаю на ручку и заглядываю внутрь. За ней никого нет. Я с облегчением за-

хожу в подвал, прикрываю железную створку и прислоняюсь к ней спиной. Дышу. Осталась самая малость: пробраться в Пушкин, доехать до железнодорожной станции и сесть на скоростной поезд, который уже через пару часов примчит меня в Москву.

Собираюсь с силами, достаю из тайника фонарик и иду к потайной двери. В подземном ходе тоже никого нет. В голову приходит невеселая мысль о том, что кто-то тщательно расчистил маршрут моего побега. Мысль безумная, но в последнее время везение удивляет меня все больше и больше.

Задумавшись, я пропускаю поворот к Темному Кристаллу и запоздало понимаю, что не чувствую его давящего присутствия. Возвращаюсь и с опаской захожу в темный зал. На том месте, где раньше стоял Кристалл, мой фонарь выхватывает лишь пустоту.

Я бросаюсь вперед и удивленно разглядываю все, что осталось от древнего артефакта — выемку в каменном полу. Свечу фонарем себе под ноги, но не наблюдаю следов множества людей, которые могли его отсюда вывезти.

Я покидаю зал в смятении. Медленно бреду по проходу, пытаясь найти объяснение исчезнове-

нию Кристалла, но мне не хватает фундаментальных знаний о природе Дара, которым наделил человечество Разделенный.

Из двери заброшенного склада я выхожу в тяжких раздумьях, не оставляющих места тревоге о возможной засаде на моем пути. На стоянке красуются два Урала, но у меня нет смартфона с программой запуска.

Вздохнув, я сажусь на оставленный кем-то велосипед и направляюсь на вокзал. Москва уже ждет меня. Проблема лишь в том, что мой план обрывается на посадке в поезд. К кому и зачем ехать я еще не решил.

Глава 22
Путешествие из Петербурга в Москву

Угнанный велосипед я бросаю за квартал до привокзальной площади города Пушкин. Погони за мной все еще нет, патрулей на улицах — тоже, и я делаю вывод, что Трубецкой оправдал мои надежды. То ли Аллочка не раскусила подмену, то ли обман вскрылся, но она особо не расстроилась — в любом случае в городе тихо.

Рамки металлоискателей я прохожу с полузакрытыми глазами, но на меня никто не обращает внимания. Встречают, как известно, по одежке, а я сейчас похож на обычного парня в «фирме», возвращающегося в златоглавую.

По зданию вокзала я передвигаюсь, слегка покачиваясь и демонстрируя многочисленным объективам камер заплетающиеся ноги. Выгляжу как типичный нетрезвый бездарь: на голову натянут черный капюшон футболки, волосы растрепаны, а густая челка закрывает лицо до кончика носа.

Лавирую между немногочисленными пасса-

жирами и первым делом захожу в небольшой магазинчик. Отказываюсь от помощи усталого продавца и покупаю втридорога полный комплект спортивной одежды и аксессуаров: рюкзак, кепку, футболку, спортивный костюм, носки и кеды — все синего цвета.

В ожидании «Стрелы» долго и сосредоточенно выбираю велосипедные очки. Беру хамелеоны в синей же оправе с регулируемым затемнением — мне нужно скрыть от всех фиолетовые радужки. Расплачиваюсь наличными сильно прищурившись. Впрочем, растрепанная и грудастая кассирша преклонных лет не обращает внимания ни на цвет моих глаз, ни на меня.

Вкупе с синей одеждой затемненные стекла оттенят глаза, и на меня не будут пялиться, словно на редкого зверя в зоопарке. Я бы с удовольствием воспользовался контактными линзами, но их нет в свободной продаже, ибо скрывать натуральный цвет глаз в Российской Империи запрещено законом.

Переодеваюсь в туалете для инвалидов и придирчиво оглядываю себя в зеркале. В амальгаме отражается типичный питерский гопник, в котором весьма сложно опознать блистательного и неповторимого Александра Игоревича Шувалова,

фотографиями которого заполонен Телеграф.

Билет в Москву я покупаю в автомате, низко опустив длинный козырек и затемнив очки — надеюсь, что система распознавания лиц останется слепа. Прохожу мимо фирменной пирожковой Николаевских железных дорог, вдыхаю аромат жареного мяса и понимаю, что захлебнусь слюной, если не отужинаю здесь и сейчас.

Захожу внутрь, покупаю бутылку кваса, набираю полную тарелку пирожков и усаживаюсь в углу небольшого зала. С этого места прекрасно виден перрон, на который прибудет скорый поезд. Глядя на снующих по нему пассажиров, опустошаю тарелку за несколько минут, откидываюсь на спинку неудобного кресла и довольно щурюсь словно сытый кот.

Возможно, первое впечатление ошибочно, и меня уже ищут. Бестужев не глуп и потому вряд ли поверит, что я все еще нахожусь в Царском Селе. Запускать всеимперский розыск он не будет, я все же наследник Великого Рода. Обойдется силами Тайного Сыска, значит, полицейских облав и тотальных проверок документов можно не ждать.

Самым разумным выходом из ситуации было бы позвонить Шувалову и попросить прислать

за мной вертолет, но я еще не решил, куда и к кому еду. Если отбросить непреходящее желание податься в беглецы и скрыться на дальней окраине Российской Империи, самым разумным было бы залечь на дно и дождаться информации о состоянии здоровья Цесаревича.

Если Наследник Престола выживет, то можно смело возвращаться с повинной в высотку Фиолетового Рода и играть роль испуганного мальчика, совершившего побег по глупости. А если Алексей отдаст душу Разделенному, то не спасет даже Приют. К тому же у меня нет уверенности, что правящая фамилия не имеет к нему отношения.

Формально побега как такового не было, потому что не было заключения под стражу. Фиксация конечностей в больничной палате — это не арест, а забота о пациенте. Обвинений мне не предъявляли, в кутузку не бросали, лишь в очередной раз пригрозили вывести на чистую воду в качестве агента всех известных разведок сразу.

Но разве будут принимать во внимание формальности в подвалах Тайного Сыска, отбивая печень и почки?

Красно-белая «Стрела» останавливается на перроне, я выныриваю из пирожковой и вливаюсь в толпу ожидающих посадки пассажиров.

Занимаю самое непопулярное и дешевое место — у дверей в тамбур. Помимо близости к выходу из вагона, оно обладает еще одним несомненным преимуществом: у меня нет соседей.

Откидываю спинку кресла, расслабляюсь и прищуриваю глаза, делая вид, что сплю. В голову приходят дежурные мысли о моем двойнике в сиротском доме, о слетающихся ко мне словно мухи на мед одаренных, об исчезнувшем Темном Кристалле и о Светлом Осколке, который рассыпался в моих руках.

Добавим в эту окрошку Темного, который отправил меня из Выборга в Царское Село, чтобы я сражался с другими Темными. Старик явно знал о нападении, но отослал во дворец и даже предложил поторопиться. Зачем он это сделал? Почему Темный благословил и направил меня на борьбу с Темными же?

Он был уверен, что я как минимум выживу и… Быть может, Темный послал меня уничтожить Кристалл? В памяти всплывает фраза Темного: «В империи нет доступных Темных Кристаллов!». О Кристалле в подвале дворца он не знал.

Снова паззл, и снова загадка на загадке…

Нет! Я мысленно качаю головой. Не сейчас! Я подумаю обо всем этом и многом другом, и

обязательно решу, с кем все это можно обсудить, но позже.

Электронное табло сообщает, что Стрела разогналась до скорости триста километров в час. Я удивленно перевожу взгляд со светящихся цифр на пейзаж, медленно проплывающий за окном, и не верю своим глазам: уж слишком медленно он меняется.

Оглядываю окружающих меня пассажиров. Кто-то спит, кто-то сосредоточенно читает книгу или газету, а большинство зависло в своих смартфонах. Никто не наблюдает за мной и даже в окна не смотрит. Меня окружают самые обычные люди, не имеющие отношения к спецслужбам. В отличие от меня, они путешествовали на Стреле много раз, и парадоксы восприятия скорости их не интересует.

Откидываюсь на высокую спинку кресла и закрываю глаза. На этот раз по-настоящему. У меня есть пара часов, чтобы отдохнуть. Чуть меньше, потому что до Москвы я недоеду и сойду раньше — в Высоковске, а в столицу доберусь на рейсовом автобусе.

Прежний Симпа поехал бы в столицу, угнав мотоцикл или авто, но нынешний уже не верит в свое чудодейственное везение и с каждым

днем становится все более прагматичным и осторожным. Уж слишком гладко решаются все проблемы, можно сказать, идеально.

Это мне очень не нравится. Побег из больничной палаты тоже прошел как по маслу. Я не могу избавиться от ощущения, что меня гнали по заранее спланированному маршруту, не мешая, а помогая унести ноги.

А еще я не понимаю, как воспользовался чудовищной мощью Темного Кристалла, и ума не приложу, как с помощью Темной энергии уничтожил Темную же сферу. Ведь я не прошел Инициацию, не стал Темным или Светлым, я все еще бездарь с фиолетовыми глазами. Бездарь, которому подвластна темная сторона Силы. Если об этом узнают Главы Великих Родов…

Я убеждаю себя, что у высших аристо нет резонов меня убивать без наличия доказательств! И внутренний голос тут же ехидно интересуется, почему я все еще не позвонил Шувалову. Нашептывает, что предупреждение Грибоедова было реальным, и я это чувствовал, а значит, обладаю как минимум задатками Темного. Кричит, что, совершив подвиг по уничтожению Темной Сферы, я подписал себе смертный приговор, и как только Цветные и Темные Одаренные об этом узнают…

Высшим Цветным рассказать об этом может только Цесаревич, других свидетелей нет. Расскажет или нет? Я все еще не понимаю, почему почему Алексей расположен ко мне, и потому не знаю ответ. У меня есть время до момента, когда он придет в себя и сможет говорить.

Наверное, есть, но его немного. Поэтому и приходится мчаться в Москву на поезде, а не на угнанном мотоцикле или авто, что более рискованно. Поездку автостопом я вообще не рассматриваю, потому что спрятать лицо от водителей и дорожных камер будет невозможно.

Что касается Темных, они уже знают обо мне слишком много, гораздо больше, чем я сам. Вопрос лишь в том, насколько скоординировано они действуют. С большой вероятностью их одаренные тоже делятся на кланы, которые могут преследовать разные интересы и действовать независимо и даже друг против друга.

Я обрываю поток мыслей и начинаю считать овец. Овечки всех цветов радуги пасутся на сером лугу, а пасет их несколько огромных, черных как смоль овчарок. Затем картинка приближается и становится понятно, что зубы в овечьих пастях ничуть не меньше овчарочьих, а раздвоенные копыта напоминают заостренные пики.

Я просыпаюсь за двадцать минут до объявления о прибытии экспресса на станцию Тверь. Просыпаюсь от внезапно захлестнувшей меня тревоги и оглядываю вагон. Картина все та же: пассажиры читают, зависают в смартфонах и спят.

Успокоившись, собираюсь закрыть глаза, и в этот момент двери переднего и заднего тамбура с грохотом распахиваются. В вагон вваливаются бойцы в форме Императорской Гвардии с автоматами наперевес.

Ныряю в проход, совершаю кувырок, встаю на ноги ближе к середине вагона и оглядываюсь. Путь к тамбурам отрезан — в обоих концах вагона сгрудились бойцы в активированной броне и шлемах. Две слаженные пятерки и их командир. В тамбурах, за полупрозрачными стеклами дверей также стоят их сослуживцы.

— Уважаемые пассажиры — просьба покинуть вагон! — говорит командир, и голос, усиленный динамиками шлема, оглушает.

Я узнаю интонации Бестужева-младшего. Его папаша все же поймал меня. Наблюдаю за пассажирами, спешно покидающими свои места и протискивающимися в проход между спецназовцами и корю себя за дурацкие моральные принципы.

Взять в заложники испуганных и вжавшихся в кресла пассажиров я не готов, хотя это, возможно, позволило бы мне сбежать. Провожаю испуганных и молчаливых бездарей тоскливым взглядом и терпеливо жду, когда они покинут вагон.

Седьмое правило Кодекса Агента гласит: «Выживи любой ценой!», но я больше не буду ему следовать. Игры в супер-аристо закончились, началась реальная жизнь в реальном мире.

В тесном проходе между креслами спецназ не сможет использовать преимущество в численности. Огнестрелы они точно применять не будут, иначе перестреляют друг друга как куропаток. Скорее всего, им дан приказ взять меня живым, значит, парням остается лишь одно: идти в рукопашную.

Теоретически я могу повторить подвиг трехсот спартанцев при Фермопилах в одном лице, если буду вертеться волчком и отбиваться от прущих с двух сторон бойцов. Попробовать можно, а стоит ли рассчитывать на успех — не уверен.

Делаю глубокий вдох и сосредотачиваюсь, готовясь к защите в режиме спурта. Продумываю возможные сценарии атаки, планирую собственные перемещения в тесном пространстве и прихожу к неутешительному выводу: без защиты

магии, пусть даже слабенького серого Покрова я обречен.

Переть с голыми руками на спецназовцев, облаченных в боевую активную броню — безумие, их слишком много, а бежать мне некуда. Пожалуй, я даже смогу вырубить нескольких ценой множества переломов, но это не откроет мне дорогу к спасению.

Экспресс несется со скоростью двести километров в час и прыжок в подножки в тамбуре или в окно равносилен самоубийству. Даже если получится разбить стекло и не размозжить голову.

Сейчас самое время почувствовать тепло нагревающегося Осколка на груди, но от него осталась лишь пыль. Пытаюсь ощутить разлитую в пространстве Силу, но все тщетно — в данный момент я обычный бездарь, бесцветный, ничем не отличающийся от сероглазых бойцов впереди и позади меня.

Если бы я был инициирован и владел родовой магией, разговор был бы другим. Я бы смял всех гвардейцев за пару секунд и вышел бы из поезда на летящую по воздуху фиолетовую платформу, которую сам же и сотворил.

Интересно, есть ли в поезде боевой маг из Императорского Рода на случай, если я применю

Силу, или гвардейцы уверены, что магией я не владею?!

Командир делает пару шагов вперед и не торопясь снимает шлем. Я был прав: на меня смотрит Бестужев-младший. Смотрит спокойно и уверенно, ничуть не боясь.

— Приветствую вас, князь и прошу: сохраняйте спокойствие! — говорит он, склонив голову. — Я не сомневаюсь, что вы можете оказать сопротивление! Я видел вас в деле на Тверской, но не хочу напрасных жертв!

— Добрый день! — я отвечаю дежурной любезностью. — По какому поводу я удостоился столь многочисленного эскорта?!

— Вы же не поверите, если я скажу, что мы прибыли для охраны вашей драгоценной персоны? — спрашивает Бестужев без тени иронии.

— Вы бы еще гвардейский полк с собой захватили! — поддеваю парня, не в силах сдержать сарказм.

— Я взял ровно столько людей, сколько необходимо, чтобы вас обездвижить, а затем доставить вместе с моими ранеными бойцами в Москву, — ничуть не смутившись, отвечает Бестужев.

— Благодарю за лестное предложение, Ярослав Иванович, но смею вас заверить, что охрана мне

не требуется!

— Мы нужны вам не для защиты от Темных, — заявляет Бестужев-младший и делает паузу, чтобы до меня дошел смысл сказанного. — Вы под колпаком Тайного Сыска, вот почему вам нужна личная охрана Цесаревича!

Часть паззла складывается. Неужели Бестужев-старший подтолкнул меня к побегу, чтобы взять в оборот с помощью классического предлога: сбежал, значит, виновен? Я сжимаю челюсти до зубовного скрежета и корю себя за неосмотрительность., но другого варианта попросту не было! Я уверен, что Грибоедов говорил правду, я чувствовал это, как чувствую сейчас искренность Ярослава Бестужева.

— Я вам не враг! — тихо произносит он, прямо глядя мне в лицо.

Бестужев делает еще два шага навстречу, но я не отступаю и не отвожу взгляд. Чувствую, что он не врет и убивать меня не планирует. По крайней мере, здесь и сейчас. Молчу и продолжаю смотреть в темно-серые глаза.

Бестужев подходит еще ближе и останавливается на расстоянии локтя.

— Цесаревич при смерти, — едва слышно сообщает он и вытаскивает из кармана наручники.

Молчу и не двигаюсь. Парень уверенно смотрит мне в глаза, его взгляд тверд и сумрачен.

— Это не уловка: он просил передать, что хочет показать вам свое настоящее жилище, как и обещал, — сообщает Бестужев, расстегивает самозатягивающиеся браслеты и приглашающе протягивает их вперед.

Еще три недели назад я бы устроил бойню в попытке проложить путь к спасению любой ценой, в том числе ценой своей жизни, но от легкомысленного и уверенного в собственном бессмертии Симпы уже мало что осталось.

Кладу запястья на холодные стальные полукружия, и наручники защелкиваются. Открыть их невозможно даже с помощью дара, внутрь встроены защитные амулеты.

Глава 23
Прощальное напутствие

Бестужев-младший спокоен и меланхоличен как удав. Парень старше меня лет всего на пару лет, но кажется, что ему лет сорок, не меньше. Максимально серьезен, сосредоточен и погружен в себя. За время пути от Твери до Москвы он не проронил ни слова как, впрочем, и я.

Мы сидим в роскошном салоне Роллс-Ройса друг напротив друга, погруженные в собственные мысли. О чем думает Ярослав Бестужев, я не знаю, но у меня в голове кружат в хороводе привычные вопросы без ответов, от которых невозможно ни спрятаться, ни скрыться.

За окном мелькают центральные кварталы столицы. Ночью машин на улицах практически нет, и мы несемся к Кремлю, будто на пожар. Бестужев провожает городские пейзажи скучающим взглядом и на меня тоже не смотрит, будто находится в салоне один.

— Как вы меня обнаружили? — спрашиваю я для того, чтобы поговорить хотя бы о чем-нибудь.

— Алексей Николаевич направил, — Бестужев пожимает плечами. — Вас и не искал никто.

— Назвал номер поезда и вагон? — недоумеваю я.

— Нет, он сказал, с какой скоростью, откуда и по какому маршруту вы движетесь, — отвечает Бестужев безразличным тоном. — Вычислить номер поезда не составило труда.

Тьма меня забери! Как Алексей узнал, где я? Неужели, он видит меня в пространстве как Шувалов? Но как это возможно таком большом расстоянии?

— Почему мы едем на машине, а не летим на вертолете? — спрашиваю я, занося в список открытых вопросов еще один — о способностях Цесаревича.

— А вы предполагали, что все произойдет как в боевике Мосфильма: на крышу вагона садится вертушка, окна разбиваются в дребезги, и на головы обделавшихся от страха пассажирам падают вооруженные до зубов гвардейцы? — спрашивает Ярослав, иронично улыбаясь.

— Я не знаю, много ли у нас времени, но очевидно, что вертолет быстрее, — поясняю я.

— Быстрее, но не безопаснее!

— Как себя чувствует Алексей?

— Очень плохо! — Ярослав мрачнеет. — Его силы тают с каждым часом, это даже я, не будучи целителем, чувствую.

— А что говорят целители?

— Ничего не говорят, лечат, ходят вокруг Леш… Алексея Николаевича и тяжко вздыхают, — зло произносит Бестужев, и на его лице впервые за вечер проявляются яркие эмоции.

Он хотел сказать «вокруг Лешки»? Интересная оговорка!

— Зачем я понадобился Цесаревичу?

— Не знаю! — Бестужев снова пожимает плечами. — Я бы на его месте призвал к своему одру княжну Нарышкину.

Ярослав осторожно шутит, прощупывая мою реакцию и пределы допустимого в общении.

— Давай перейдем на «ты»?! — предлагаю я, чтобы немного сократить дистанцию.

— Давай! — Ярослав улыбается. — Нам сам Разделенный велел: мы же оба бастарды!

Мне становится понятна причина ненависти, питаемой ко мне отцом Ярослава. Классический перенос, психология, вводный курс.

Опускаю взгляд на руки парня и вижу тонкий, едва заметный шрам на левом запястье. След от пореза бритвой или острым ножом. Такой же, как

на руке Цесаревича. Из глубины памяти всплывает его фраза о кровном братстве.

Бестужев перехватывает мой взгляд и кладет ладони на колени, пряча давний порез.

— Ты сказал, что мне нужна охрана от Тайного Сыска, но твой отец…

— Я — не мой отец! — прерывает меня Бестужев, и в его голосе звучит сталь. — Личная охрана Цесаревича подчиняется лишь ему!

Молча киваю и тему не развиваю: снова вспышка эмоций — очевидно, что я наступил на больную мозоль.

— Ты подозреваемый, как и все наследники, — уже спокойнее произносит Ярослав. — Учитывая сомнительную чистоту твоей крови и недолгое нахождение в аристократической среде — главный подозреваемый!

— Но это же бред! — восклицаю я.

— Это игры высокородных аристо! — поясняет Бестужев с невеселой улыбкой на губах. — В подобных случаях необходим козел отпущения, и как мне кажется, ты подходишь на эту роль идеально.

— Весьма разумное предположение! — соглашаюсь я.

И отличный повод ослабить неожиданно уси-

лившийся Род Шуваловых. Эту мысль я благоразумно оставляю при себе, но Бестужев наверняка понимает все не хуже меня.

— А какую игру ведет Алексей?

— Сейчас — со смертью! — говорит Ярослав, уходя от прямого ответа. — И потому он хочет поговорить с тобой во что бы то ни стало!

В глазах Бестужева застыла боль. Я вижу это так же ясно, как черные круги под его темно-зелеными глазами. Он не просто командир охраны Цесаревича, их связывает нечто большее…

— Как ты стал начальником охраны Алексея? — интересуюсь я намеренно безразлично. — Тебе же всего…

— Девятнадцать, — прерывает меня Ярослав. — Но протекция отца ни при чем, он был категорически против!

Мальчик талантливый, мальчик всего добился сам, мальчик даже слышать не хочет об участии могущественного отца в своей судьбе.

Бестужев оказался еще моложе, чем я думал. В генеалогическом древе Великих Родов, с которым я работал, присутствуют только законнорожденные либо признанные таковыми впоследствии. Ярослава в нем нет. Суровый папочка сына не признал и в Род не ввел. Обязательно наведу о

парне подробные справки. Если выживу.

— Мы с Алексеем друзья, — добавляет он после небольшой паузы. — Друзья с раннего детства…

К горлу Бестужева подступает комок, и, сглотнув, он отворачивается к окну.

Вот, в чем дело. Два одиноких мальчишеских сердца, наивная детская дружба, смешение текущей из разрезов на запястьях крови над каким-нибудь артефактом, кровные братья, клятва в верности…

Позже, в юности, все это переросло в банальное доверие и дружеское расположение.

Не самый плохой мотив. Вот только зачем об этом рассказывать мне? Чтобы доказать, что его назначение на должность командира личной охраны Наследников Престола не имеет отношения к положению отца при дворе? Попытка завоевать мое дружеское расположение? Как бастард — бастарду? Или за этой откровенностью кроется нечто большее?

Наш кортеж подъезжает к Боровицким Воротам Московского Кремля и Руссо-Балт останавливается. Хлопает дверь — Ярослав выходит из машины и что-то говорит подошедшему к нему гвардейцу.

Боец кивает и направляется к лимузину. Пы-

таюсь развести затекшие руки, и в запястья врезаются металлические браслеты. Откидываю голову на подголовник и прищуриваю глаза.

Дверь открывается, и гвардеец заглядывает в салон. Он направляет на меня амулет странной конструкции, светит фонарем в лицо, а затем смотрит на экран смартфона. Кивает и, хмыкнув, исчезает из поля моего зрения.

Видимо, первичную проверку я прошел.

Бестужев садится напротив меня, лимузин плавно трогается с места и въезжает в Боровицкие ворота. Мы проезжаем фасад Большого Кремлевского Дворца, Ивановскую площадь и останавливаемся у двери весьма неприметной по меркам помпезной архитектуры Кремля. Она ведет во флигель Николаевского дворца, который охраняют шестеро бойцов.

— Ваши руки, Князь! — учтиво произносит меланхоличный Бестужев.

— Извольте! — я протягиваю стянутые стальными браслетами запястья вперед, и Ярослав освобождает меня.

— Тебя не должны видеть в наручниках, — объясняет он.

— Тоже решение Цесаревича?! — едко осведомляюсь я.

— Нет, мое, — ровно отвечает Бестужев. — Следуй за мной.

Князь покидает салон, и я выхожу за ним. Мы ныряем в кромешную ночную тьму, а затем заходим внутрь здания. Длинный коридор без золотой лепнины, ковров и канделябров на выкрашенных в бежевый цвет стенах похож на офисный. Он оканчивается двустворчатыми стеклянными дверями.

Бестужев прикладывает карту доступа к считывателю, белые матовые створки бесшумно разъезжаются, и мы входим в довольно большой, заполненный людьми зал. В четырех углах стоят гвардейцы в активированной броне и с автоматами на изготовку, а центр оккупировали эскулапы всех мастей. Они не обращают на меня внимания, и я безумно этому рад.

Судя по обстановке, это гостиная. Дизайн интерьера мне привычен: медленно но верно входящий в моду минимализм. Ровные стены, углы и линии, много бежевого, белого и стального. Подобным образом оформлены офисные помещения в высотке Шувалова.

Следующие двери ведут в опочивальню Цесаревича. Я понимаю это по резкому больничному запаху, просачивающемуся сквозь узкие щели.

На этот раз Бестужев картой не пользуется: он негромко стучит в стеклянную дверь. Правая створка открывается, и мы входим в полутемную зашторенную комнату.

В центре ее стоит огромная кровать, на которой в переплетении капельниц и проводов лежит Алексей Романов. Его глаза закрыты, лицо осунулось, кожа бледна, словно бумага, а губы потрескались и кровоточат.

Меня настолько поражает болезненный вид Цесаревича, что я не сразу обращаю внимание на охраняющих его людей. Помимо уже привычных мне гвардейцев в боевой броне, я вижу двух женщин.

Они сидят у изголовья кровати Алексея. Одна из них — бабушка Цесаревича, Мария Андреевна, а вторая — его мать, Императрица Александра Давыдовна. У обеих изумрудно-зеленые глаза, и обе — сильнейшие Целительницы Империи. Видимо, жизнь в Цесаревиче теплится лишь благодаря их стараниям.

— Доброй ночи, Ваше Высочество, Мария Андреевна! — говорю я, склонив голову. — Доброй ночи, Ваше Высочество, Александра Давыдовна!

— Ты пришел! — сипло произносит Цесаревич, открыв глаза. — Подойди ко мне!

— Привет, Алексей! — отвечаю я, улыбаясь, делаю шаг вперед, и меня накрывает паралич.

Я не падаю вперед лишь потому, что сзади меня подхватывает Бестужев. Глаза бабушки Романова полыхают двумя ярко-зелеными огнями, она смотрит на меня разъяренной кошкой, которая готова убить за своего котенка.

— Не трогайте его! — гневно сипит Алексей. — Бабушка, он мне не враг!

Старуха поворачивается к внуку, пристально смотрит ему в глаза, а затем недовольно поджимает губы, и я вываливаюсь из Стазиса.

— Мы приветствуем вас, Александр Игоревич! — сухо произносит мать Алексея и брезгливо оглядывает меня с ног до головы.

Я все еще в спортивной одежде, небрит и изрядно помят. Немудрено, что подслеповатая старуха не признала во мне благородного цветного. После слов дочери она поняла кто я, и теперь лишь молча кивает, милостиво позволяя безродному бастарду присутствовать рядом с высокородным внуком.

— Оставьте нас! — неожиданно громко приказывает Алексей.

Проходит несколько секунд, но ничего не меняется. Охранники стоят на позициях и не дви-

гаются, мать с бабушкой даже бровью не ведут, а я растерянно смотрю в глаза Цесаревичу.

— Оставьте нас! — просит Алексей с тем же результатом: все присутствующие в комнате персонажи делают вид, что не слышат Наследника Престола.

— Оставьте! — натужно молит он, кашляет и орошает простынь мелкими каплями крови. — Александр спас мне жизнь! И вам — тоже!

— Хорошо, сын! — произносит Александра Давыдовна дрогнувшим голосом и с достоинством поднимается с кресла.

Вдовствующая Императрица следует ее примеру, и обе женщины, хлестнув взглядами по моему лицу, исчезают за спиной. Бестужев кивает гвардейцам, и те покидают свои посты. Ярослав идет следом за ними, затем останавливается в дверях, оборачивается и вопросительно смотрит на Цесаревича.

— Все в порядке, Яр! — тихо говорит он, и Бестужев покидает спальню.

Я медленно подхожу к кровати, сажусь у изголовья и кладу руку на ладонь Алексея.

— Ты подарил мне несколько дней жизни! — тихо говорит он, и обескровленные губы кривятся в горькой усмешке.

— Я не…

— Наклонись — прерывает он меня.

Я наклоняюсь над кроватью, Романов кладет ладонь мне на шею и притягивает ближе к себе.

— Спасибо, что расстроил мою помолвку с этой шалавой Воронцовой! — шепчет он и озорно улыбается, как тогда, в подземном ходе.

Я теряю дар речи и молча таращусь на Цесаревича, а он продолжает забивать гвозди в крышку моего гроба.

— Жаль, что на обещанную дуэль я тебя уже не вызову…

— Ты узнал во мне красноглазого аристо с бала Воронцовой, но все это время молчал? — удивленно спрашиваю я.

— Так было интереснее, — на бледном лице снова появляется усмешка, на этот раз заговорщицкая. — И красноглазый аристо и послушник получились хорошо! По тебе Мосфильм плачет! И член у тебя, что надо!

Цесаревич пытается рассмеяться, но в его горле раздается лишь бульканье.

Я улыбаюсь в ответ, но на глаза наворачиваются слезы. Я чувствую, что Алексей умирает.

— А Черный Кристалл ты уничтожил сам, конклав из семи одаренных не понадобился! — он

улыбается потрескавшимися окровавленными губами. — Ты выпил его Силу до дна!

— Й-йа? — спрашиваю, заикаясь от удивления. — Ты в этом уверен?

— Абсолютно! — Романов кивает. — Я его больше не чувствую…

— Ты — Темный? — потрясенно шепчу я. — А как же глаза и магия цвета? Как ты прошел Инициацию?

— Был им! Теперь я бездарь, представляешь? Ирония судьбы, перед смертью я стал тем, кем всегда мечтал быть, — Алексей на мгновение замолкает. — Ты тоже Темный! Там, во дворце, твои глаза были чернее ночи! Я собирался научить тебя всему, что знаю, собирался помочь пройти Инициацию, не выдав себя, но…

Я снова теряю дар речи и замираю, склонившись над Царевичем, не в силах пошевелиться. Романов как минимум считывал мои базовые эмоции, а как максимум — читал мысли. Он приближал меня к себе не только потому, что хотел породниться или заполучить в союзники будущего Наследника Фиолетового Рода.

Алексей чувствовал во мне родственную душу, видел такого же Темного, как он сам. И поездку в Царское Село он организовал для меня. И

показ Кристалла запланировал еще в Москве. А окончательно убедился, что я Темный в подвале, когда мое сознание блуждало в черных глубинах мироздания.

— Я умираю! — уверенно заявляет Цесаревич прокашлявшись. — Но я знаю, что ты во всем разберешься сам, и научишься управлять магией всех цветов спектра, включая черный!

— Почему ты радуешься уничтожению Кристалла? — потрясенно спрашиваю я.

— Обещай мне?! — хрипло требует он вместо ответа. — Обещай, что убьешь всех Темных?! Я знаю — ты сможешь!

— Почему?

— Они хотят уничтожить всех одаренных Цветных, но когда их не останется в нашем мире, баланс рухнет, и цивилизация исчезнет!

— Наталья — тоже Темная?

— Нет, но если вы будете вместе, обязательно расскажи ей все, расскажи кто ты, и кем был я. — Алексей натужно кашляет, и мое лицо орошают горячие капли крови. — Береги ее, вы — единственные, кто сможет все начать сначала!

Его ослабевшая рука соскальзывает с моей шеи, и я выпрямляюсь.

— Прощай, и не доверяй никому, даже… — про-

износит Цесаревич из последних сил и умолкает на полуслове.

Его глаза закатываются, а челюсти сжимаются со страшным зубовным скрежетом. Он упирается головой в подушку, выгибается дугой и с окровавленных губ начинает идти пена.

— Врача сюда! — истошно воплю я и бросаюсь к выходу. — Целителя!

Двери распахиваются, в спальню вбегают охранники, доктора и слуги — вся королевская рать. Они обтекают меня, словно морская волна, а я потрясенно гляжу в лицо той, которая стоит в гостиной у противоположной стены и смотрит на меня. В ее зеленых глазах блестят слезы.

Я медленно, будто во сне, подхожу к Наталье Романовой и обнимаю ее за плечи.

— Ему уже не помочь! — шепчет она, кладет руки мне на грудь и прижимается мокрой щекой к моей.

Глава 24
Возвращение в родные пенаты

Лимузин подъезжает к высотке бесшумно и плавно, но я чувствую мощь Фиолетового Кристалла на его вершине и немедленно выныриваю из сонной дремоты. Образ умирающего Алексея Романова тает, а в ушах снова начинают звучать его откровения.

Мы — Темные. Оба. Так он считает. Но мне отчаянно хочется верить в иное, хочется верить в собственную универсальность, в особенный Дар, которым наделил меня Разделенный. Дар управлять любой длиной световой волны, сиречь, магией любого цвета. Вот только Светлого Осколка у меня больше нет, как, впрочем, и маскировочного амулета, подаренного Темным…

Дверь машины открывается, и я выхожу наружу. Живой коридор из гвардейцев в активированной броне, ведущий к дверям, возвращает меня в реальность. Задираю голову и смотрю в чернично-черное небо. Фиолетовый клинок света, бьющий с вершины небоскреба, кромсает плывущие над Землей тучи, и кажется, что они

вспыхивают и сгорают в неистовом цветном пламени.

— Доброй ночи, Ваша Светлость! — приветствует меня появившийся в дверном проеме Конибродский.

Помощник Великого Князя выглядит осунувшимся и усталым. Он вскидывает брови и оглядывает меня с головы до ног. Карнавальный костюм провинциального гопника ничуть не забавляет адъютанта Шувалова, а вызывает вопросы, задать которые парень не решается. Уже через пару мгновений удивление, написанное на его лице, сменяется привычным безразличием.

— Доброй ночи! — с опозданием отвечаю я, делаю шаг вперед и останавливаюсь.

Неожиданно для себя я осознаю, что с Великим Родом Шуваловых меня не связывает ничего, кроме фамилии и крови, текущей в моих венах. Даже банальная эмоциональная привязанность отсутствует. Великий Князь сделал для меня очень много, но меня ничуть не тянет в родовую высотку.

— Устал как собака, — бросаю дежурное объяснение вопросительно вздернувшему брови Конибродскому и продолжаю движение.

Мы идем к лифту, и он говорит что-то еще, но

я не слушаю. В кабине я закрываю веки и облокачиваюсь спиной на холодное стекло. Не хочу с ним разговаривать. Ничего не хочу. Даже секса с Трубецкой. Сейчас бы принять душ и завалиться спать в шуршащую накрахмаленными простынями кровать…

— Игорь Всеволодович ждет вас в своем кабинете, — заканчивает свою тираду адъютант, нажимает на кнопку и прикладывает палец к сканеру.

Я все же не Цесаревич! Шувалов не пожаловал меня личной встречей у двери лимузина и не расстелил красную ковровую дорожку под ноги. Что ж, не очень-то и хотелось!

— Великий Князь бодрствовал, ожидая меня? — спрашиваю я, лениво отыгрывая удивление.

— Гвардейцы связались с Берестовым полчаса назад и сообщили, что вы на пути к высотке…

Сигнал лифта бьет по ушам, пол едва заметно дергается, и я открываю глаза. Выхожу из кабины, медленно следую привычному маршруту и, миновав приемную, сталкиваюсь с Главой Рода в дверях его кабинета. Игорь Всеволодович облачен в белую рубашку без галстука, неизменный темно-фиолетовый костюм и остроносые туфли цвета спелого баклажана.

— Ну здравствуй, беглец! — проникновенно произносит старик и обнимает меня, похлопывая огромными лапищами по спине.

Машинально отмечаю, что он искренен и морщусь от мускусного запаха туалетной воды.

— Здравствуйте! — отвечаю я и замолкаю, потому что не понимаю, о чем и зачем говорить.

Шувалов отстраняется от меня, делает несколько шагов назад и придирчиво осматривает.

— Встреть я тебя на улице, ни за что не признал бы в этих лохмотьях! — говорит он с ухмылкой. — Не признал бы, если бы не твоя возросшая Сила!

Последняя фраза заставляет меня вынырнуть из сомнамбулического состояния.

— Сила?! Но я же неинициированный?! — изумленно вопрошаю я. — Всегда хотел спросить: как вы ее во мне видите?

— Я вижу пылающий фиолетовый огонь, сгусток энергии, — простодушно сообщает старик. — Чем сильнее носитель мощи Кристалла, тем он ярче и виден на бОльшем расстоянии. После Инициации ты тоже будешь видеть меня в пространстве. На самом деле «видеть» — не совсем точная характеристика, правильнее прозвучит «чувствовать».

— И на каком расстоянии я гасну?

— Теперь ты исчезаешь с радара метрах в трехстах от меня, — Шувалов стучит указательным пальцем по виску. — До поездки в Царское Село дистанция была гораздо меньше.

Игорь Всеволодович обходит рабочий стол и садится в любимое кресло.

— Присаживайся, — предлагает он и достает из коробки сигару.

Князь перекатывает ее в ладонях, гладит ее длинными пальцами и с наслаждением вдыхает аромат табака. Затем с сухим щелчком отрезает кончик специальным ножом и закуривает. Приветливая улыбка сползает с морщинистого лица, и старик неторопливо затягивается, пристально глядя мне в глаза.

— Что произошло в Царском Селе? — спрашивает он уже деловым тоном.

— Мне начинать с прибытия поезда? — уточняю я без тени иронии.

— Что случилось с Цесаревичем, и как вы отбили нападение? — Шувалов подается вперед и направляет на меня дымящуюся сигару. — Поведай лишь самое важное, подробности ваших оргий меня не интересуют!

Старый лис и про оргию в курсе?! Рассказывать старику о тоннеле или нет? Пожалуй, не стоит,

это повлечет за собой еще больше вопросов, а ответы на них вызовут неконтролируемую лавину новых…

— Я сбежал из Царского Села, чтобы своими глазами увидеть Выборгский сиротский дом, а когда вернулся, атака Темных была в разгаре…

— Что-то заслуживающее внимания в Выборге нашел? — лениво интересуется Князь.

Он намеренно демонстрирует безразличие, показывая всем видом, что вопрос носит дежурный характер, и ответ не имеет значения. Теперь я чувствую эмоциональный фон собеседников, и в этом нет никаких сомнений. Значит, в Выборге я упустил нечто важное помимо своей физиономии на фотографиях поздних выпусков?

— Ничего! — я отрицательно качаю головой. — Посмотрел на фотографии Александра. Он, действительно, похож на меня словно брат-близнец. Кстати, его тело нашли?

Я задаю вопрос таким же безразличным тоном, какой использовал Великий Князь, и даже порываюсь продолжить говорить, чтобы показать, что ответ мне неинтересен, хотя на самом деле жду его, затаив дыхание!

— После атаки Темных на сиротский дом, спасатели и военные обнаружили и идентифици-

ровали тела всех погибших, но своими глазами я их не видел, — произносит Шувалов и затягивается приторно-горьким дымом. — Мы вычеркнули из списка лишь имя твоего тезки, куда наши агенты дели тело я не уточнял. И я не знаю, чей он бастард, если ты об этом, и знать не хочу!

В голосе Шувалова звучит раздражение, причина которого мне неизвестна.

— Как ты покинул Александровский Дворец через кордоны Бестужева? — спрашивает он через несколько мгновений.

— Меня учили этому десять лет, — отвечаю я с дерзкой улыбкой. — Не понимаю, зачем нужна многочисленная охрана, которую может нейтрализовать любой одаренный…

— Об этом мы поговорим позже, а пока продолжай…

— Темные напали в тот момент, когда я шел по парку к Александровскому Дворцу. Небо потемнело, над головой возник серый купол, и я побежал в здание. Поднялся по центральной лестнице в общий зал и увидел Цесаревича. Он стоял посередине Большого Зала Приемов, раскинув руки, а все остальные наследники лежали подле него без чувств. Алексей посмотрел на меня, протянул руку и попросил о помощи. Я открылся и отдал

ему те крохи Силы, которые во мне были, а затем потерял сознание. На подвиг не тянет!

Я пожимаю плечами и отворачиваюсь к окну. Отворачиваюсь, чтобы Князь не увидел в моих глазах сожаление. Шувалов верит мне, я чувствую это. В Приюте меня научили врать, и я делаю это виртуозно, но старика обманывать не хочу. Не хочу, но вынужден.

— Твой ответ слово в слово соответствует отчету Цесаревича, — задумчиво изрекает Шувалов. — Проблема лишь в том, что щенок при всем желании не мог справиться с атакой такой мощи! С ней даже Романов-старший не сдюжил бы в одиночку! Бестужев и дознаватели в тупике — они не понимают, как Наследник Престола уничтожил Темных!

— Цель Темных уже известна? — спрашиваю я, втайне надеясь, что ей не являюсь.

— Видимо, хотели уничтожить всех Наследников Великих Родов одним махом, другой версии пока нет, — Шувалов затягивается ароматным дымом, щурясь от удовольствия. — Удар Алексея был настолько силен, что от Темных остались лишь кучки пепла. Сыск не может установить даже исполнителей теракта, не говоря уже о заказчиках.

Шувалов замолкает, делает очередную затяжку, выпускает в воздух несколько широких колец, а затем пронзает их струей белесого дыма. Я бы подумал, что он использует Силу, но фиолетовые радужки не светятся.

— Бестужев не верит, что вы могли отразить атаку самостоятельно, и потому со свойственной ему паранойей предполагает, что нападение было постановочным, а уничтожение напавших на вас Темных — сознательное заметание следов Темными же, — произносит Шувалов с кривой ухмылкой и стряхивает пепел в серебряную пепельницу.

А я по его мнению — непосредственный исполнитель и основной выгодоприобретатель этого спектакля. Очередного, но не последнего. Вряд ли Бестужев донес эти соображения до Великого Князя, уж слишком фантастично они звучат. Фантастично, но волне логично. Мысль свою я Шувалову не озвучиваю, а увожу разговор в иную плоскость.

— Насколько я понимаю, среди Темных Империй нет единства? — спрашиваю я.

— Нет! — подтверждает старик. — За нападением может стоять любая!

— А Темные, прячущиеся среди нас, на него

способны?

— Теоретически, да! — Шувалов кивает. — Думаю, сил для такой атаки у них вполне достаточно! Цветных тоже нельзя сбрасывать со счетов! Кто бы это ни был, вы уничтожили несколько десятков террористов, и теперь они будут долго зализывать раны!

Я плотно сжимаю челюсти, пряча рвущуюся на свободу ироничную усмешку: нам известно лишь то, что ничего не известно. И вдруг в сознании вспыхивает тревожная мысль: почему Шувалов, говоря об отражении нападения, применяет местоимение «мы», а не «он»? Ведь Темных уничтожил Цесаревич, хотя это и вызывает сомнения? Он подозревает меня в или имеет в виду, что все наследники поделились Силой с Романовым?

— А теперь перейдем к самому интересному! — вкрадчиво произносит Князь. — Почему ты сбежал в Москву?

Ироничных комментариев по поводу Трубецкого, пристегнутого ремнями к моей кровати, не звучит, значит, Шувалов не в курсе.

— Князь Бестужев-старший огласил собственную версию произошедшего, исходя из которой я являюсь соучастником теракта, ибо очень вовре-

мя сбежал из дворца…

— В самом деле?! — удивленно восклицает Великий Князь и подается вперед в ожидании ответа.

Его брови взмывают вверх, пальцы дергаются, и пепел падает на лакированную поверхность стола.

— Он заявил мне это лично, но свидетелей нет…

— И он так тебя напугал, что ты сбежал из больницы, сверкая пятками? — Князь криво улыбается. — Решил подтвердить обоснованность нелепых подозрений побегом?

— Еще Грибоедов зашел и намекнул, что Цесаревич при смерти, а я — идеальный козел отпущения…

— А это уже интересно! — Шувалов откидывается в кресле и напряженно думает о чем-то, глядя поверх моей головы. — Дознаватели обычно не участвуют в интригах высших цветных, но чем Разделенный не шутит!

Я практически уверен, что участие Грибоедова продиктовано тем, что оба мы — Темные, но высказав это, подпишу себе смертный приговор с немедленным исполнением и потому молчу, ожидая следующего вопроса.

— Зачем тебя вызвал Цесаревич и как нашел Бестужев-младший?

— Как нашел — не знаю, я спрашивал у Ярослава, но он ушел от ответа, — вру Шувалову, глядя прямо в проницательные фиолетовые глаза. — А Романов хотел попрощаться — он умирает…

— Еще интереснее! — произносит Великий Князь, оживленно жестикулируя. — Умирающий Наследник Престола призывает к смертному одру не друзей, которых знает с детства, не Нарышкину, с которой помолвлен, и не любовниц, которых у него не счесть, а без году неделя аристо, которого впервые увидел пару недель назад?! Вы с ним в Александровском Дворце все углы совместно обдрочили или что?!

— Или что! — зло огрызаюсь я.

— Прости! — Князь примирительно поднимает руки, и серый пепел вновь рассыпается по столу. — Я не понимаю мотивов Романова и оттого злословлю!

— Думаю, что Алексей увидел во мне родственную душу — узника обстоятельств, такого же, как он сам…

Так себе версия, если честно, но хотя бы частично соответствует действительности…

— А ты у нас — узник? — спрашивает Шувалов

с нескрываемой иронией.

— Больше не узник, — парирую я с горькой усмешкой, — свободен как ветер и лечу куда хочу!

— Ветерок! — ухмыляется Шувалов, перегибается через стол и ерошит мне волосы на макушке. — Молодой и горячий!

Кисло улыбаюсь в ответ, но от грубой ласки не ухожу, чтобы не обижать старика. Чувствую, что это искренний порыв, отцовский: уж слишком я похож на убитого им же самим сына.

— Лети уже! — говорит Игорь Всеволодович и тушит сигару. — Ольга тебя заждалась — места себе не находит!

— Я больше не пленник! — упрямо повторяю я. — Начиная с этой минуты! И буду гулять там, где захочу и когда мне заблагорассудится!

— Ты готов пожертвовать жизнью ради мнимой свободы? — спрашивает Князь с искренним удивлением.

— Я готов рискнуть: риск и смерть — это разные вещи!

— Если я предложу тебе охрану, ты, естественно, откажешься?! — спрашивает Шувалов после короткого и напряженного раздумья.

— Откажусь, а если будете настаивать, то обез-

врежу ее или уйду из-под опеки — поверьте, я это умею!

— До Инициации осталось десять дней, неужели ты не можешь потерпеть? Обретешь Силу — и делай, что тебе вздумается!

Я лишь отрицательно качаю головой — слова у меня закончились. В кабинете повисает напряженная тишина. Великий Князь смотрит мне в глаза, словно пытаясь прочитать мои мысли.

— Договорились! — наконец, заключает Шувалов, встает из-за стола и протягивает руку. — Условие лишь одно: если попадешь в опасную передрягу, сразу обращаешься ко мне, а не занимаешься самодеятельностью, как сегодня ночью!

Протянутую ладонь я жму молча, не испытывая ни торжества, ни удовлетворения.

— Наследники все еще в Питере?

— Всех доставили вертолетами пару часов назад, сразу после твоего побега! — Шувалов улыбается. — Видимо, Бестужев испугался, что дурному примеру последуют все! Твой смартфон тоже привезли — как никак собственность Тайной Канцелярии! Получите изъятое в рамках оперативного разбирательства и распишитесь!

Великий Князь открывает ящик, достает оттуда мой телефон и выкладывает его на стол.

— Надеюсь, порно ты на рабочем смарте не смотришь и в компрометирующие тебя переписки с поклонницами в Телеграфе не вступаешь? — Шувалов поднимает бровь, и я понимаю, что в его вопросе содержится предостережение.

— У меня богатое воображение, я и без порно могу!

— Вот этим и займись, а от неприятностей держись подальше! — продолжает язвить Игорь Всеволодович. — С Бестужевым я уже поговорил — до Инициации он тебя не тронет, а когда пройдешь ее, все вопросы отпадут сами собой!

— Благодарю! — выдавливаю я из себя.

Сгребаю со стола смарт, покачнувшись, встаю с кресла и направляюсь к выходу.

— И еще одно: выбрось этот убогий спортивный костюм! — доносится мне вслед уже в дверях.

Я выбрасываю из головы все тревожные мысли и направляюсь к Ольге.

Трубецкая на стук в дверь не реагирует. Она точно у себя и точно одна — парни из охраны уже сообщили. Видимо, крепко спит, как и все нормальные люди ранним утром. Я разворачиваюсь, чтобы уйти к себе, и дверь открывается.

— Привет! — кричит заспанная княжна, бросается мне на шею, обхватывает ногами за талию и

страстно целует в губы.

— Привет! — ласково говорю я через минуту, глядя в сияющие синие глаза. — Мне тебя не хватало!

— Я очень соскучилась! — отвечает она сладким воркующим голосом и мягко касается губами моей шеи.

Обнимаю девчонку за талию и крепко прижимаю к себе. Остро чувствую жар ее тела сквозь тонкую ткань ночной рубашки, и воображение, которым я хвалился перед Шуваловым, мгновенно распаляется. Сонливость куда-то пропадает, сердце начинает биться чаще, а острая волна возбуждения опускается в низ живота.

Я несу княжну в спальню, кладу ее на кровать, сдираю с себя ненавистный спортивный костюм, словно старую кожу, и забываю обо всех проблемах.

Глава 25
Аристо — те еще ублюдки!

Я просыпаюсь лишь к вечеру. Открываю глаза и вижу в потолочном зеркале, что в кровати лежу один — Ольги рядом нет. Сладко потягиваюсь и сбрасываю простынь, подставляя обнаженное тело теплым и ласковым лучам заходящего солнца, льющимся через окно.

Так хорошо, как сейчас, мне не было уже давно. Я чувствую приятную расслабленность в теле и сладкую истому в паху. Усилием воли отгоняю привычные мысли о собственной сущности на периферию сознания и активирую смартфон.

Телеграф заполнен новостями о таинственном инциденте в Царском Селе. В каждом новостном канале, в каждом блоге, на каждой личной странице публикуют фото темной полусферы, накрывшей Александровский Дворец и видео момента, когда в нее бьет пущенный мной заряд Силы и разносит ее в клочья.

Видео, снятое снаружи, впечатляет: полупрозрачный графитовый купол вздрагивает, раскалывается на части, будто стеклянный, и его

фрагменты медленно оседают на землю, истончаясь и теряя цвет. По окружности полусферы алыми факелами вспыхивают фигуры безымянных Темных, добавляя картинке красочности и драматизма.

Версии обсуждаются самые разные: от нападения Темных на царскую семью до съемок очередного боевика Мосфильма. Насчет личности спасителя все практически единодушны — вОрога сразил сам Император-батюшка. Царь отвел беду от земли русской и защитил нас, сирых, от коварных захватчиков.

Непроизвольно морщусь и закрываю новостную помойку. Непрочитанных сообщений и неотвеченных звонков сотни. Больше всего — от Ольги. Их я пропускаю, потому что ночью несколько раз развеял ее тревогу о состоянии моего здоровья, и пролистываю остальные.

Шувалов, Берестов, все наследники… Стоп, не все! Нет ни одного сообщения или звонка от Андрея Трубецкого, хотя в сети он был совсем недавно. Набираю его, но в ответ слышу механический голос. Робот любезно сообщает мне, что вызываемый абонент меня заблокировал и внес в список нежелательных.

Набираю Ольгу Трубецкую.

— Привет! — говорю я. — У нас намечается рандеву или светский прием?

— Привет! — отвечает она удивленно. — Шувалов дал очередное задание?!

— Нет, просто ты снова выжала меня досуха…

— Ты не особо сопротивлялся, даже наоборот — всячески меня поощрял!

Перед глазами возникает отражение в зеркале оседлавшей меня Ольги — чуть отклонившейся назад, запрокинувшей голову и вцепившейся руками в простыни. Снова накатывает возбуждение, и я отгоняю приятный во всех отношениях морок — сначала неотложные дела.

— Не хочешь составить мне компанию?! — спрашиваю я.

— Если ты предлагаешь секс, то мне нужен перерыв…

— Предлагаю, но сначала съездим в гости к одному хорошему человеку?!

— Я его знаю? — в голосе Ольги проявляется ленивый интерес.

— Лучше всех в этом мире!

Услышав имя, Трубецкая замолкает и тяжело дышит в трубку. Сдерживается, чтобы не обрушить на меня ярость потомственной одаренной. Я терпеливо жду, предвкушая кофе с любимыми

пирожками, приготовленными по случаю моего возвращения. Молчу и веду пальцами по кубикам на прессе, не доверяя отражению.

Рельеф мышц за последние недели никуда не делся, но если я не перестану налегать на жареное и сладкое, то очень скоро превращусь в жирного борова наподобие Апраксина. Будет ли тогда Трубецкая такой же страстной и любвеобильной? Нет уж, лучше не рисковать. С завтрашнего дня сажусь на диету и снова начинаю качаться!

— Я согласна! — наконец, отвечает Ольга, и я добавляю жирный плюсик в список своих достижений.

— Готовность — десять минут, встречаемся за ужином! — произношу я, копирую властные интонации Главы Рода.

— Саша, я так быстро не смогу! — пытается торговаться Ольга.

— Хорошо, пятнадцать! — соглашаюсь я, прерываю разговор и несусь в ванную.

Пирожки восхитительны, как я и ожидал, а кофе, сваренный по рецепту Натальи Романовой, выше всяких похвал. Ольге он тоже нравится, но о происхождении рецепта я благоразумно умалчиваю.

— Пирожки с кофе — дурной тон, — заявляет

Ольга, уплетая уже пятый по счету. — Твое обучение аристократическим манерам пошло прахом!

Девчонка неестественно игрива и весела — так она отгоняет мысли о предстоящей встрече и скрывает волнение. Я ее понимаю и поддерживаю игру.

— А как есть пирожки на великосветском приеме? — спрашиваю я с искренним интересом. — Кромсать ножом для рыбы и отправлять в рот по кусочку?

— Пироффки, лепеффки и блины на приемафф не подают — мовешь не фолнофатся, — отвечает Ольга с набитым ртом и громко отхлебывает кофе.

Если бы напротив сидел ее брат, я бы рассказал анекдот, главный герой которого в самый интимный момент просит юную княжну: «Не чавкайте, это претит моему воспитанию!», но Андрея рядом нет. Он пропал с радаров и отгородился от меня даже в виртуальном пространстве.

— Завтра будем отрабатывать калории, — сыто произношу я, отставляю пустую тарелку и откидываюсь на высокую спинку стула.

— Завтра?! — возмущается Ольга. — Сегодня! Я тебя несколько дней не видела!

— Мне нравится ход твоих мыслей, но я говорю

о силовых тренировках и боевке!

— Это скучно! — заявляет Трубецкая и пожимает плечами. — Следующий спарринг в модуле только после инициации! Или найди себе неинициированного соперника!

— Этим мы сейчас и займемся, ты готова?! — спрашиваю я, недовольно вскинув бровь и глядя на тарелку, полную снеди.

— Едем! — отвечает Трубецкая, с трудом оторвав взгляд от аппетитных пирожков.

На подземной стоянке меня ждет новенький Урал. Та же модель, что у курьеров Тайной Канцелярии, но без имперского герба на бензобаке.

Я с нежностью и восторгом веду пальцами по блестящим лакированным панелям и подавляю желание прыгать и улюлюкать от счастья, как тринадцатилетний мальчишка.

— Милый, все в порядке?! — нетерпеливо произносит Ольга и кладет руку мне на пах.

— Предлагаешь обновить байк прямо здесь?!

— Нет, я начинаю тебя к нему ревновать! — усмехается Ольга. — Проверяю, насколько оправданы мои опасения!

— Он с тобой точно не сравнится!

Целую девчонку в губы, обнимаю ее за талию и крепко прижимаю к себе.

— Зря ластишься, я все равно на нем с тобой не поеду! — Ольга кладет ладони мне на грудь и мягко отталкивает от себя.

— Мальчики — на лошадях, девочки — в каретах! — с усмешкой заключаю я.

Веду Трубецкую к ее красному кабриолету, открываю дверь и усаживаю за руль.

— Встречаемся у въезда в высотку! — говорю я и посылаю ей воздушный поцелуй.

Я бы предпочел, чтобы Ольга поехала на байке, прижавшись к моей спине и крепко обняв, но от соло тоже не откажусь. Сажусь в кожаное кресло с высокой спинкой и активирую мотоцикл. Двигатель утробно рокочет и передает корпусу приятные вибрации.

Под нацеленными на меня объективами камер по стоянке я еду медленно. Многочисленные охранники задержать меня не пытаются, лишь провожают внимательными взглядами и сообщают о моих передвижениях по встроенным в шлемы рациям. Шувалов сдержал свое слово — теперь я свободен.

Урал ничем не отличается от уже опробованных мной, и разбираться в нюансах управления мотоциклом нет нужды. Выехав на набережную, я выкручиваю газ. Разгоняюсь на развязке, почти

положив байк на асфальт, вылетаю на Кутузовский и несусь вперед.

Кричу от счастья и сожалею, что до высотки Синих всего пара километров. Ее желто-бежевую громаду я каждый день вижу из окна спальни. Мост через Москву-реку, еще одна развязка, Конюшковская улица и поворот в Кудринский переулок. На все про все уходит несколько минут и чувство упоения сменяется разочарованием. Поездка получилась скомканной и нелепой, словно прерванный секс. Подъезжаю к высокому кованому забору и паркуюсь на гостевой стоянке.

Трубецкая появляется минутой позже. Она призывно машет рукой, и красный Руссо-Балт тормозит перед воротами. Я запрыгиваю в кабриолет, не открывая дверь, как в дешевых сериалах для подростков. Произвожу неизгладимое впечатление на охрану — нас снимают сразу несколько камер.

— Не откроют? — спрашиваю я на третьей минуте ожидания.

— Не знаю, не была дома с момента Инициации, — отвечает Ольга, и я отчетливо слышу, что она волнуется.

Кованые створки ворот медленно разъезжаются в стороны и позолоченный герб Империи на

них разделяется на две части. Это символично, учитывая, что наш мир разделен на одаренных и бездарей. Вот только я застрял где-то между и до сих пор не могу определиться с кем я.

Мы катимся под кронами вековых дубов, которые растут по обе стороны от парадного въезда. Задрав голову, я смотрю в их густые кроны и не сразу замечаю, что волнение Ольги усилилось. Она покусывает губы и сознательно медлит, откладывая момент встречи с семьей.

— Все будет хорошо! — успокаиваю ее и беру в руки миниатюрную ладошку.

— Ты обещаешь? — спрашивает она с надеждой.

— Да! — без колебаний отвечаю я.

Мы останавливаемся перед парадным входом в высотку. Прямо напротив него стоит бронзовая статуя основоположника династии Трубецких. Взгляд древнего Князя обращен на крыльцо, а черты лица…

Черты лица в точности повторяют мои! Все высшие аристо похожи друг на друга, потому что в их жилах течет кровь Разделенного, но такое сходство меня пугает. Нужно будет изучить портреты основателей всех Великих Родов и почитать научные труды на сей счет — не фантазия ли это

скульптора!

— Саша, ты про меня не забыл? — с тревогой спрашивает Ольга и я возвращаюсь к реальности.

— Извини, — говорю я и выхожу из машины.

Нас никто не встречает, на крыльце парадного входа никого. Нет ни слуг в старинных костюмах, ни охранников в боевых — только вездесущие московские воробьи разлетаются с широких ступеней. Красноречивая демонстрация отношения к отринутой Родом блудной дочери.

На этот раз делаю все по протоколу. Открываю дверцу и выхожу из кабриолета, плавно перетекая из позы в позу. Огибаю машину, без интереса скользя взглядом по фасаду из желтого туфа и галантно открываю дверь даме.

Каждое мое движение преисполнено аристократического достоинства, а холод в глазах может заморозить фонтан у ног величественной статуи основателя Великого Рода. Теперь я соответствую ожиданиям — двуликий Янус, ни дать ни взять.

Ольга опирается на мою руку и покидает автомобиль, придерживая ярко-синюю юбку. Мы, не спеша, поднимаемся по ступеням и останавливаемся перед высокими дубовыми дверьми.

Через несколько секунд они открываются, и

стоящие по обе стороны слуги встречают нас кислыми улыбками. Молча, как и подобает бездарям, дабы не нарушать слух высокородных одаренных и не смущать их прямыми взглядами. Все как в старинных романах.

Высотка Трубецких ничем не отличается от Шуваловской, что объяснимо: все семь построены по одному проекту и тем самым подчеркивают равенство Великих Родов. Разница лишь в том, что Синих больше и они занимают все здание, а две трети нашей высотки Род отдал под пятизвездочную гостиницу.

Глаза Ольги мечут гром и молнии, она явно не готова к такому приему. К приему, недостойному любого высокородного аристо, не говоря уже о членах Великого Рода. Она взмахивает гривой черных волос, и вмиг растеряв показное равнодушное величие, широким шагом направляется к лифту. Мы пересекаем помпезный холл в гробовом молчании, и мне становится не по себе от этой мертвой тишины.

Холл лифта представляет из себя зону досмотра, похожую на такую же перед кабинетом Князя Шувалова. Здесь с нами даже здороваются. Охранники, каждый из которых в полтора раза тяжелее меня, подчеркнуто вежливы. После прохода

через рамку, они тщательно обыскивают нас и открывают двери в лифтовый холл.

— Ненавижу! — цедит Трубецкая сквозь зубы уже в кабине, нажимает на кнопку «29», и ее лицо искажается от ярости.

— Не обращай внимания! — успокаиваю ее я, но не обнимаю — на нас нацелены сразу четыре камеры.

Лифт останавливается с мелодичным звуковым сигналом, и мы выходим в очередной холл.

— Это — детский этаж, мальчики — налево, девочки — направо! — тихо произносит Ольга. — Ты иди к Андрею, а я пока заскочу в свои апартаменты.

В уголках синих глаз стоят слезы, и я понимаю, что она на грани и сейчас расплачется. Прижимаю девчонку к себе, наплевав на камеры, следящую за нами охрану, ее отца, брата и просьбу Шувалова не демонстрировать отношения на публике.

— Ты сильная девочка! — шепчу я в маленькое ушко. — Держи лицо!

Она кивает, уткнувшись подбородком в мое плечо, и чудовищное напряжение, наконец, ее отпускает.

Иду налево, как и велено. Захожу в следующий

холл, который охраняют трое сероглазых бойцов в черных костюмах. Один из них выступает мне навстречу и отрицательно качает головой.

— Добрый вечер, Ваша Светлость! — холодно приветствует он. — Его Светлость Князь Андрей Трубецкой не велели никого пускать. Желают побыть в одиночестве.

— Никого вообще или конкретно меня? — уточняю я, но в ответ получаю молчание.

Теперь мне не нужны слова, я чувствую, что верен второй вариант.

— Князь знает, что я здесь? — спрашиваю лишь для того, чтобы прочесть подтверждение в глазах напротив, но неожиданно получаю ответ.

— Князь не принимает и велел передать, что вы — нежелательная персона, — равнодушно сообщает старший.

Я разворачиваюсь с намерением уйти, а затем останавливаюсь. Поворачиваюсь к бойцам, делаю шаг вперед, и двое охранников решительно загораживают проход. Видимо, они что-то видят в моих глазах, потому что принимают боевые стойки и отступают.

— Ваша Светлость, мы лишь выполняем приказ! — предупреждает старший, медленно перемещаясь к красной кнопке, расположенной на стене

перед дверью.

Вхожу в состояние спурта и планирую бой, словно хореограф танцевальную композицию. В его исходе я не сомневаюсь.

Старшего я укладываю одним ударом в челюсть, он даже отреагировать не успевает и тяжелым кулем оседает на мрамор. Двое амбалов бросаются на меня с кулаками, но безнадежно опаздывают — я резко смещаюсь вправо, отталкиваюсь от стены, врезаюсь в ближнего и пробиваю его левой в висок.

Второй разворачивается, наталкивается животом на мой кулак, а затем носом — на колено, и, жалобно подвывая, валится на пол. Три контрольных удара в виски завершают короткий бой, я выпадаю из спурта, и мои кулаки взрываются болью.

Желто-розовая дубовая дверь, которую охраняли незадачливые вояки, распахивается, и на пороге появляется Трубецкой.

— Ты что себе позволяешь! — кричит он.

Глаза Андрея вспыхивают гневом, он бросается ко мне, хватает за лацканы пиджака и затаскивает в свои апартаменты. Я не сопротивляюсь и позволяю прижать себя к стене. На мгновение перед глазами возникает лицо Мины и ее губы,

произносящие то же слово. Трубецкой заносит руку для удара, но я смотрю во взбешенные синие глаза и не закрываюсь. Получаю прямой в челюсть, еще один — по печени и падаю на колени.

— Ты меня подставил! — выплевывает он мне в лицо. — Предатель!

— Я не предавал тебя! — сдавленно хриплю я. — Я все объясню! Я не хочу терять единственного друга!

Мне так больно, что хочется упасть лицом на ковер и выблевать внутренности.

Андрей смотрит на меня с удивлением и медленно опускает кулаки. Пассаж про друга, да еще и единственного действует вполне предсказуемо. Воинственный запал парня улетучивается, и из него как будто разом выпускают воздух.

— Привет, аристо! — говорю я, поднимаясь с колен.

На пороге появляется несколько охранников, но Трубецкой останавливает их резким движением руки.

— Оставьте нас! — приказывает он, и я впервые вижу его таким: решительным и властным.

Парни мгновенно исчезают за закрывшейся дверью, и Андрей переводит взгляд на меня.

— Привет, бастард! — говорит он после длинной паузы.

Я атакую неожиданно. Зеркалю его выпад и наношу два быстрых удара: в челюсть и печень. Трубецкой тоже не закрывается, лишь недовольно морщится и начинает заваливаться назад. Бросаюсь к нему и подхватываю, не позволяя упасть.

— Теперь мы в расчете, — тихо шепчу я, прижимая к себе сотрясающееся в конвульсиях тело.

Он отстраняется от меня и смотрит исподлобья, держась за живот левой рукой. Я вспоминаю уроки физиономистики и улыбаюсь. Натягиваю на лицо самую дурацкую из всего арсенала своих улыбок. Сейчас я похож на щенка, который нассал в тапки и теперь чувствует себя жутко виноватым. Умильного и располагающего к себе щенка.

Суровое выражение лица Андрея дает трещину, в глазах появляется теплота, он тоже улыбается и протягивает ладонь для рукопожатия.

— Аллочка была хороша? — спрашиваю я, крепко сжимая его кисть.

— Вместо медсестры ко мне пожаловал Бестужев-старший, — отвечает он.

— Тебе не повезло, но желание ты мне пообе-

щал!

— Секс с мужчинами я не практикую, — он кисло улыбается собственной дежурной шутке. — А денег у тебя достаточно — Апраксин целое состояние должен!

— Андрей, я хочу, чтобы ты поговорил с Ольгой…

Дверь за моей спиной открывается, бесстрашный Трубецкой смотрит в проем, округляет глаза и пятится назад, словно нашкодивший школьник от дворника с метлой.

— Здравствуй, сестра! — тихо говорит он и застывает без движения.

Симпа сделал свое дело, Симпа может уходить. Я обязательно напишу новый «Кодекс Агента», и первое правило уже готово: «Доверяй друзьям».

Я выхожу в холл, тихо прикрываю за собой дверь, сажусь на пол и прислоняюсь спиной к холодной стене. Пятеро охранников ожидают меня у противоположной, приняв боевые стойки.

— Простите, ребята, виноват! — каюсь я. — Аристо — те еще ублюдки, даже чистокровные!

Глава 26
Дорога к Храму

Я стою у панорамного окна с чашечкой дымящегося кофе в руке, смакую божественный вкус и смотрю на высотку Трубецких. Этим утром на небе нет ни единого облачка, и синий поток света, бьющий из Кристалла на ее шпиле, растворяется в небесной голубизне.

Как там моя девушка и мой друг? Вчера вечером я оставил их в тесном семейном кругу и ушел не прощаясь. Брату и сестре есть о чем поговорить без свидетелей и обсудить все произошедшее во время размолвки.

Прошедшей ночью я спал как младенец, и теперь чувствую себя отдохнувшим и полным сил. У этого замечательного состояния есть и негативные последствия — засилье мыслей о собственной судьбе и загадках, которых с каждым днем становится все больше и больше.

Громкая трель телефонного звонка выводит меня из состояния задумчивости. На экране смартфона светится золотой двуглавый орел на фиолетовом фоне — звонок по защищенному

каналу.

Тьма меня раздери! После спокойной ночи снова намечается какая-то срань! Допиваю кофе, беру в руки смарт и внимательно слушаю, плотно прижав его к уху. На связи Великий Князь Шувалов, что и следовало ожидать.

— Саша, Алексей Романов при смерти, срочно уходи из высотки — Бестужев-старший уже выслал за тобой группу захвата! — негромко говорит он. — Новые документы, деньги и линзы возьми у Берестова. Адреса укрытий он тоже даст — тебе нужно затаиться до Инициации!

— Тьма меня раздери! — повторяю я, обращаясь к синему пологу августовского неба.

— Ты меня понял?! — восклицает Шувалов.

— Да понял я, понял! — подтверждаю я.

— Действуй, у тебя не больше десяти минут! — приказывает Князь, и в динамике раздаются короткие гудки.

Одеваюсь я за полминуты, дрессировка в Приюте не прошла даром. Немного подумав, достаю из тайника оба Осколка — Темный и Фиолетовый. Первый кладу в карман, а второй надеваю на шею и заправляю его под футболку. В коридоре меня ждет Берестов.

— Бегом в лифт! — кричит он и протягивает

мне черный рюкзак. — Все камеры отключены, линзы наденешь в кабине! Документы и телефон чистые, но без необходимости их не свети! Адреса конспиративных квартир проверены! В Метро не спускайся — пользуйся наземным транспортом! Удачи, Саша! Мы с тобой свяжемся!

— Спасибо! — искренне благодарю я, пожимаю крепкую жилистую руку безопасника и бегу к лифту.

Берестов желает мне удачи! Тот самый Берестов, который еще недавно прямо обвинял в предательстве!

Кабина лифта ждем меня на этаже с открытыми дверьми. Запрыгиваю внутрь и вытаскиваю капсулу с линзами из рюкзака. Подхожу к зеркалу, намереваясь их надеть, и останавливаюсь в шаге от него. Сосредотачиваюсь, отбрасываю суетливые мысли и замедляю сердцебиение.

Ситуация проста и незамысловата. На мою поимку брошены силы Имперского Сыска. Все настолько серьезно, что Великий Князь не может обеспечить мою защиту, а группа захвата с минуты на минуту прибудет в родовую высотку Фиолетовых.

Бестужев-старший либо получил обо мне некую информацию, либо решил, что состояние Цеса-

ревича освободило его от данного на смертном одре обещания. Беспрецедентные меры для моего задержания свидетельствуют лишь об одном: Бестужев, а, возможно, и Император знают, что я Темный. Знают или подозревают.

В любом случае, если я попаду в лапы сыска, то мне конец. Дознаватели будут копаться в моих мозгах до тех пор, пока не сломают защиту, установленную Шуваловым, а штатные палачи — пытать, пока не получат нужное чистосердечное признание. Им и пытать меня не обязательно — достаточно свидетельства Князя Грибоедова, который с чистой совестью подтвердит, что новоиспеченный князь Александр Игоревич Шувалов — Темный. Или уже подтвердил.

Как долго я смогу прятаться от спецслужб, если затеряюсь сейчас в Москве? И какова вероятность, что Шувалов разрулит ситуацию, и меня допустят к Инициации? А если не разрулит, и не допустят? А если будет вынужден слить, чтобы сохранить статус, влияние и Род, который он надеется возродить?

Нет, играть в прятки — это не решение. Я кладу линзы обратно в рюкзак, останавливаю лифт, меняю этаж назначения и блокирую остановки на попутных этажах. Надеваю любимую кепку с

длинным козырьком, становлюсь перед дверьми и принимаю боевую стойку. Против одаренных у меня нет шансов, но серым я продам свою свободу недешево.

Лифт останавливается в подземном гараже, и я пулей вылетаю наружу. Стоянка пуста, здесь меня никто не ждет. Прежде чем броситься к своему Уралу, я останавливаюсь у пожарного щита и прячу в нем Темный Осколок. Не самый надежный тайник, но у меня нет времени искать другой.

Я бегу к байку и активирую двигатель. Какое-то время медлю, размышляя, что сделать со смартом, а затем плюю на все, и просто его отключаю. Кладу в карман и выкатываюсь с парковочного места. Вне бетонного стилобата меня запеленгуют мгновенно, но в свете моего выбора это не имеет значения.

Шлагбаум и ворота охрана открывает заранее, едва увидев, как я выезжаю с парковочного места. Набираю скорость и вылетаю на набережную, бросая мотоцикл в дрифт. Проезжаю под мостом и вижу на нем кавалькаду машин Тайного Сыска, которая мчится к высотке в сопровождении двух вертолетов.

Лечу по широкой дуге, выезжаю на Кутузов-

ский проспект и выкручиваю гашетку до отказа. Рев двигателя оглушает, Урал дергается и снова набирает скорость. Над головой проносятся вертолеты, и я салютую им, становясь на заднее колесо. Стоппи на отягощенном капсулой байке я делать не рискую, хотя очень хочется.

Увидев меня сейчас, Шеф в очередной раз нудил бы про мою склонность к театральным эффектам, нарциссизм и играющее в заднице детство, но правда состоит в том, что трюкачество мне нравится. Я рискую не ради эффектных фотографий в Телеграфе или чьего-то восхищения, а ради адреналиновых бурь в крови.

Если бы я был обычным серым бездарем, то обязательно занялся бы мотоспортом. Что обо всем этом скажет Великий Князь Шувалов я гадать не хочу. Скоро услышу собственными ушами, если, конечно, выживу.

До Знаменки я доезжаю за пару минут, вылетая на нее по крутой эстакаде и несусь вперед, а на Волхонке начинаются первые проблемы. Улица перекрыта тяжелой техникой — всю ширину дорожного полотна перегораживают бронированные машины «Ижора».

Меняю план на ходу. Делаю крутой поворот и выезжаю на Ленивку. Выскакиваю на Пречистен-

ку, ухожу от столкновения с автобусом и мчусь к Храму. Его цветные купола призывно светятся даже в яркий солнечный день, и я лечу к ним как мотылек на свет фонаря в ночи.

На храмовый стилобат я заезжаю по лестнице, отсчитывая задницей каждую ступень. Наверху меня ждет сюрприз: Храм Разделенного окружен несколькими рядами стальных ограждений, а через каждые три метра несут дежурство спецназовцы в активированной боевой броне.

Они удивленно взирают на курьерский байк «Имперец», невесть как оказавшийся на дальних подступах к Храму, но что с ним делать не знают. Возможно, безбашенный курьер привез какое-то важное сообщение их командиру. Скоро они заподозрят неладное, и вся эта вооруженная орда бросится на меня.

На выложенной брусчаткой дороге, ведущей к Храму, стоят еще три «Ижоры». Их передние броневые пластины опускаются к дороге под пологим углом, защищая гусеницы, и я решаю рискнуть. Выкручиваю гашетку, мчусь к среднему броневику, оттормаживаюсь и заскакиваю на корпус передним колесом.

Стоящие слева и справа бойцы поворачиваются ко мне с автоматами наперевес, но я уже

соскакиваю на асфальт со стороны крутой кормы «Жорика». Амортизаторы гасят удар с глухим стуком, но выдерживают, и я еду дальше. Стрелять вслед бойцы не решаются, и я вижу в заднее зеркало, как они перелезают через ограждения и бегут за мной нестройной толпой.

Преодолеваю еще ряд ступенек, резко торможу перед громадой Храма, кладу мотоцикл набок и врезаюсь колесами в высокие дубовые двери. Запертым створкам мой удар, как слону — дробина, а вот задница и позвоночник отзываются пронзительной болью.

Двери заперты, и мой спонтанный план трещит по швам. Я выбираюсь из капсулы и встаю перед приближающимися бойцами во весь рост. Два десятка вооруженных профессионалов в активной броне превратят меня в отбивную за полминуты, но сдаваться я не намерен.

Приходит запоздалое сожаление, что не позвонил и не написал Ольге, но теперь времени на это нет. Задираю голову к небу и смотрю в синюю высь, прощаясь со свободой и, возможно, с жизнью.

Миг, когда небесная синь тускнеет и обретает серый цвет, наступает неожиданно. Осколок на груди обжигает грудь, тело наливается силой и

покрывается полупрозрачной мерцающей пеленой — Покровом. Течение времени замедляется, звуки тянутся и уходят в нижний регистр, а щебет птиц превращается в скрежет несмазанных шестеренок.

Я опускаю голову и смотрю на бегущих ко мне бойцов. Их круглые шлемы подпрыгивают, словно черные шарики, а движения замедлились — в сочетании с черно-белой картинкой действо напоминает кадры фильма, снятого режиссером-авангардистом.

Не хочу устраивать побоище, парни в своем праве и выполняют приказ. Для них я — террорист, посягнувший на святыню, которую они призваны охранять. Возможно, они подозревают во мне Темного, но все равно бесстрашно идут в бой, и потому заслуживают уважения, а не смерти.

Первую пару нападавших я отбрасываю одним ударом. Они взлетают в воздух, нелепо взмахивают руками, а затем летят назад, сбивая бегущих за ними, словно кегли в кегельбане. Травмы, несовместимые с жизнью им не грозят: парней защищает боевая броня. Бойцы продолжают прибывать, и я разбрасываю их в стороны, словно герой популярного блокбастера.

Для меня время движется медленно, а парни даже не видят движений моих рук и ног — для них я похож на мерцающий в пространстве серый вихрь. Первый десяток встретившихся со мной бойцов отползает назад, а остальные останавливаются, осознав, наконец, что победить меня врукопашную у них шансов нет.

Оценив изменившуюся обстановку, бойцы бросаются под защиту бронетранспортеров, группируются позади них, и начинают стрелять в меня из-за брони. Автоматы руках солдат дергаются, выплевывая пули, и они приближаются ко мне разреженным серым роем. Я взмахиваю рукой и сметаю ревущий свинец одним быстрым движением. Можно было бы отправить его обратно и выкосить всех нападающих одной смертоносной волной, но я не хочу убивать.

Ижоры оживают. Башни на их корпусах вздрагивают, сдвоенные турели берут меня в прицел и начинают поливать свинцовым дождем. Создаю вокруг себя невидимое защитное поле, и пули с заостренными наконечниками вязнут в нем, словно в теле исполинской медузы. Уже через минуту нашпигованное свинцом пространство отрезвляет атакующих, и стрельба смолкает.

Их тактика снова меняется. Ревут двигатели,

многотонные машины дергаются и начинают движение. Они ползут медленно, в моем восприятии — не быстрее черепахи, и я размышляю, как нейтрализовать угрозу, не убив никого из бойцов.

На мгновение отвлекшись от боя, я понимаю, что моя мощь растет с каждой секундой и ощущаю Силу, которую поглощаю из окружающего пространства, словно губка. Осколок на груди вплавляется в плоть раскаленным куском металла, но я не чувствую боли — только огненный жар, ласкающий кожу.

«Жорики» неторопливо вползают на ступени и вновь открывают огонь. Кроша гусеницами ступени, они медленно поднимаются на площадку перед входом в Храм. Пулеметы строчат без перерыва, и им вторят автоматы бойцов, движущихся под защитой брони.

Свинца вокруг меня становится едва ли не больше, чем воздуха, и мне надоедает этот аттракцион. Усилием воли я подбрасываю остановившиеся пули над головами нападающих, и они падают вниз свинцовым дождем. Стволы крупнокалиберных пулеметов завязываю узлами, и выстрелы, наконец, стихают. Бронетранспортеры останавливаются, и незадачливые

бойцы покидают их через задние люки.

Пули, барабанящие по шлемам бойцов, заставляет их прекратить выстрелы и отступить. Они не понимают, что свинец падает сверху, и не способен причинить вред, но стрелять прекращают и распластываются на брусчатке.

Я поражен собой не меньше своих противников. Реальность повинуется мне беспрекословно, но механику происходящего я не понимаю — мои желания мгновенно обретают материальную форму. Неужели одаренные ограничены лишь мощью собственного воображения или больной фантазии?

Когда-нибудь человеколюбие меня погубит, но пока я не готов уничтожать невинных людей. Кроме того, вполне возможно, что когда-нибудь им придется меня охранять с оружием в руках. Великий Князь уверен, что высшего одаренного невозможно убить из обычного огнестрела или магострела, но я в этом сомневаюсь. И повод для сомнения есть — многочисленные перечеркнутые фото представителей Великих Родов в их запутанных генеалогических древах.

Пора заходить в Храм. Сила, таящаяся в семи Кристаллах просто колоссальна. Я чувствую, что она превосходит мощь Темного Кристалла в

несколько раз, и не могу противостоять ее зову. Разворачиваюсь, было, чтобы войти в Храм, но замечаю силуэты двух приближающихся вертушек.

Они стреляют в меня из пулеметов, и снова нашпиговывают пулями желеобразный щит передо мной. Через пару десятков секунд они зависают над Москва-рекой, и из подкрылков выдвигаются ракетные установки.

Мое терпение заканчивается — я не хочу проверять, выдержит ли моя защита синхронный удар четырех ракет, каждая из которых способна поразить тяжелый танк. Представив себе огромную полупрозрачную ладонь, я заношу ее над Сикорскими и смахиваю вертушки в сторону, словно надоедливых мух.

Ракеты они выпустить не успевают. Медленно падают в реку, обламывая лопасти о поверхность воды и оглушая низкочастотным ревом. Бойцы нападать не пытаются и даже не стреляют. Побросав автоматы, они ползут прочь от Храма и от меня.

Я становлюсь спиной к Москва-реке и лицом к закрытым дверям. Можно аккуратно сломать удерживающие их замки, но во мне бурлит чудовищная Сила и растет жажда разрушения.

Усилием воли я формирую огромный полупрозрачный шар и бросаю его в дубовые створки. Двери срываются с петель, влетают внутрь здания и сносят муляж Светлого Кристалла. Он падает с опоры, скользит по мраморному полу и выбивает двери на противоположном фасаде.

Спецназ позади меня выходит из ступора, и снова начинает стрелять. Звук выстрелов протяжен и низок, пули плывут по воздуху со звуком пикирующих бомбардировщиков и врезаются в щит за моей спиной. Через разрушенный входной проем напротив я вижу бронетранспортеры, двигающиеся к Храму по Патриаршему мосту и несколько вертолетов, взлетающих над Кремлем.

Становлюсь на то место, где еще недавно стояла реплика Светлого Кристалла, воздеваю руки к расписанному фресками потолку и обращаюсь к семи Кристаллам, установленным в куполах.

На меня обрушиваются чудовищные потоки Силы, и мне хочется кричать в голос от упоения собственным могуществом. Сейчас я могу уничтожить Храм одним усилием воли или превратить весь центр Москвы в эпицентр разрушительного взрыва.

Я формирую вокруг себя полупрозрачную полусферу и быстро увеличиваю ее радиус, снося

с поверхности стилобата стальные ограждения, броневики и окружающих Храм бойцов. Через минуту она накрывает Храм Разделенного непроницаемым куполом, и наступает гробовая тишина. Время возобновляет привычный бег, и пространство вокруг расцветает разноцветным сполохами.

Кто-то из великих одаренных древности сказал как-то, что у каждого своя дорога к Храму. Моя оказалась не из легких. Я должен пройти Инициацию без помощи Глав Великих Родов. Должен стать одаренным и продемонстрировать каждому бездарю в Телеграфе свои глаза, полыхающие двумя фиолетовыми сапфирами.

Продолжение (третий том): https://author.today/reader/343144/3158721

Nota bene

Книга предоставлена Цокольным этажом, где можно скачать и другие книги.

Сайт заблокирован в России, поэтому доступ к сайту через VPN. Можете воспользоваться Censor Tracker или Антизапретом.

У нас есть Telegram-бот, о котором подробнее можно узнать на сайте в Ответах.

* * *

Если вам понравилась книга, наградите автора лайком и донатом:

#Бояръ-Аниме. Кодекс Агента. Том 2